

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nekrasovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов

Стихи и поэмы 1856 – 1874 гг.

1. ТИШИНА

1

Всё рожь кругом, как степь живая,

Ни замков, ни морей, ни гор...

Спасибо, сторона родная,

За твой врачующий простор!

За дальним Средиземным морем,

Под небом ярче твоего,

Искал я примиренья с горем,

И не нашел я ничего!

Я там не свой: хандрю, немею,

Не одолев мою судьбу,

Я там погнулся перед нею,

Но тыдохнула – и сумею,

Быть может, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропот укоризны

За мною по пятам бежал,

Не небесам чужой отчизны –

Я песни родине слагал!

И ныне жадно поверяю

Мечту любимую мою

И в умиленьи посылаю

Всему привет... Я узнаю

Суровость рек, всегда готовых

С грозой выдержать войну,

И ровный шум лесов сосновых,

И деревенок тишину,

И нив широкие размеры...

Храм божий на горе мелькнул

И детски чистым чувством веры

Внезапно на душу пахнул.

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Нет отрицанья, нет сомненья,

И шепчет голос неземной:

Лови минуту умиленья,

Войди с открытой головой!

Как ни тепло чужое море,

Как ни красна чужая даль,

Не ей поправить наше горе,

Размыкать русскую печаль!

Храм воздыханья, храм печали –

Убогий храм земли твоей:

Тяжеле стонов не слышали

Ни римский Петр, ни Колизей!

Сюда народ, тобой любимый,

Своей тоски неодолимой

Святое бремя приносил –

И облегченный уходил!

Войди! Христос наложит руки

И снимет волею святой

С души оковы, с сердца муки

И язвы с совести больной...

Я внял... я детски умилился...

И долго я рыдал и бился

О плиты старые челом,

Чтобы простил, чтоб заступился

Чтоб осенил меня крестом

Бог угнетенных, бог скорбящих,

Бог поколений, предстоящих

Пред этим скудным алтарем!

2

Пора! За рожью колосистой

Леса сплошные начались,

И сосен аромат смолистый

До нас доходит..."Берегись!"

Мужик торопится свернуть...
Опять пустынно-тих и мирен
Ты, русский путь, знакомый путь!
Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей,
Пыль не стоит уже столбами
Над бедной родиной моей.
Опять ты сердцу посылаешь
Успокоительные сны,
И вряд ли сам припоминаешь,
Каков ты был во дни войны, -
Когда над Русью безмятежной
Восстал немолчный скрип тележный,
Печальный, как народный стон!
Русь поднялась со всех сторон,
Всё, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей.
Войска водили офицеры,
Гремел походный барабан,
Скакали бешено курьеры;
За караваном караван
Тянулся к месту яркой битвы -
Свозили хлеб, сгоняли скот,
Проклятья, стоны и молитвы
Носились в воздухе... Народ
Смотрел с довольными глазами
На фуры с пленными врагами,
Откуда рыжих англичан,
Французов с красными ногами
И чалмоносных мусульман
Глядели сумрачные лица...

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
И всё минуло... всё молчит...

Так мирных лебедей станица,
Внезапно спугнута, летит
И, с криком обогнув равнину
Пустынных, молчаливых вод,
Садится дружно на средину
И осторожнее плывет...

З

Свершилось! Мертвые отпеты,
Живые прекратили плач,
Окровавленные ланцеты
Отчистил утомленный врач.
Военный поп, сложив ладони,
Творит молитву небесам.
И севастопольские кони
Пасутся мирно... Слава вам!
Все были там, где смерть летает,
Вы были в сечах роковых
И, как вдовец жену меняет,
Меняли всадников лихих.

Война молчит – и жертв не просит,
Народ, стекаясь к алтарям,
Хвалу усердную возносит
Смирившим громы небесам.
Народ – герой! в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца,
Светлее твой венец терновый
Победоносного венца!

Молчит и он... как труп безглавый,
Еще в крови, еще дымясь;
Не небеса, ожесточась,
Его снесли огнем и лавой:
Твердыня, избранная славой,

Земному грому поддалась!

Три царства перед ней стояло,

Перед одной... таких громов

Еще и небо не метало

С нерукотворных облаков!

В ней воздух кровью напоили,

Изрешетили каждый дом

И, вместо камня, намостили

Ее свинцом и чугуном.

Там по чугунному помосту

И море под стеной течет.

Носили там людей к погосту,

Как мертвых пчел, теряя счет...

Свершилось! Рухнула твердыня,

Войска ушли... кругом пустыня,

Могилы... Люди в той стране

Еще не верят тишине,

Но тихо... В каменные раны

Заходят сизые туманы,

И черноморская волна

Уныло в берег славы плещет...

Над всею Русью тишина,

Но – не предшественница сна:

Ей солнце правды в очи блещет,

И думу думает она.

4

А тройка всё летит стрелой.

Завидев мост полуживой,

Ямщик бывалый, парень русский,

В овраг спускает лошадей

И едет по тропинке узкой

Под самый мост... оно верней!

Лошадки рады: как в подполье,

И выезжает на приволье
Лугов... родной, любимый вид!
Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковых ковров,
И, как серебряные блюда,
На ровной скатерти лугов
Стоят озера... Ночью темной
Мы миновали луг поемный,
И вот уж едем целый день
Между зелеными стенами
Густых берез. Люблю их тень
И путь, усыпанный листьями!
Здесь бег коня неслышно-тих,
Легко в их сырости приятной,
И веет на душу от них
Какой-то глушью благодатной.
Скорей туда – в родную глушь!
Там можно жить, не обижая
Ни божьих, ни ревижских душ
И труд любимый довершая.
Там стыдно будет унывать
И предаваться грусти праздной,
Где пахарь любит сокращать
Напевом труд однообразный.
Его ли горе не скребет? –
Он бодр, он за сохой шагает.
Без наслажденья он живет,
Без сожаленья умирает.
Его примером укрепись,
Сломившийся под игом горя!
За личным счастьем не гонись
И богу уступай – не споря...

2. БУНТ

... Скачу, как вихорь, из Рязани,
являюсь: бунт во всей красе,
Не пожалел я крупной брани –
И пали на колени все!

Задавши страху дерзновенным,
Пошел я храбро по рядам
И в кровь коленопреклоненным
Коленом тыкал по зубам...

1857 (?)

3.

Стихи мои! Свидетели живые
За мир пролитых слез!
Родитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз
И бьетесь о сердце людские,
Как волны об утес.

< 1858 >

4.

В столице шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России –
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

1857, 1858

5. РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА
Вот парадный подъезд.

По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом

Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь – в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает "трам-трам",
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар ."Допусти", – говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах.
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: "Гони!
Наш не любит оборванной черни!"
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: "Суди его бог!",

Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдную,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни.
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, -
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, - как дитя

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Ты уснешь, окружен попечением

Дорогой и любимой семьи

(Ждущей смерти твоей с нетерпением);

Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? –
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье..
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается

Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется –
То бурлаки идут бечевою!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, –
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, –
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

1858

6. (Отрывок)
Ночь. Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаем, чего пожелать.

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто всё терпит, во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям;
Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи,
Без понятия о праве, о боге,
Как в подземной тюрьме без свечи...

1858

7. ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

"Стой, ямщик! жара несносная,

дальше ехать не могу!"

Вишь, пора-то сенокосная -

вся деревня на лугу.

У двора у постоялого

только нянюшка сидит,

закачав ребенка малого,

и сама почти что спит;

через силу тянет песенку

да, зевая, крестит рот.

сел я рядом с ней на лесенку,

няня дремлет и поет:

"ниже тоненькой былиночки

надо голову клонить,

чтоб на свете сиротиночке

беспечально век прожить.

сила ломит и соломушку -

поклонись пониже ей,

чтобы старшие Еремушку

в люди вывели скорей.

в люди выдешь, всё с вельможами

будешь дружество водить,

с молодницами пригожими

шутки вольные шутить.

и привольная и праздная

жизнь покатится шутя..."

эка песня безобразная!

"няня! дай-ка мне дитя!"

- "на, родной! да ты откуда?"

- "я проезжий, городской".

– "Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!"

– "Как не спеть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...

– Баю-баюшки-баю!

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт – ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

С ними ты рожден природою –
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правую,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

И тогда-то..." Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

"Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!"
И запела над малюткою
Снова песенку свою...

1859

8. ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ

1. МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

На дальнем севере, в гиперборейском крае,
Где солнце тусклое, показываясь в мае,
Скрывается опять до лета в сентябре,
Столица новая возникла при Петре.
Возникнув с помощью чухонского народа
Из топей и болот в каких-нибудь два года,
Она до наших дней с Россией не срослась:
В употреблении там гнусный рижский квас,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
С немецким языком там перемешан русский,

И над обоими господствует французский,
А речи истинно народный оборот
Там редок столько же, как честный патриот!"

Да, патриота там наищешься со свечкой:
Подбиться к сильному, прикинуться овечкой,
Местечка теплого добиться, и потом
Безбожно торговать и честью и умом –
Таков там человек! Но впрочем, без сомненья,
Спешу оговорить, найдутся исключения.
Забота промысла о людях такова,
Что если где растет негодная трава,
Там есть и добрая: вот, например, Жуковский, –
Хоть в Петербурге жил, но был с душой московской.

Театры и дворцы, Нева и корабли,
Несущие туда со всех сторон земли
Затеи роскоши; музеи просвещения,
Музеи древностей – "все признаки ученья"
В том городе найдешь; нет одного: души!
Там высох человек, погрязнув в барыши,
Улыбка на устах, а на уме коварность:
Святого ничего – одна утилитарность!

Итак, друзья мои! клянусь тщеславный град!
Рыдаю и клянусь... Прогрессу он не рад.
В то время как Москва надеждами пылает,
Он погружается по-прежнему в разврат
И против гласности стишонки сочиняет!..

2. ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Ты знаешь град, заслуженный и древний,
Который совместил в свои концы
Хоромы, хижины, посады и деревни,
И храмы божи, и царские дворцы?

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Тот мудрый град, где, смелый провозвестник

Московских дум и английских начал,
Как водопад бушует "Русский вестник",
Где "Атений" как ручеек журчал.

Ты знаешь град? – Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Ученый говорит: "Тот град славнее Рима",
Прозаик "сердцем родины" зовет,
Поэт гласит "России дочь любима",
И "матушкой" чествует народ.
Недаром, нет! невольно брызжут слезы
При имени заслуг, какие он свершил:
В 12-м году такие там морозы
Стояли, что француз досель их не забыл.

Ты знаешь град? – Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Достойный град! Там Минин и Пожарский
Торжественно стоят на площади.
Там уцелел остаток древнебарский
У каждого патриция в груди.
В купечестве, в сословии дворянском
Там бескорыстие, готовность выше мер:
В последней ли войне, в вопросе ли крестьянском
Мы не один найдем тому пример..

Ты знаешь град? – Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Волшебный град! Там люди в деле тихи,
Но говорят, волнуются за двух,
Там от Кремля, с Арбата и с Плющихи
Отвсюду веет чисто русский дух;
Всё взоры веселит, всё сердце умиляет,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
На выпренный настраивает лад –

Царь-колокол лежит, царь-пушка не стреляет,
и сорок сороков без умолку гудят.

Волшебный град! – Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Правдивый град! Там процветает гласность,
Там принялись науки семена,
Там в головах у всех такая ясность,
что комара не примут за слона.
Там, не в пример столице нашей невской,
Подметят всё – оценят, разберут:
Анафеме там предан Чернышевский
и Кокорева ум нашел себе приют!

Правдивый град! – Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Мудренный град! По приговору сейма
Там судятся и люди и статьи;
Ученый Бабст стихами Розенгейма
Там подкрепляет мнения свои,
Там сомневается почтеннейший Киттары,
Уж точно ли не нужно сечь детей?
Там в Хомякове чехи и мадьяры
Нашли певца народности своей.

Мудренный град! – Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Разумный град! Там Павлов Соллогуба,
Байборода Крылова обличил,
Там (Шевырев) был поражен сугубо,
Там сам себя Чичерин поразил.
Там что ни муж – то жаркий друг прогресса,
И лишь не вдруг могли уразуметь:

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Что на пути к нему вернее – пресса

Или умно направленная плеть?

Разумный град! – Туда, туда с тобой

Хотел бы я укрыться, милый мой!

Серьезный град!.. Науку без обмана,

Без гаерства искусство любят там,

Там область празднословного романа

Мужчина передал в распоряжение дам.

И что роман? Там поражают пьянство,

Устами Чаннинга о трезвости поют.

Там люди презирают балаганство

И наш "Свисток" проклятью предают!

Серьезный град! – Туда, туда с тобой

Нам страшно показаться, милый мой!

1859

9. УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ

1

Беспокойная ласковость взгляда,

И поддельная краска ланит,

И убогая роскошь наряда –

Всё не в пользу ее говорит.

Но не лучше ли, прежде чем бросим

Мы в нее приговор роковой,

Подзовем-ка ее да расспросим:

"Как дошла ты до жизни такой?"

Не длинен и не нов рассказ:

Отец ее подъячий бедный,

Таскался писарем в Приказ,

Имел порок дурной и вредный –

Запоем пил – и был буян,

Когда домой являлся пьян.

Предвидя роковую схватку,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Жена малютку уведет,

Уложит наскоро в кроватку
И двери поплотней припрет.
Но бедной девочке не спится!
Ей чудится: отец бранится,
Мать плачет. Саша на кровать,
Рукою подпершись, садится,
Стучит в ней сердце... где тут спать?
Раздвинув завесы цветные,
Глядит на двери запертые,
Откуда слышится содом,
Не шевелится и не дремлет.
Так птичка в бурю под кустом
Сидит – и чутко буре внемлет.
Но как ни буен был отец,
Угомонился наконец,
И стало без него им хуже.
Мать умерла в тоске по муже,
А девочку взяла "мадам"
И в магазине поселила.
Не очень много шили там,
И не в шитье была там сила

.....

2

"Впрочем, что ж мы? нас могут заметить, –
Рядом с ней?!" и отхлынули прочь
Нет! тебе состраданья не встретить,
Нищеты и несчастья дочь!
Свет тебя предает поруганью
И охотно прощает другой,
Что торгует собой по призванью,
Без нужды, без борьбы роковой;
Что, поднявшись с позорного ложа,
Разоденется, щеки припрет

и летит, соблазнительно лежа
В щегольском экипаже, в народ –
В эту улицу роскоши, моды,
Офицеров, лореток и бар,
Где с полугосударства доходы
Поглощает заморский товар.
Говорят, в этой улице милой
Всё, что модного выдумал свет,
Совместилось с волшебною силой,
Ничего только русского нет –
Разве Ванька проедет унылый.
Днем и ночью на ней маскарад,
Ей недаром гордится столица.
На французский, на английский лад
Исковеркав нерусские лица,
Там гуляют они, пустоты вековой
И наследственной праздности дети,
Разодетой, довольной толпой..
Ну, кому же расставишь ты сети?
Вышла ты из коляски своей
И на ленте ведешь собачонку;
Стая модных и глупых людей
Провожает тебя вперегонку.
У прекрасного пола тоска,
Чувство злобы и зависти тайной.
В самом деле, жена бедняка,
Позавидуй! эффект чрезвычайный!
Бриллианты, цветы, кружева,
Доводящие ум до восторга,
И на лбу роковые слова:
"Продается с публичного торга!"
Что, красавица, нагло глядишь?
Чем гордишься? Вот вся твоя повесть:
Ты ребенком попала в Париж,

Потеряла невинность и совесть,
Научилась белиться и лгать
И явилась в наивное царство:
Ты слыхала, легко обирать
Наше будто богатое барство.

Да, не трудно! Но должно входить
В этот избранный мир с аттестатом.
Красотой нас нельзя победить,
Удивить невозможно развратом.
Нам известность, нам мода нужна.
Ты красивей была и моложе,
Но, увы! неизвестна, бедна
И нуждалась сначала... о боже!
Твой рассказ о купце разрывал
Нам сердца: по натуре бурлацкой,
Он то ноги твои целовал,
То хлестал тебя плетью казацкой.
Но, по счастью, этот дикарь,
Слабоватый умом и сердечком,
Принялся за французский букварь,
Чтоб с тобой обменяться словечком.
Этим временем ты завела
Рысаков, экипажи, наряды
И прославилась – в моду вошла!
Мы знакомству скандальному рады.
Что за дело, что вся дочиста
Предалась ты постыдной продаже,
Что поддельна твоя красота,
Как гербы на твоём экипаже,
Что глупа ты, жадна и пуста –
Ничего! знатоки вашей нации
Порешили разумным судом,
Что цинизм твой доходит до грации,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Что геройство в бесстыдстве твоём!

Ты у бога детей не просила,
Но ты женщина тоже была,
Ты со скрежетом сына носила
И с проклятьем его родила;
Он подрос – ты его нарядила
И на Невский с собой повезла.
Ничего! Появленье малютки
Не смутило души никому,
Только вызвало милые шутки,
Дав богатую пищу уму.
Удивлялась вся гвардия наша
(да и было чему, не шутя),
Что ко всякому с словом "папаша"
Обращалось наивно дитя...

И не кинул никто, негодуя,
Комом грязи в бесстыдную мать!
Чувством матери нагло торгуя,
Пуще стала она обирать.
Бледны, полны тупых сожалений
Потерявшие шик молодцы, –
Вон по Невскому бродят как тени
Разоренные ею глупцы!
И пример никому не наука,
Разорит она сотни других:
Тупоумие, праздность и скука
За нее... Но умолкни, мой стих!
И погромче нас были витии,
Да не сделали пользы пером...
Дураков не убавим в России,
А на умных тоску наведем.

28 декабря 1859

10. ПЛАЧ ДЕТЕЙ
Равнодушно слушая проклятья

В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

"В золотую пору малолетства
Всё живое – счастливо живет,
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берет.
Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим – вертим – вертим!

Колесо чугунное вертится,
И гудит, и ветром обдает,
Голова пылает и кружится,
Сердце бьется, всё кругом идет:
Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
Стены, окна, двери, потолки, –
Всё и все! Впадая в исступленье,
Начинаем громко мы кричать:
"Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать!"
Бесполезно плакать и молиться –
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри – проклятое вертится,
Хоть умри – гудит – гудит – гудит!
Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы – спать.
Нам домой скорей бы воротиться, –
Но зачем идем мы и туда?..

Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, припав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
Разорвем на части сердце ей..."

(1860)

11. ПАПАША
Я давно замечал этот серенький дом,
В нем живут две почтенные дамы,
Тишина в нем глубокая днем,
Сторы спущены, заперты рамы,
А вечерней порой иногда
Здесь движенье веселое слышно:
Приезжают сюда господа
И девицы, одетые пышно.
Вот и нынче карета стоит,
В ней какой-то мужчина сидит;
Свищет он, поджидая кого-то,
Да на окна глядит иногда.
Наконец отворились ворота,
И, нарядна, мила, молода,
Вышла женщина...
"Здравствуй, Наташа!
Я уже думал – не будет конца!"
– "Вот тебе деньги, папаша!"
Девушка села, целует отца.
Дверцы захлопнулись, скрылась карета,
И постепенно затих ее шум.
"Вот тебе деньги!" Я думал: что ж это?
Дикая мысль поразила мой ум.
Мысль эта сердце мучительна жала.
Прочь, ненавистная, прочь!
Что же, однако, меня испугало?

Мать, продающая дочь,
Не ужасает нас... так почему же?..
Нет, не поверю я!.. изверг, злодей!
Хуже убийства, предательства хуже..
Хуже-то хуже, да легче, верней,
Да и понятней. В наш век утонченный
Изверги водятся только в лесах.
Это не изверг, а фат современный -
фат устарелый, без места, в долгах.
Что ж ему делать? Другого закона,
Кроме дендизма, он в жизни не знал,
Жил человеком хорошего тона
И умереть им желал.
Поздно привык он ложиться,
Поздно привык он вставать,
Кушая кофе, помадиться, бриться,
Ногти точить и усы завивать;
Час или два перед тонким обедом
Невский проспект шлифовать.
Смолоду был он лихим сердцеедом:
Долго ли денег достать?
С шиком оделся, приставил лорнетку
К левому глазу, прищурил другой,
Мигом пленил пожилую кокетку,
И полилось ему счастье рекой.
Сладки трофеи нетрудной победы -
Кровные лошади, повар француз..
Боже! какие давал он обеды -
Роскошь, изящество, вкус!
Подлая сволочь глотала их жадно.
Подлая сволочь?.. о нет!
Всё, что богато, чиновно, парадно,
Кушало с чувством и с толком обед,
Мы за здоровье хозяина пили,

Мы целовались с ним,
Правда, что слухи до нас доходили...
Что нам до слухов – и верить ли им?
Старый газетчик, в порыве усердия,
Так отзывался о нем:
"Друг справедливости! жрец милосердия!" –
То вдруг облаял потом, –
Верь, чему хочешь! Мы в нем не заметили
Подлости явной: в игре он платил.
Муза! воспой же его добродетели!
Вспомни, он набожен был;
Вспомни, он руку свою тороватую
Вечно раскрытой держал,
Даже Жуковскому что-то на статую
По доброте своей дал!

Счастье, однако, на свете непрочно –
Хуже да хуже с годами дела.
Сил ему много отпущено, точно,
Да красота изменять начала.
Он уж купил три таинственных банки:
Это – для губ, для лица и бровей,
Учетверил благородство осанки
И величавость походки своей;
Ходит по Невскому с палкой, с лорнетом
Сорокалетний герой.
Ходит зимою, весной и летом,
Ходит и думает: "черт же с тобой,
Город проклятый! Я строен, как тополь,
Счастье найду по другим городам!"
И, рассердясь, покидает Петрополь...
Может быть, ведомо вам,
Что за границей местами есть воды,
Где собирается множество дам –

Дам и отчасти девиц,
Ежели дам, то в замужестве несчастных;
Разного возраста лиц,
Но одинаково страстных, -
Словом, таких, у которых талант
Жалкою славой прославиться в свете
И за которых Жорж Санд
Перед мыслителем русским в ответе.
Что привлекает их в город такой,
Славный не столько водами,
Сколько азартной игрой
И... но вы знаете сами...
Трудно решить. Говорят,
Годы терпенья и плена,
Тяжких обид и досад
Вдруг выкупает измена;
Ежели так, то целительность вод
Не подлежит никакому сомнению.
Бурно их жизнь там идет,
Вся отдана наслажденью,
Оригинален наряд, -
Дома одеты, а в люди
Полураздеться спешат:
Голые спины и голые груди!
(Впрочем, не к каждой из дам
Эти идут укоризны:
Так, например, только лечатся там
Скромные дочери нашей отчизны...)
Наш благородный герой
Там свои сети раскинул,
Там он блистал еще годик-другой,
Но и оттудова сгинул.
Лет через восемь потом

Он воротился в Петрополь,
Всё еще строен, как тополь,
Но уже несколько хром,
То есть не хром, а немножко
Стала шалить его левая ножка –
Вовсе не гнулась! Шагал
Ею он словно поленом,
То вдруг внезапно болтал
В воздухе правым коленом.
Белый платочек в руке,
Грусть на челе горделивом,
Волосы с бурым отливом –
И ни кровинки в щеке!
Плохо!.. А вкусы так пошлы и грубы,
Дай им красавчика, кровь с молоком..
Волк, у которого выпали зубы,
Бешено взвыл; огляделся кругом
Да и решился... Трудями питаться
Нет ни уменья, ни сил,
В бедности гнусной открыто признаться
Перед друзьями, которых кормил,
И удалиться с роскошного пира –
Нет! добровольно герой
Санктпетербургского модного мира
Не достигает развязки такой.
Молод – так дело женитьбой поправит,
Стар – так игорный притон заведет,
Вексель фальшивый составит,
В легкую службу пойдет..
Славная служба! Наш старый красавец
Чуть не пошел было этой тропой,
Да не годился... Вот этот мерзавец!
Под руку с дочерью! Весь завитой,
Кольца, лорнетка, цепочка вдоль груди..

Плюньте в лицо ему, честные люди!

Или уйдите хоть прочь!

Легче простить за поджог, за покражу –

Это отец, развращающий дочь

И выводящий ее на продажу!..

"Знаем мы, знаем, – да дела нам нет!

Очень горяч ты, любезный поэт!"

Музыка вроде шарманки

Однообразно гудит,

Сонно поют испитые цыганки,

Глупый цыган каблуками стучит.

Около русой Наташи

Пять молодых усачей

Пьют за здоровье папаши.

Кажется, весело ей:

Смотрит спокойно, наивно смеется.

Пусть же смеется всегда!

Пусть никогда не проснется!

Если ж проснется, что будет тогда?

Нож ли ухватит, застонет ли тяжело

И упадет без дыханья, бедняжка,

Сломлена ужасом, горем, стыдом?

Кто ее знает? Не дай только боже

Быть никому в ее коже, –

Звать обнищалого фата отцом!

14 марта 1860

12. ПЕРВЫЙ ШАГ В ЕВРОПУ

Как дядю моего, Ивана Ильича,

Нечаянно сразил удар паралича,

В его наследственном имении Корсунском, –

Я памятник ему воздвигнул сгоряча,

А души заложил в совете опекунском.

Мои домашние, особенно жена,

Пристали: "Жизнь для нас на родине скучна!

Кто: "ангел!", кто: "злодей! вези нас за границу!"

Я крикнул старосту Ивана Кузьмина,
Именье сдал ему и – укатил в столицу.

В столице получив немедленно паспорт,
Я сел на пароход и уронил за борт
Горячую слезу, невольный дар отчизне..
"Утешься, – прошептал нас увлекавший черт, –
Отраду ты найдешь в немецкой дешевизне", –

И я утешился... И тут уж недолга
Развязка мрачная: минули мы берега
Священной родины, минули Свинемюнде,
Приехали в Берлин – и обрели врага
В Луизе-Августе-Фернанде-Кунигунде.

Так горничная тварь в гостинице звалась.
Но я предупредить обязан прежде вас,
Что Лидия – моя дражайшая супруга –
Ужасно горяча: как будто родилась
Под небом Африки; в ней дышат страсти юга!

В отечестве она не знала им узды:
Покорно ей вручив правления бразды,
Я скоро подчинил ей волю и рассудок
(В сочельник крошки в рот не брал я до звезды,
Хоть голоду терпеть не может мой желудок),

И всяк за мною вслед во всём ей потакал,
Противоречием никто не раздражал
Из опасенья слез, трагических истерик.,
В гостинице, едва я умываться стал,
Вдруг слышу: Лидия бушует, словно Терек.

Я бросился туда. Вот что случилось с ней..

О ужас! о позор! В небрежности своей,

Луиза, Лидию с дороги раздевая,
Царапнула слегка булавкой шею ей,
А Лидия моя, не долго размышляя..

Но что тут говорить? Тут нужны не слова;
Тут громы нужны бы... Недвижна, чуть жива,
Стояла Лидия в какой-то думе новой.
Растрепана коса, поникла голова:
"На натиск пламенный ей был отпор суровый!.."

Слова моей жены: "О друг, Иван Ильич! -
Мне вспомнились тогда. - Здесь грубость, мрак и дичь,
Здесь жить я не могу - вези меня в Европу!"
Ах, лучше б, душечка, в деревне девок стричь
Да надирать виски безгласному холопу!

1860

13. ЗНАХАРКА

Знахарка в нашем живет околке:

На воду шепчет; на гуще, на водке

Да на каких-то гадает травах.

Просто наводит, проклятая, страх!

Радостей мало - пророчит всё горе;
Вздумал бы плакать - наплакал бы море,

Да - господь милостив! - русский народ
Плакать не любит, а больше поет.

Молвила ведьма горластому парню:

"Эй! угодишь ты на барскую псарню!"

И - поглядят - через месяц всего
По лесу парень орет: "го-го-го!"

Дяде Степану сказала: "Кичишься
Больно ты сивкой, а сивки лишишься,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
либо своей голове пропадать!"

Стали Степана рекрутством пугать:

Вывел коня на базар – откупился!

Весь околоток колдунье дивился.

"Сем-ка! и я понаведаюсь к ней! –

думает старый мужик Пантелей. –

Что ни предскажет кому: разоренье,

убыль в семействе, глядишь – исполненье!

Черт у ней, что ли, в дрожжах-то сидит?.."

Вот и пришел Пантелей – и стоит,

ждет: у колдуньи была уж девица,

любо взглянуть – молода, полнолица,

рядом с ней парень – дворовый, кажись,

знахарка девке: "ты с ним не вяжись!

будет твоя особливая доля:

милые слезы – и вечная воля!"

Дрогнул дворовый, а ведьма ему:

"счастью не быть, молодец, твоему.

всё говорить?" – "говори!" – "ты зимою

высечен будешь, дойдешь до запою,

будешь небритый валяться в избе,

чертики прыгать учнут по тебе,

станут глумиться, тянуть в преисподню:

ты в пузырьречек наловишь их сотню,

станешь его затыкать..." Пантелей

шапку в охапку – и вон из дверей.

"что же, старик? погоди – погадаю!" –

ведьма ему. Пантелей: "не желаю!

Что нам гадать? Малолетков морочь,
я погожу пока, чертова дочь!

Ты нам тогда предскажи нашу долю,
Как от господ отойдем мы на волю!"

1860

14.
Что ты, сердце мое, расходилося?..

Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла-прокатилася
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растет, прибавляется,
Не тужи! как умрем,
кто-нибудь и об нас проболтается
Добрым словцом.

1860

15.
..... одинокий, потерянный,
я как в пустыне стою,
Гордо не кличет мой голос уверенный
Душу родную мою.

Нет ее в мире. Те дни миновались,
Как на призывы мои
Чуткие сердцем друзья отзывались,
Слышалось слово любви.

Кто виноват – у судьбы не доспросишься,
Да и не всё ли равно?
У моря бродишь: "Не верю, не бросишься! –
Вкрадчиво шепчет оно. –

Где тебе? Дружбы, любви и участия
Ты еще жаждешь и ждешь.
Где тебе, где тебе! – ты не без счастья,

Видишь, рассеялась туча туманная,
Звездочки вышли, горят?
Все на тебя, голова бесталанная,
Ласковым взором глядят".

1860

16. ДЕРЕВЕНСКИЕ НОВОСТИ
Вот и Качалов лесок,

Вот и пригорок последний.

Как-то шумлив и легок

Дождь начинается летний,

И по дороге моей,

Светлые, словно из стали,

Тысячи мелких гвоздей

Шляпками вниз поскакали –

Скучная пыль улеглась...

Благодарение богу,

Я совершил еще раз

Милую эту дорогу.

Вот уж запасный амбар,

Вот уж и риги... как сладок

Теплого колоса пар!

– Останови же лошадок!

Видишь: из каждых ворот

Спешно идет обыватель.

Всё-то знакомый народ,

Что ни мужик, то приятель.

"Здравствуйте, братцы!" – "Гляди,

Крестничек твой-то, Ванюшка!"

– "Вижу, кума! погоди,

Есть мальчугану игрушка".

– "Здравствуй, как жил-поживал?

Не понапрасну мы ждали,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Ты таки слово сдержал.

Выводки крупные стали;
Так уж мы их берегли,
Сами ни штуки не били.
Будет охота – пали!
Только бы ноги служили.
Вишь ты лядаций какой,
Мы не таким отпускали:
Словно тебя там сквозь строй
В зиму-то трижды прогнали.
Право, сердечный, чуть жив;
Али неладно живется?"
– "Сердцем я больно строптив,
Попусту глупое рвется.
Ну, да поправлюсь у вас,
Что у вас нового, братцы?"

"Умер третьеводни Влас
И отказал тебе святцы".
– "Царство небесное! Что,
Было ему уж до сотни?"
– "Было и с хвостиком сто.
Чудны дела-то господни!
Не понапрасну продлил
Эдак-то жизнь человека:
Сто лет подушны платил,
Барщину правил полвека!"

"Как урожай?" – "Ничего.
Горе другое: покрали
Много леску твоего.
Мы станового уж звали.
Шут и дурак наголо!
Слово-то молвит, скотина,
Словно как дунет в дупло,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Несообразный детина!

"Стан мой велик, говорит,
С хвостиком двадцать пять тысяч,
Где тут судить, говорит,
Всех не успеешь и высечь!" -
С тем и уехал домой,
Так ничего не поделав:
Нужен-ста тут межевой
Да епутат от уделов!
В Ботове валится скот,
А у солдатки Аксины
Девочку - было ей с год -
Съели проклятые свиньи;
В Шахове свекру сноха
Вилами бок просадила -
Было за что... Пастуха
Громом во стаде убило.
Ну уж и буря была!
Как еще мы уцелели!
Колокола-то, колокола -
Словно о пасхе гудели!
Наши речонки водой
Налило на три аршина,
С поля бежала домой,
Словно шальная, скотина:
С ног ее ветер валил.
Крепко нам жаль мальчугана:
Этакой клоп, а отбил
Этто у волка барана!
Стали волчком его звать -
Любо! Встает с петухами,
Песни начнет распевать,
Весь уберется цветами,
Ходит проворный такой.

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Матка его проводила:

"Поберегися, родной!
Слышишь, какая завывала!"
– "Буря-ста мне нипочем, –
я – говорит – не ребенок!"
Да размахнулся кнутом
И повалился с ножен!
Мы посмеялись тогда,
Так до полден позевали;
Слышим – случилась беда:
"Шли бы: убитого взяли!"
И уцелел бы, да вишь
Крикнул дурак ему Ванька;
"Что ты под дровом сидишь?
Хуже под дровом-то... Встань-ка!"
Он не перечил – пошел,
Сел под рогожей на кочку,
Ну, а господь и навел
Гром в эту самую точку!
Взяли – не в поле бросать,
Да как рогожу открыли,
Так не одна его мать –
Все наши бабы завывали:
Угомонился Волчок –
Спит себе. Кровь на рубашке,
В левой ручонке рожок,
А на шляпенке венки
Из васильков да из кашки!

Этой же бурей сожгло
Красные Горки: пониже,
Помнишь, Починки село –
Ну и его... Вот поди же!
В Горках пожар уж притих,
Ждали: Починок не тронет!

Смотрят, а ветер на них
Пламя и гонит, и гонит!
Встречу-то поп со крестом,
Дьякон с кадилами вышел,
Не совладали с огнем -
Видно, господь не услышал!..

Вот и хоромы твои,
Ты, чай, захочешь покою?.." -
"Полноте, други мои!
Милости просим за мною.."

Сходится в хате моей
Больше да больше народу:
"Ну, говори поскорей,
что ты слышал про свободу?"

1860

17. ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ, ИЛИ "НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ"
...О светские забавы!

Пришлось вам поклониться,
Литературной славы
Решился я добиться.

Недолго думал думу,
Достал два автографа
И вышел не без шуму
На путь библиографа.

Шекспировских творений
Составил полный список,
Без важных упущений
и без больших описок.

Всего-то две ошибки
Открыли журналисты,
Как их умы ни гибки,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Как перья ни речисты:

Какую-то "Заиру"
Позднейшего поэта
я приписал Шекспиру,
да пропустил "Гамлета",

Посыпались нападки.
я пробовал сначала
Свалить на опечатки,
Но вышло толку мало.

Тогда я хватъ брошюру!
И тут остался с носом:
На всю литературу
Сочли ее доносом!

Открыли перестрелку,
В своих мансардах сидя,
Попал я в переделку!
Так заяц, пса увидя,

Потерянный метнется
К тому, к другому краю
И разом попадетсѧ
Во всю собачью стаю!..

Дней сто не прекращали
журнальной адской бани,
И даже тех ругали,
кто мало сыпал брани!

Увы! в родную сферу
С стыдом я возвратился;
Испортил я карьеру,
А славы не добился!..

1860, <1874>

1

.....

Не торопись, мой верный пес!
Зачем на грудь ко мне скакать?
Еще успеем мы стрелять.
Ты удивлен, что я прирос
На Волге: целый час стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнил молодость мою
И весь отдаться ей хочу
Здесь на свободе. Я похож
На нищего: вот бедный дом,
Тут, может, подали бы грош.
Но вот другой – богаче: в нем
Авось побольше подадут.
И нищий мимо; между тем
В богатом доме дворник-плут
Не наделил его ничем.
Вот дом еще пышней, но там
Чуть не прогнали по шеям!
И, как нарочно, всё село
Прошел – нигде не повезло!
Пуста, хоть выверни суму.
Тогда вернулся он назад
К убогой хижине – и рад,
Что корку бросили ему;
Бедняк ее, как робкий пес,
Подальше от людей унес
И гложет... Рано пренебрег
Я тем, что было под рукой,
И чуть не детскою ногой
Ступил за отческий порог.
Меня старались удержать

Мои друзья, молила мать,
Мне лепетал любимый лес:
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных полей:
И той же песенкою полн
Был говор этих милых волн.
Но я не верил ничему.
Нет, – говорил я жизни той: –
Ничем не купленный покой
Противен сердцу моему...

Быть может, недостало сил,
Или мой труд не нужен был,
Но жизнь напрасно я убил,
И то, о чем дерзал мечтать,
Теперь мне стыдно вспоминать!
Все силы сердца моего
Истратив в медленной борьбе,
Не допросившись ничего
От жизни ближним и себе,
Стучусь я робко у дверей
Убогой юности моей:
– О юность бедная моя!
Прости меня, смирился я!
Не помяни мне дерзких грез,
С какими, бросив край родной,
Я издевался над тобой!
Не помяни мне глупых слез,
Какими плакал я не раз,
Твоим покоем тяготясь!
Но благодушно что-нибудь,
На чем бы сердцем отдохнуть
Я мог, пошли мне! Я устал,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
В себя я веру потерял,

И только память детских дней
Не тяготит души моей...

2

Я рос, как многие, в глуши,
У берегов большой реки,
Где лишь кричали кулики,
Шумели глухо камыши,
Рядами стаи белых птиц,
Как изваяния гробниц,
Сидели важно на песке;
Виднелись горы вдалеке,
И синий бесконечный лес
Скрывал ту сторону небес,
Куда, дневной окончив путь,
Уходит солнце отдохнуть.

Я страха смолоду не знал,
Считал я братьями людей,
И даже скоро перестал
Бояться леших и чертей.
Однажды няня говорит:
"Не бегай ночью – волк сидит
За нашей ригой, а в саду
Гуляют черти на пруду!"
И в ту же ночь пошел я в сад.
Не то чтоб я чертям был рад,
А так – хотелось видеть их.
Иду. Ночная тишина
Какой-то зоркостью полна,
Как будто с умыслом притих
Весь божий мир – и наблюдал,
Что дерзкий мальчик затевал!
И как-то не шагалось мне

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
В всезрящей этой тишине.

Не воротиться ли домой?
А то как черти нападут
И потащат с собою в пруд,
И жить заставят под водой?
Однако я не шел назад.
Играет месяц над прудом,
И отражается на нем
Береговых деревьев ряд.
Я постоял на берегу,
Послушал – черти ни гу-гу!
Я пруд три раза обошел,
Но черт не выплыл, не пришел!
Смотрел я меж ветвей дерев
И меж широких лопухов,
Что поросли вдоль берегов,
В воде: не спрятался ли там?
Узнать бы можно по рогам.
Нет никого! Пошел я прочь,
Нарочно сдерживая шаг.
Сошла мне даром эта ночь,
Но если б друг какой иль враг
Засел в кусту и закричал,
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова над головой, –
Наверно б мертвый я упал!
Так, любопытствуя, давил
Я страхи ложные в себе
И в бесполезной той борьбе
Немало силы погубил.
Зато добытая с тех пор
Привычка не искать опор
Меня вела своим путем,
Пока рожденного рабом

Не обратила вновь в раба!

З

О Волга! после многих лет
Я вновь принес тебе привет.

Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.

Кругом всё та же даль и ширь,

Всё тот же виден монастырь

На острову, среди песков,

И даже трепет прежних дней

Я ощутил в душе моей,

Заслыша звон колоколов.

Всё то же, то же... только нет

Убитых сил, прожитых лет...

Уж скоро полдень. Жар такой,

Что на песке горят следы,

Рыбалки дремлют над водой,

Усевшись в плотные ряды;

Куют кузнечики, с лугов

Несется крик перепелов.

Не нарушая тишины

Ленивой, медленной волны,

Расшива движется рекой.

Приказчик, парень молодой,

Смеясь, за спутницей своей

Бежит по палубе: она

Мила, дородна и красна.

И слышу я, кричит он ей:

"Постой, проказница, ужо

Вот догоню!.." Догнал, поймал, -

И поцелуй их прозвучал

Над Волгой вкусно и свежо.

Да в подрумяненных губах
У наших барынь городских
И звуков даже нет таких.

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услышал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевою,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик –
И сердце дрогнуло во мне.

О волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою..

Тогда я думать был готов,

Что не уйду я никогда

С песчаных этих берегов.

И не ушел бы никуда -

Когда б, о Волга! над тобой

Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,

Его услышав в первый раз,

Я был испуган, оглушен.

Я знать хотел, что значит он -

И долго берегом реки

Бежал. Устали бурлаки,

Котел с расшивы принесли,

Уселись, развели костер

И меж собою повели

Неторопливый разговор.

"Когда-то в Нижний попадем? -

Один сказал. - Когда б попасть

Хоть на Илью..." - "Авось придем, -

Другой, с болезненным лицом,

Ему ответил. - Эх, напасть!

Когда бы зажило плечо,

Тянул бы ляжку, как медведь,

А кабы к утру умереть -

Так лучше было бы еще..."

Он замолчал и навзничь лег.

Я этих слов понять не мог,

Но тот, который их сказал,

Угрюмый, тихий и больной,

С тех пор меня не покидал!

Он и теперь передо мной:

Лохмотья жалкой нищеты,

Изнеможенные черты

И, выражающий укор,

Спокойно-безнадежный взор..

Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
я воротился. Кто тут был –
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
я бредил. Няню испугал:
"Сиди, родименькой, сиди!
Гулять сегодня не ходи!"
Но я на Волгу убежал.

Бог весть что сделалось со мной?
я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал –
Пускай умрет в душе моей,
чтоб кто-нибудь не осмел!

Но если вы – наивный бред,
Обеты юношеских лет,
Зачем же вам забвенья нет?
И вами вызванный упрек
Так сокрушительно жесток?..

4

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и ныне увидал:
Всё ту же песню ты поешь,
Всё ту же лямку ты несешь,
В чертах усталого лица
Всё та ж покорность без конца..
Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!
Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертью не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, – не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?
Как он, безгласно ты умрешь,
Как он, безвестно пропадешь.
Так заматывается песком
Твой след на этих берегах,
Где ты шагаешь под ярмом,
Не краше узника в цепях,
Твердя постылые слова,
От века те же: "раз да два!"
С болезненным припевом "ой!"

И в такт мотая головой...

(1860)

19. РЫЦАРЬ НА ЧАС

Если пасмурен день, если ночь не светла,

Если ветер осенний бушует,

Над душой воцаряется мгла,

Ум, бездействуя, вяло тоскует.

Только сном и возможно помочь,

Но, к несчастью, не всякому спится...

Слава богу! морозная ночь –

я сегодня не буду томиться.

По широкому полю иду,

Раздаются шаги мои звонко,

Разбудил я гусей на пруду,

я со стога спугнул ястребенка.

Как он вздрогнул! как крылья развил!

Как взмахнул ими сильно и плавно!

Долго, долго за ним я следил,

я невольно сказал ему: славно!

Чу! стучит проезжающий воз,

Деготьком потянуло с дороги...

Обоняние тонко в мороз,

Мысли свежи, выносливы ноги.

Отдаешься невольно во власть

Окружающей бодрой природы;

Сила юности, мужество, страсть

И великое чувство свободы

Наполняет ожившую грудь;

Жаждой тела душа закипает,

Вспоминается пройденный путь,

Совесть песню свою запекает...

я советую гнать ее прочь –

Будет время еще сосчитаться!

В эту тихую, лунную ночь
Созерцанию должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубровой,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят среди полей,
А земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
И узорчатых, странных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины
Что как иней к земле прилегли, –
Всё отчетливо видно: далече
Протянулись полосы гречи,
Красной лентой по скату прошли;
Замыкающий сонные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвой;
Чудны красок его переливы
Под играющей, ясной луной;
Дуб ли пасмурный, клен ли веселый –
В нем легко отличишь издали;
Грудью к северу; ворон тяжелый –
Видишь – дремлет на старой ели!
Всё, чем может порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь,
Подо льном – золотая долина,
Посреди освещенных лугов
Величавое войско стогов, –
Всё доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:

Не видна ее бедность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоит, словно полная чаша.
Пожелай ей покойного сна –
Утомилась, кормилица наша!..

Спи, кто может, – я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шуму
На покрытом стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умел я с тобой совладать,
Не осилил я думы жестокой..

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать..

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись! – и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!

Этих звуков властительно пенье:

Если есть в околотке больной,
Он при них вострепнется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит – бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит бога о ведрянном дне.

Звук за звуком гудя прокатился,
Насчитал я двенадцать часов.
С колокольни старик возвратился,
Слышу шум его звонких шагов,
Вижу тень его; сел на ступени,
Дремлет, голову свесив в колени.
Он в мохнатую шапку одет,
В балахоне убогом и темном..
Всё, чего не видал столько лет,
От чего я пространством огромным
Отделен, – всё живет предо мной,
Всё так ярко рисуется взору,
Что не верится мне в эту пору,
Чтоб не мог увидеть я и той,
Чья душа здесь незримо витает,
Кто под этим крестом почивает..

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозною сердитою

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Простояла, – грудью своей

Защищая любимых детей.

И гроза над тобой разразилась!

Ты не дрогнув удар приняла,

За врагов, умирая, молилася,

На детей милость бога звала.

Неужели за годы страдания

Тот, кто столько тобою был чтим,

Не пошлет тебе радость свидания

С погибающим сыном твоим?..

Я кручину мою многолетнюю

На родимую грудь изолю,

Я тебе мою песню последнюю,

Мою горькую песню спою.

О прости! то не песнь утешения,

Я заставлю страдать тебя вновь,

Но я гибну – и ради спасения

Я твою призываю любовь!

Я пою тебе песнь покаяния,

Чтобы кроткие очи твои

Смыли жаркой слезою страдания

Все позорные пятна мои!

Чтоб ту силу свободную, гордую,

Что в мою заложила ты грудь,

Укрепила ты волею твердою

И на правый поставила путь...

Треволненья мирского далекая,

С неземным выраженьем в очах,

Русокудрая, голубоокая,

С тихой грустью на бледных устах,

Под грозой величаво-безгласная, –

Молода умерла ты, прекрасная,

И такой же явилась ты мне

Да! я вижу тебя, бледнолицую,
и на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощения,
Ты, чистойшей любви божество!
Что враги? пусть клеветуют язвительней, -
я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы неровные,
я ни в чем середины не знал,
что обходят они, хладнокровные,
я на всё безрассудно дерзал,
я не думал, что молодость шумная,
что надменная сила пройдет -
и влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни - вперед и вперед!
увлекаем бесславно битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал - и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, празднично болтающих,
Обагривших руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!
Тот, чья жизнь бесполезно разбилась,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Может смертью еще доказать,

Что в нем сердце неробкое билось,
Что умел он любить...

.....

< (Утром, в постели) >

О мечты! о волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы –
Всё в душе угнетенной моей
Пробудилось... но где же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабей.
Знаю: день проваляюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
И пугать меня будет могила,
Где лежит моя бедная мать.

Всё, что в сердце кипело, боролось,
Всё луч бледного утра спугнул,
И насмешливый внутренний голос
Злую песню свою затянул:

"Покорись, о ничтожное племя!
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило нас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе.
Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано..."

(1860–1862)

20. ТУРГЕНЕВУ
Мы вышли вместе... Наобум

Я шел во мраке ночи,
А ты... уж светел был твой ум,
И зорки были очи.

Ты знал, что ночь, глухая ночь
Всю нашу жизнь продлится,
И не ушел ты с поля прочь,
И стал ты честно биться.

В великом сердце ты носил
Великую заботу,
Ты как поденщик выходил
До солнца на работу.

Во лжи дремать ты не давал,
Клеймя и проклиная,
И маску дерзостно срывал
С глупца и негодяя.

И что же? луч едва блеснул
Сомнительного света,
Молва гласит, что ты задул
Свой факел... ждешь рассвета.

Наивно стал ты охранять
Спокойствие невежды –
И начал сам в душе питать
Какие-то надежды.

На пылкость юношей ворча,
Ты глохнешь год от года
И к свисту буйного бича
И к ропоту народа.

Щадишь ты важного глупца,
Безвредного ласкаешь
И на идущих до конца
Походы замышляешь.

Кому назначено орлом
Парить над русским миром,

Быть русских юношей вождем
И русских дев кумиром,

Кто не робел в огонь идти
За страждущего брата,
Тому с тернистого пути
Покамест нет возврата.

Непримиримый враг цепей
И верный друг народа,
До дна святую чашу пей,
На дне ее – свобода!

(1860 или 1861)

21. НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО
Не предавайтесь особой унылости:

Случай предвиденный, чуть не желательный.

Так погибает по божией милости
Русской земли человек замечательный
С давнего времени: молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная,
Вслед затем долгие дни заточения.

Всё он изведal: тюрьму петербургскую,
Справки, доносы, жандармов любезности,
Всё – и раздольную степь Оренбургскую,
И ее крепость. В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом с солдатами жалкими,
Мог умереть он, конечно, под палками,
Может, и жил-то он этой надеждою.

Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
русских людей провиденье игривое.
Кончилось время его несчастливое,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Всё, чего с юности ранней не видывал,

Милое сердцу, ему улыбалось.

Тут ему бог позавидовал:

Жизнь оборвалась.

(27 февраля 1861)

22. ПОХОРОНЫ
Меж высоких хлебов затерялось

Небогатое наше село.

Горе горькое по свету шлялось

И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилась страшная!

Мы такой не знавали вовек:

Как у нас – голова бесшабашная –

Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы...- тошнехонько!

Догадались деньжонок собрать:

Осмотрел его лекарь скорехонько

И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам нежданно-негаданно

Хоронить молодого стрелка,

Без церковного пенья, без ладана,

Без всего, чем могила крепка...

Без попов!.. только солнышко знойное,

Вместо ярого воску свечи,

На лицо непробудно-спокойное

Не скупясь наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалась,

Да пестрели в долине цветы;

Птичка божья на гроб опускалась

И, чирикнув, летела в кусты.

Поглядим: что ребят набирается!

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Покрестились и подняли вой...

Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой, -

Как не плакать им? Диво велико ли?
Своему-то они хороши!

А по ком ребяტიшки захныкали,
Тот, наверно, был доброй души!

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Успокоился бедный стрелок.

Что тебя доконало, сердешного?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду нездешнего,
Но ты нашу сторонку любил:

Только минут морозы упорные
И весенних гостей налетит, -
"чу!- кричат наши детки проворные. -
Прошлогодний охотник палит!"

Ты ласкал их, гостинцу им нашивал,
Ты на спрос отвечать не скучал.
У тебя порошку я попрашивал,
И всегда ты нескупо давал.

Почивай же, дружок! Память вечная!
Не жива ль твоя бедная мать?
Или, может, зазноба сердечная
Будет таять, дружка поджидать?

Мы дойдем, повестим твою милую:
Может быть, и приедет любя,
И поплачет она над могилою,
И расскажем мы ей про тебя.

Почивай себе с миром, с любовью!
Почивай! Бог тебе судия,
Что обрызгал ты грешною кровию
Неповинные наши поля!

Кто дознает, какую кручиною
Надрывалось сердце твое
Перед вольной твоею кончиною,
Перед тем, как спустил ты ружье?..

(-----)

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Успокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные
Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать...

(22–25 июня 1861)

23. ДУМА
Сторона наша убогая,
Выгнать некуда коровушку.
Проклинай житье мещанское
Да почесывай головушку.

Спи, не спи – валяйся по печи,
Каждый день не доедаючи,
Трать задаром силу дюжую,
Недоимку накопляючи.

Уж как нет беды кручиннее
Без работы парню маяться,
А пойдешь куда к хозяевам –

У купца у Семипалова
Живут люди не говеючи,
Льют на кашу масло постное
Словно воду, не жалеючи.

В праздник – жирная баранина,
Пар над щами тучей носится,
В пол-обеда распояшутся –
Вон из тела душа просится!

Ночь храпят, наевшись до поту,
День придет – работой тешутся...
Эй! возьми меня в работники,
Поработать руки чешутся!

Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие, –

Только треск стоял бы до неба,
Как деревья бы валялись;
Вместо шапки, белым инеем
Волоса бы серебрились!

(16 августа 1861)

24. КОРОБЕЙНИКИ
(Другу-приятелю

Гавриле Яковлевичу
(крестьянину деревни Шоды
Костромской губернии))

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.

Буду рад, коли понравится,
Не понравится – смолчу.

Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

(Н. Некрасов)

(23 августа 1861)

(Грешнево)

1
Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.

(Песня)

"Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завижу черноокою –
Все товары разложу.
Цены сам платил не малые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!"

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! – пришла желанная,
Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,

Всё боится передать.

Парень с девицей целуется,

Просит цену набавлять.

Знает только ночь глубокая,

Как поладили они.

Распрямись ты, рожь высокая,

Тайну свято сохрани!

"Ой! легка, легка корбушка,

Плеч не режет ремешок!

А всего взяла зазнобушка

Бирюзовый перстенок.

Дал ей ситцу штуку целую,

Ленту алую для кос,

Поясок – рубаху белую

Подпоясать в сенокос –

Всё поклала ненаглядная

в короб, кроме перстенька:

"Не хочу ходить нарядная

Без сердечного дружка!"

То-то, дуры вы, молодочки!

Не сама ли принесла

Полуштофик сладкой водочки?

А подарков не взяла!

Так постой же! Нерушимое

Обещаньице даю:

Опорожнится корбушка,

На Покров домой приду

и тебя, душа-ззнобушка,

в божью церковь поведу!"

Вплоть до вечера дождливого

Молодец бежит бегом

и товарища ворчливого

Нагоняет под селом.

Старый Тихоныч ругается:

"Я уж думал, ты пропал!"

Ванька только ухмыляется –

я-де ситцы продавал!

2

Зачали-почали Поповы дочери

(припев деревенских торгашей)

"Эй, Федорушки! Варварушки!

Отпирайте сундуки!

Выходите к нам, сударушки,

Выносите пятаки!"

Жены мужние – молодушки

К коробейникам идут,

Красны девушки-лебедушки

Новины свои несут.

И старушки вожеватые,

Глядь, туда же приплелись.

"Ситцы есть у нас богатые,

Есть миткаль, кумач и плис.

Есть у нас мыла пахучие –

По две гривны за кусок,

Есть румяна нелинючие –

Молодись за пяточок!

Видишь, камни самоцветные

В перстеньке как жар горят.

Есть и любчики заветные –

Хоть кого приворожат!"

Начались толки рьяные,

Посреди села базар,

Бабы ходят словно пьяные,

Друг у дружки рвут товар.

Старый Тихоныч так божится

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Из-за каждого гроша,

Что Ванюха только ежится:

"Пропади моя душа!

Чтоб тотчас же очи лопнули,

Чтобы с места мне не встать,

Провались я!.."Глядь – и хлопнули

По рукам! Ну, исполать!

Не торговец – удивление!

Как божиться-то не лень...

Долго, долго всё селение

Волновалось в этот день.

Где гроши какие медные

Были спрятаны в мотках,

Всё достали бабы бедные,

Ходят в новеньких платках.

Две снохи за ленту пеструю

Расцарапались в кровь.

На феклушку, бабу вострую,

Раскудахталась свекровь.

А потом и коробейников

Поругала баба всласть:

"Принесло же вас, мошейников!

Вот уж подлинно напасть!

Вишь вы жадны, как кутейники.

Из села бы вас колом!.."

Посмеялись коробейники

И пошли своим путем.

З

Уж ты пей до дна, коли хошь добра, а не хошь добра, так не пей до дна.

Старинная былина

За селом остановились,

Поделили барыши

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
И на церковь покрестилися,

Повздыхали от души.

"Славно, дядя, ты торгуешься!

Что не весел? ох да ох!"

– "В день теперя не отплюешься,

Как еще прощает бог:

Осквернил уста я ложию –

Не обманешь – не продашь!"

И опять на церковь божию

Долго крестится торгаш.

"Кабы в строку приходилися

Все-то речи продавца,

Все давно бы провалилися

До единого купца –

Сквозь сырую землю-матушку

Провалились бы... эх-эх!"

– "Понагрел ты Калистратушку."

– "Ну, его нагреть не грех,

Сам снимает крест с убогого".

– "Рыжий, клином борода".

– "Нашим делом нынче многого

Не добыть – не те года!

Подошла война проклятая

Да и больно уж лиха,

Где бы свадебка богатая –

Цоп в солдаты жениха!

Царь дурит – народу горюшко!

Точит русскую казну,

Красит кровью Черно морюшко,

Корабли валит ко дну.

Перевод свинцу да олову,

Да удалым молодцам.

Весь народ повесил голову,

Стон стоит по деревням.

Ой! бабье неугомонное,
Полно взапуски реветь!
Причитанье похоронное
Над живым-то рано петь!
Не уймешь их! Как отпетого
Парня в город отвезут.
Бабы сохнут с горя с этого,
Мужики в кабак идут.
Ты попомни целовальника,
Что сказал – подлец седой!
"Выше нет меня начальника,
Весь народ – работник мой!
Лето, осень убиваются,
А спроси-ка, на кого
Православные стараются?
Им не нужно ничего!
Всё бессребренники, сватушка,
Сам не сею и не жну,
Что родит земля им, матушка,
Всё несут в мою казну!"

"Пропилися, подоконники,
Где уж баб им наряжать!
В город едут, балахонники,
Ходят лапти занимать!

Ой, ты зелие кабашное,
Да китайские чаи,
Да курение табашное!
Бродим сами не свои.
С этим пьянством да курением
Сломишь голову как раз.
Перед светопреставлением,
Знать, война-то началась.
Грянут, грянут гласы трубные!

За дела-то душегубные
Как придется отвечать?
Вот и мы гневим всевышнего..."
– "Полно, дядя! Страшно мне!
Уж не взять рублишка лишнего
На чужой-то стороне?.."

4

Ай, барыня! барыня!
(Песня)

"Эй вы, купчики-голубчики,
К нам ступайте ночевать!"
Ночевали наши купчики,
Утром тронулись опять.
Полегоньку подвигаются,
Накопляют барыши,
Чем попало развлекаются
По дороге торгоши.
По реке идут – с бурлаками
Разговоры заведут:
"кто вас спутал?" – и собаками
Их бурлаки назовут.
Поделом вам, пересмешники,
Лыком шитые купцы!..

Потянулись огурешники,
"Эй! просыпал огурцы!"
Ванька вдруг как захихикает
И на стадо показал:
Старичонко в стаде прыгает
За савраской, – длинен, вял,
И на цыпочки становится,
И лукошечком манит –
Нет! проклятый конь не ловится!

Вот подходит, вот стоит.

Сунул голову в лукошечко, –

Старичок за холку хватать!

"Эй! еще, еще немножечко!" –

Нет! урвался конь опять

И, подбросив ноги задние,

Брызнул грязью в старика.

"Знамо в стаде – то поваднее,

Чем в косуле мужика!

Эх ты, пареный да вяленый!

Где тебе его поймать?

Потерял сапог – то валяный,

Надо новый покупать?"

Им обозники военные

Попадались иногда:

"Погляди – тко, турки пленные,

Эка пестрая орда!"

Ванька искоса поглядывал

На турецких усачей

И в свиное ухо складывал

Полы свиточки своей:

"Эй вы, нехристи, табашники,

Карачун приходит вам!.."

Попадались им собашники:

Псы носились по кустам,

А охотничек покрикивал,

В роги звонкие трубил,

Чтобы серый заяц прыгивал,

В чисто поле выходил.

Остановятся с ребятами:

"Чьи такие господа?"

– "Кашпирята с Зюзенятами..."

Заяц! вон гляди туда!"

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Всполошились борзители:

"Ай! а-ту его! а-ту!"

Ну собачки! Ну губители!

Подхватили на лету...

Посидели на пригорочке,

Закусили как-нибудь

(Не разъешься черствой корочки)

И опять пустились в путь.

"Счастье, Тихоныч, неровное,

Нынче выручка плоха".

– "Встрелось нам лицо духовное –

Хуже не было б греха.

Хоть душа-то христианская,

Согрешил – поджал я хвост".

– "Вот усадьбишка дворянская,

Завернем?.."-"Ты, Ваня, прост!

Нынче баре деревенские

Не живут по деревням,

И такие моды женские

Завелись.. куда уж нам!

Хоть бы наша: баба старая,

Угреватая лицом,

Безволосая, поджарая,

А оделась – стог стогом!

Говорить с тобой гнушается:

Ты мужик, так ты нечист!

А тобой-то кто прельщается?

Долог хвост, да не пушист!

Ой ты, барыня спесивая,

Ты стыдись глядеть на свет!

У тебя коса фальшивая,

Ни зубов, ни груди нет,

Всё подклеено, подвязано!

Город есть такой: Париж,

Про него недаром сказано:

Как заедешь – угоришь.

По всему по свету славится,

Мастер по миру пустить;

Коли нос тебе не нравится,

Могут новый наклеить!

Вот от этих-то мошейников,

Что в том городе живут,

Ничего у коробейников

Нынче बारे не берут.

Черт побрал бы моду новую!

А бывало в старину

Приведут меня в столовую,

Все товары разверну;

Выдет барыня красивая,

С настоящею косою,

Вожеватая, учтивая,

Детки выбегут гурьбой,

Девки горничные, нянюшки,

Слуги высыплют к дверям.

На рубашечки для Ванюшки

И на платья дочерям

Всё сама, руками белыми

Отбирает не спеша,

И берет кусками целыми –

Вот так барыня-душа!

"Что возьмешь за серьги с бусами?

Что за алую парчу?"

Я тряхну кудрями русыми,

Заломлю – чего хочу!

Навалит покупки кучею,

Разочтется – бог с тобой!..

А то раз попал я к случаю

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
За рекой за Костромой.

Именины были званые –
Расходился баринок!
Слышу, кличут гости пьяные:
"Подходи сюда, дружок!"
Подбегаю к ним скорехонько.
"Что возьмешь за короб весь?"
Усмехнулся я легохонько:
"Дорог будет, ваша честь".
Слово за слово, приятели
Посмеялись меж собой
Да три сотни и отпятили,
Не глядя, за короб мой.
Уж тогда товары вынули
Да в девичий хоровод
Среди двора и кинули:
"Подбирай, честной народ!"
Закипела свалка знатная.
Вот так были господа:
Угодил домой обратно я
На девятый день тогда!"

5

– Много ли верст до Гоголина?
– Да обходами три, а прямо-то шесть)
(Крестьянская шутка)

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.
Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокую,
Слезы в три ручья лила!

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Извелась бы неутешная,

Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная -
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилось
Молодице невтерпеж,
Под косою трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам.
Стелет лен, а неотвязная
Дума на сердце лежит:
"Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? как засватает
На чужой на стороне?"
И у девки сердце падает:
"Ты женись, женись на мне!
Ни тебе, ни свекру-батюшке
Николи не согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себе гуляючи
За работницей женой,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
По базарам разъезжаячи,

Веселися, песни пой!

А вернешься с торгу пьяненький -

Накормлю и уложу!

"Спи пригожий, спи, румяненкожий!" -

Больше слова не скажу.

Видит бог, не осердилась бы:

Обрядила бы коня

Да к тебе и подвалилась бы:

"Поцелуй, дружок, меня!.."

Думы девичьи заветные,

Где вас все-то угадать?

Легче камни самоцветные

На дне моря сосчитать.

Уж овечка опушается,

Чуя близость холодов,

Катя пуще разгорается...

Вот и праздничек Покров!

"Ой, пуста, пуста коробушка,

Полон денег кошелек.

Жди-пожди, душа-зазнобушка,

Не обманет мил-дружок!"

Весел Ванька. Припеваючи,

Прямиком домой идет.

Старый Тихоныч, зеваючи,

То и дело крестит рот.

В эту ночку не уснулося

Не минуточку ему.

Как мошка-то пораздулася,

Так бог знает почему

Всё такие мысли страшные

Забираются в башку.

Процелыги ли кабашные

Попадутся ли солдатики –

Коробейник сам не свой:

"Проходите с богом, братики!" –

И ударится рысцой.

Словно пятки–то иголками

Понатыканы – бежит.

В Кострому идут проселками,

По болоту путь лежит,

То кочажником, то бродами.

"Эх пословица–то есть:

Коли три версты обходами,

Прямыми будет шесть!

Да в Трубе, в селе, мошейники

Сбили с толку, мужики:

"Вы подите, коробейники,

В Кострому–то напрямки:

Верных сорок с половиною

По нагорной стороне,

А болотной–то тропиною

Двадцать восемь". Вот оне!

Черт попутал – мы поверили,

А кто версты тут считал?"

– "Бабы их клюкою меряли, –

Ванька с важностью сказал. –

Не ругайся! Сам я слыхивал,

Тут дорога попрямей".

– "Дьявол, что ли, понапихивал

Этих кочек да корней?

Доведись пора вечерняя,

Не дойдешь – сойдешь с ума!

Хороша наша губерния,

Славен город Кострома,

Да леса, леса дремучие,

да болота к ней ведут,
да пески, пески сыпучие..."

– "Стой-ка, дядя, чу, идут!"

б

Только молодец и жив бывал.

(Старинная былина)

Не тростник высок колышется,

Не дубровушки шумят, –

Молодецкий посвист слышится,

Под ногой сучки трещат.

Показался пес в ошейничке,

Вот и добрый молодец:

"Путь-дорога, коробейнички!"

– "Путь-дороженька, стрелец!"

– "Что ты смотришь?" – "Не прохаживал

ты, как давеча в трубе

про дорогу я расспрашивал?"

– "Нет, почудилось тебе.

Трои сутки не был дома я,

жить ли дома леснику?"

– "А кажись, лицо знакомое", –

шепчет Ванька старику.

"Что вы шепчетесь?" – "Да каемся,

лучше б нам горой идти.

Так ли, малый, пробираемся

в Кострому?" – "Нам по пути,

я из Шуны". – "А далеко ли

до деревни, до твоей?"

– "Верст двенадцать. А по многу ли

поделили барышей?"

– "Коли знать всю правду хочется,

весь товар несем назад".

Лесничок как расхохочется!

"Ты, я вижу, прокурат!

Кабы весь, небось не скоро бы

шел ты, старый воробей!" -

и лесник приподнял коробки

на плечах у торгашей.

"Ой! легохоньки коробушки,

всё повыпродали, знать?

наклевались воробушки,

полетели отдыхать!"

- "что, дойдем в село до ноченьки?"

- "надо, парень, добрести,

сам устал я, нету моченьки -

тяжело ружье нести.

наше дело подневольное,

день и ночь броди в лесу".

и с плеча ружье двуствольное

снял - и держит на весу.

"эх вы, стволики-голубчики!

больно вы уж тяжелы".

покосились наши купчики

на тяжелые стволы:

сколько ниток понамотано!

в палец щели у замков.

"неужели, парень, бьет оно?"

- "бьет на семьдесят шагов".

деревенский, видно, плотничек

строит ложу - тят да ляп!

да и сам христов охотничек

ростом мал и с виду слаб.

выше пояса замочена

одежонка лесника,

борода густая склочена,

лычко вместо пояска.

а туда же пес в ошейнике,

По прозванию Упырь.

Посмеялись коробейники:

"Эх ты, горе-богатырь!.."

Час идут, другой. "Далеко ли?"

– "Близко". – "Что ты?" У реки

Курапаточки закокали.

И детина взвел курки.

"Ай, курочки! важно щелкнули,

Хоть медведя уложу!

Что вы, други, приумолкнули?

Запоем для куражу!"

Коробейникам не пелось:

Уж темнели небеса,

Над болотом засинелась,

Понависнула роса.

"День-деньской и так умелешься,

Сам бы лучше ты запел...

Что ты?.. эй! в кого ты целишься?"

– "Так, я пробую прицел..."

Дождик, что ли собирается,

Ходят по небу бычки,

Вечер пуще надвигается,

Прытче идут мужики.

Пес бежит сторонкой, нюхает,

Поминутно слышит дичь.

Чу! как ухалица ухаает,

Чу! ребенком стонет сын.

Поглядел старик украдкой:

Парня словно дрожь берет.

"Аль спознался с лихорадкой?"

– "Да уж три недели бьет, –

Полечи!" – А сам прищурился,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Словно в Ваньку норовит.

Старый Тихоныч нахмурился.

"Что за шутки!– говорит.–

Чем шутить такие шуточки,

Лучше песни петь и впрямь.

Погодите полминуточки –

Затяну лихую вам!

Знал я старца еле зрячего,

Он весь век с сумой ходил

И про странника бродячего

Песню длинную сложил.

Ней от старости, ней с голоду

Он в канавке кончил век,

А живал богато смолоду,

Был хороший человек,

Вспоминают обыватели.

Да его попутал бог:

По ошибке заседатели

Упекли его в острог:

Нужно было из Спиридова

Вызвать Тита Кузьмича,

Описались – из Давыдова

Взяли Титушку–ткача!

Ждет сердечный: "Завтра, нонче ли

Ворочусь на вольный свет?"

Наконец и дело кончили,

А ему решенья нет.

"Эй, хозяйка! нету моченьки.

Ты иди к судьям опять!

Изойдут слезами оченьки,

Как полотна буду ткать?"

Да не то у Степанидушки

Завелось на уме:

С той поры ее у Титушки

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Не видали уж в тюрьме.

Захворала ли, покинула, –
Тит не ведал ничего.
Лет двенадцать этак минуло –
Призывают в суд его.
Пред зеркалом, в облачении
Молодой судья сидел.
Прочитал ему решение,
Расписаться повелел
И на все четыре стороны
Отпустил – ступай к жене!
"А за что вы, черны вороны,
Очи выклевали мне?"
Тут и сам судья покаялся:
"Ты прости, прости любя!
Вправду ты задаром маялся,
Позабыли про тебя!"

Тит – домой. Поля не ораны,
Дом растаскан на клочки,
Продала косули, бороны,
И одежду, и станки,
С барином слюбилась жenuшка,
Убежала в Кострому.
Тут родимая сторонushка
Опостылела ему.
Плюнул! Долго не разгадывал,
Без дороги в путь пошел.
Шел – да песню эту складывал,
Сам с собою речи вел.
И говаривал старинушка:
"Вся-то песня – два словца,
А запой ее, детинушка,
Не дотянешь до конца!
Эту песенку мудреную

Тот до слова допоеет,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Из конца в конец пройдет".
Сам ее христов угодничек
Не допел – спит вечным сном.
Ну! подтягивай, охотничек!
Да иди ты передом!

ПЕСНЯ УБОГО СТРАННИКА

Я лугами иду – ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я лесами иду – звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я хлебами иду – что вы тощи, хлеба?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Уж я в третью: мужик! что ты бабу бьешь?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я в четверту: мужик! что в кабак ты идешь?

С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я опять во луга – ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во леса – звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я опять во хлеба, –
Я опять во стада", –
и т. д.

– --

Пел старик, а сам поглядывал:
Поминутно лесничок
То к плечу ружье прикладывал,
То потрогивал курок.
На беду, ни с кем не встретишься!
"Полно петь... Эй, молодец!
Что отстал?... В кого ты метишься?
Что ты делаешь, подлец!"
– "Трусы, трусы вы великие!" –
И лесник захохотал
(А глаза такие дикие!).
"Стыдно! – Тихоныч сказал. –
Как не грех тебе захожего
человека так пугать?
А еще хотел я дешево
Миткалю тебе продать!"
Молодец не понимает,
Штуки делает ружьем,
Воем, лаем отзывается

"Эй, уймись! Чего дурачишься?–

Молвил Ванька.– Я молчу,
А заеду, так наплачешься,
Разом скулы сворочу!
Коли ты уж с нами встретился,
Должен честью проводить".

А лесник опять наметился.

"Не шути!" – "Чаво шутить!"–

Коробейники отпрянули,
Бог помилуй – смерть пришла!
Почитай что разом грянули
Два ружейные ствола.
Без словечка Ванька валится,
С криком падает старик...

В кабаке бурлит, бахвалится

Тем же вечером лесник:

"Пейте, пейте, православные!

я, ребятушки, богат;
Два бекаса ныне славные
Мне попали под заряд!
Много серебра и золотца,
Много всякого добра
Бог послал!" Глядят, у молодца
Точно – куча серебра.
Подзадорили детинушку –
Он почти всю правду бух!
На беду его – скотинушку
Тем болотом гнал пастух:
Слышал выстрелы ружейные,
Слышал крики... "Стой! винись!.."

И мирские и питейные
Тотчас власти собрались.

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Молодцу скрутили рученьки.

"Ты вяжи меня, вяжи,
Да не тронь мои онученьки!"

– "Их-то нам и покажи!"

Поглядели: под онучами
Денег с тысячу рублей –
Серебро, бумажки кучами.
Утром позвали судей,
Судьи тотчас всё довели
(Только денег не нашли!),
Погребенью мертвых предали,
Лесника в острог свезли...

(Август 1861)

25. 20 НОЯБРЯ 1861
Я покинул кладбище унылое,
Но я мысль мою там позабыл, –
Под землю в гробу приютилася
И глядит на тебя, мертвый друг!

Ты схоронен в морозы трескучие,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо через щели гробовые
Проступить не успела вода;
Ты лежишь, как сейчас похороненный,
Только словно длинней и белей
Пальцы рук, на груди твоей сложенных,
Да сквозь землю проникнувшим инеем
Убелил твои кудри мороз,
Да следы наложили чуть видные
Поцелуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутые
И на впалые очи твои...

(20 ноября 1861)

26. КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ
Опять я в деревне. Хожу на охоту,

Пишу мои вирши – живется легко.

Вчера, утомленный ходьбой по болоту,

Забрел я в сарай и заснул глубоко.

Проснулся: в широкие щели сарая

Глядятся веселого солнца лучи.

Воркует голубка; над крышей летая,

Кричат молодые грачи,

Летит и другая какая-то птица –

По тени узнал я ворону как раз;

Чу! шепот какой-то... а вот вереница

Вдоль щели внимательных глаз!

Все серые, карие, синие глазки –

Смешались, как в поле цветы.

В них столько покоя, свободы и ласки,

В них столько святой доброты!

Я детского глаза люблю выраженье,

Его я узнаю всегда.

Я замер: коснулось души умиление...

Чу! шепот опять!

<< Первый голос >>

Борода!

<< Второй >>

А барин, сказали!...

<< Третий >>

Потише вы, черти!

<< Второй >>

У бар бороды не бывает – усы.

<< Первый >>

А ноги-то длинные, словно как жерди.

<< Четвертый >>

А вона на шапке, гляди-тко – часы!

<< Пятый >>

Ай, важная штука!

<< Шестой >>

И цепь золотая...

<< Седьмой >>

Чай, дорого стоит?

<< Восьмой >>

Как солнце горит!

<< Девятый >>

А вона собака – большая, большая!

Вода с языка-то бежит.

<< Пятый >>

Ружье! погляди-тко: стволина двойная,

Замочки резные...

<< Третий >>

с испугом

Глядит!

<< Четвертый >>

Молчи, ничего! Постоим еще, Гриша!

<< Третий >>

Прибьет...

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека заслыша,
Так стайей с мякины летят воробьи.
Затих я, прищурился – снова явились,
Глазенки мелькают в щели.
Что было со мною – всему подивились
И мой приговор изрекли:
"Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И видно, не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой..." – "Услышит, молчи!"

О милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как "низкого рода людей", –
Я все-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливым народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.
Я дельвал с ними грибные набеги:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
"Взгляни-ка, Савося, какое колечко!"
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: "Попался спроста!"
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.

Должно быть, за подвиги славы мы ждали,
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.

Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.

Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.

Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.

Иной подгуляет, так только держится –
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!

Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу вернет:
"Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На господа бога во всём потрафлять:
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на бога роптать, –
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастье было,
Что волосы шибко из носу росли..."

Рабочий расставит, разложит снаряды –
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
"Гляди, чертенята!" А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь – им всё покажи.

Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело – пилить и строгать!
Иступят пилу – не наточишь и в сутки!
Сломают бурав – и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали –
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли – навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: прыгнули гурьбой,
И русских головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:
Тут драка – не драка, игра – не игра..
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое –
Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок
На лаве, где матка колотит белье,
Кто нянчит сестренку двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведерко кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:
Сплела себе славный венок, –
Всё беленький, желтенький, бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.
Те спят на припеке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди – уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит – содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

"Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
Пора за работу, родной!"
Но даже и труд обернется сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно.
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливают зерно.
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: "Полезай, постреленок!"
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.

Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгибнуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
"Здорово парнище!"- "Ступай себе мимо!"
- "Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?"- "Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу".
(В лесу раздавался топор дровосека.)
"А что, у отца-то большая семья?"
- "Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я..."
- "Так вот оно что! А как звать тебя?" - "Власом".
- "А кой тебе годик?"- "Шестой миновал...
Ну, мертвая!"- крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,

И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь –
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимою, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли всеяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти – дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой –
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

-- --

Теперь нам пора возвращаться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,
"Эй, воры идут! – закричал я Фингалу. –
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!"
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лег – и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Командуют сами! "Фингалка, умри!"

– "Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха!"

– "Смотри – умирает – смотри!"

Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,
А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, заскрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребятишки бежали
Босые к деревне своей..
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.

1861

27.

Что ни год – уменьшаются силы,

Ум ленивее, кровь холодней...

Мать-отчизна! дойду до могилы,

Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведряный день впереди;

Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

1861

28. СВОБОДА

Родина мать! по равнинам твоим

я не ездил еще с чувством таким!

Вижу дитя на руках у родимой,

Сердце волнуется думой любимой:

В добрую пору дитя родилось,

Милостив бог! не узнаешь ты слез!

С детства никем не запуган, свободен,

Выберешь дело, к которому годен,

Хочешь – останешься век мужиком,

Сможешь – под небо взовьешься орлом!

В этих фантазиях много ошибок:

Ум человеческий тонок и гибок,

Знаю: на место сетей крепостных

Люди придумали много иных,

Так!... но распутать их легче народу.

Муза! с надеждой приветствуй свободу!

(1861)

29. Слезы и нервы

О слезы женские, с придачей

Нервических, тяжелых драм!

Вы долго были мне задачей,

Я долго слепо верил вам

И много вынес мук мятежных.

Теперь я знаю наконец:

Не слабости созданий нежных, –

Вы их могущества венец.

Вернее закаленной стали

Вы поражаете сердца.

Не знаю, сколько в вас печали,

Но деспотизму нет конца!
Когда, бывало, предо мною
Зальется милая моя,
Наружно ласковость удвою,
Но внутренно озлоблен я.
Пока она дрожит и стонет,
Лукавлю праздною душой:
Язык лисит, а глаз шпионит
И открывает... Боже мой!
Зачем не мог я прежде видеть?
Ее не стоило любить,
Ее не стоит ненавидеть...
О ней не стоит говорить...
Скажи "спасибо" близорукой,
Всеукрашающей любви
И с головы с ревнивой мукой
Волос седеющих не рви!
Чем ты был пьян – вином поддельным
Иль настоящим – всё равно;
Жалей о том, что сном смертельным
Не усыпляет нас оно!

- - -

Кто ей теперь флакон подносит,
Застигнут сценой роковой?
Кто у нее прощенья просит,
Вины не зная за собой?
Кто сам трясется в лихорадке,
Когда она к окну бежит
В преувеличенном припадке
И "ты свободен" говорит?
Кто боязливо наблюдает,
Сосредоточен и сердит,
Как буйство нервное стихает

и переходит в аппетит?

Кто ночи трудные проводит,
Один, ревнивый и больной,
А утром с ней по лавкам бродит,
Наряд торгуя дорогой?
Кто говорит "прекрасны оба"-
На нежный спрос: "Который взять?"-
Меж тем как закипает злоба
И к черту хочется послать
Француженку с нахальным носом,
С ее коварным: "C'est joli"
И даже милую с вопросом...
Кто молча достает рубли,
Спеша скорей покончить муку,
И, увидав себя в трюмо,
В лице твоём читает скуку
И рабства темное клеймо?...

(1861)

30. Дешевая прогулка
(Петербургская драма)

<< ("За отъездом продаются: мебель, зеркала и проч. Дом Воронина, 159". >>

<< "полиц. вед." >>

Надо поехать – статья подходящая!
Слышится в этом нужда настоящая,
Не попадется ли что-нибудь дешево?
Вот и поехал я. Много хорошего:
Бронза, картины, портьеры всё новые,
Мягкие кресла, диваны отменные,
Только у барыни очи суровые,
Речи короткие, губы надменные;
Видимо, чем-то она озабочена,
Но молода, хороша удивительно:
Словно рукой гениальной обточено

Тянут назад ее голову милую
Черные волосы, сеткою сжатые,
Дышат какою-то сдержанной силою
Ноздри красивые, вверх приподнятые.
Видно, что жгучая мысль беспокойная
В сердце кипит, на простор вырывается.
Вся соразмерная, гордая, стройная,
Мне эта женщина часто мечтается...

я отобрал себе вещи прекрасные,
Но оказались цены ужасные!
День переждал, захожу – то же самое!
Меньше предложишь, так даже обидится!...
"Барыня эта – созданье упрямое:
С мужем, подумал я, надо увидеться".

Муж – господин красоты замечательной,
В гвардии год прослуживший отечеству –
Был человек разбитной, обязательный,
Склонный к разгулу, к игре, к молодечеству, –
С ним у нас дело как раз завязалось.
Странная драма тогда разыгралась:
Мужа застану – поладим скорехонько;
Барыня выйдет – ни в чем не сторгуешься
(Только глазами ее полюбиешься).
Нечего делать! вставал я ранехонько,
И, пока барыня сном наслаждалась, –
Многое сходно купить удавалось.

У дому ждут ломовые извозчики,
В доме толпятся вещей переносчики,
Окна ободраны, стены уж голые,
У покупателей лица веселые.
Только у няни глаза заслезились:

"Вот и с приданым своим мы простились!" –

Молвила няня..."Какое приданое?"

– "всё это взял он за барышней нашу,
Вместе весной покупали с мамашею;
Как любовались!..."

Открытие нежданное!

Сказано слово – и всё объяснилось!

Вот почему так она дорожилась.

Бедная женщина! В позднем участии,
Я проклиная торгашество пошлое.

Всё это куплено с мыслью о счастье,

С этим уходит – счастливое прошлое!

Здесь ты свила себе гнездышко скромное,
Каждый здесь гвоздик вколочен с надеждою...

Ну, а теперь ты созданье бездомное,
Порабощенное грубым невеждою!

Где не остыл еще след обаяния

Девственной мысли, мечты обольстительной,

Там совершается торг возмутительный.

Как еще можешь сдержать ты рыдания!

В очи твои голубые, красивые

Нагло глядят торгаши неприветные,

Осквернены твои думы стыдливые,

Проданы с торгу надежды заветные!..

Няня меж тем заунывные жалобы

Шепчет мне в ухо:"Распродали дешево –

Лишь до деревни доехать достало бы.

Что уж там будет? Не жду я хорошего!

Барин, поди, загуляет с соседями,

Барыня будет одна-одинехонька.

День-то не весел, а ночь-то чернехонька.

Рядом лесище – с волками, с медведями".

– "Смолкни ты, няня! созданье болтливое,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Не надрывай мое сердце пугливое!

Нам ли в диковину сцены тяжелые?
Каждому трудно живется и дышится.
Чудо, что есть еще лица веселые,
Чудо, что смех еще временем слышится!.."

Барин пришел – поздравляет с покупкою,
Барыня бродит такая унылая;
С тихо воркующей, нежной голубкою
Я ее сравнивал, деньги постылые
Ей отдавая... Копейка ты медная!
Горе, ты горе! нужда окаянная...

Чуть над тобой не заплакал я, бедная,
Вот одолжил бы... Прощай, бесталанная!..

(1862)

31.
Литература с трескучими фразами,
Полная духа античеловечного,
Администрация наша с указами
О забирании всякого встречного, –
Дайте вздохнуть!..
Я простился с столицами,
Мирно живу среди полей,
Но и крестьяне с унылыми лицами
Не услаждают очей;
Их нищета, их терпенье безмерное
Только досаду родит...
Что же ты любишь, дитя маловерное,
Где же твой идол стоит?..

(1862)

32. НА ПСАРНЕ
Ты, старина, здесь живешь, как в аду,
Воля придет – чай, бежишь без оглядки?
"Нашто мне воля? куда я пойду?"

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Нету ни батьки, ни матки,

Нету никем никого,
Хлеб добывать не умею,
Только и знаю кричать: "Го-го-го!
Горе косому злодею!.."

(Между 1860 и 1863)

33.
1

"Благодарение господу богу,
Кончен проселок!.. Не спишь?"
– "Думаю, братец, про эту дорогу".
– "То-то давненько молчишь."

Что же ты думаешь?" – "Долго рассказывать.,
Только тронулись по ней,
Стала мне эта дорога показывать
Тени погибших людей,

Бледные тени! ужасные тени!
Злоба, безумье, любовь..
Едем мы, братец, в крови по колени!"
– "Полно – тут пыль, а не кровь..."

2

"Барин! не выпить ли нам понемногу?
Больно уж ты присмирел".
– "Пел бы я песню про эту дорогу,
Пел бы да рева-ревел,

Песней над песнями стала бы эта
Песня... да петь не рука".
– "Песня про эту дорогу уж спета,
Да что в ней проку?.. Тоска!"

"Знаю, народ проторенной цепями
Эту дорогу зовет".
– "Верно! увидишь своими глазами,

Русская песня не врет!"

3

Скоро попались нам пешие ссыльные,
С гиком ящик налетел,
В тряской телеге два путника пыльные
Скачут... едва разглядел...

Подле лица – молодого, прекрасного –
С саблей усач...
Брат, удаляемый с поста опасного,
Есть ли там смена? Прощай!

(Между 1861 и 1863)

34.
Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.

В обаянии счастья и славы
Чувству жизни ты вся предана, –
Что-то шепчут зеленые травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок,
Бык с землей вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок –
чу! кричит: "Парасковья, ау!"
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,
Разом слышны – напев соловьиный
И нестройные пiski галчат,

Грохот тройки, скрипенье подводы,
Крик лягушек, жужжание ос,
Треск кобылок, – в просторе свободы
Всё в гармонию жизни слилось...

Я наслушался шума иного...
Оглушенный, подавленный им,
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим –
Заглуши эту музыку злобы!
Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

(1862 или 1863)

35. МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС
Посвящаю моей сестре Анне Алексеевне

Ты опять упрекнула меня,
Что я с музой моей раздружился,
Что заботам текущего дня
И забавам его подчинился.
Для житейских расчетов и чар
Не расстался б я с музой моею,
Но бог весть, не погас ли тот дар,
Что, бывало, дружил меня с нею?
Но не брат еще людям поэт,
И тернист его путь, и непрочен,
Я умел не бояться клевет,
Не был ими я сам озабочен;
Но я знал, чье во мраке ночном
Надрывалось сердце с печали
И на чью они грудь упали свинцом,
И кому они жизнь отравляли.
И пускай они мимо прошли,
Надо мною ходившие грозы,

Знаю я, чьи молитвы и слезы
Роковую стрелу отвели...
Да и время ушло, – я устал...
Пусть я не был бойцом без упрека,
Но я силы в себе признавал,
Я во многое верил глубоко,
А теперь – мне пора умирать...
Не затем же пускаться в дорогу,
Чтобы в любящем сердце опять
Пробудить роковую тревогу...

Присмирившую Музу мою
Я и сам неохотно ласкаю...
Я последнюю песню пою
Для тебя – и тебе посвящаю.
Но не будет она веселей,
Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней...

Буря воет в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листья
В ночь, как бедная мать умирала...

И дрожит и пестреет окно...
Чу! как крупные градины скачут!
Милый друг, поняла ты давно –
Здесь одни только камни не плачут...

.....

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА

Савраска увяз в половине сугроба –
Две пары промерзлых лаптей
Да угол рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.

Старуха в больших рукавицах
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на ресницах,
С морозу – должно полагать.

2

Привычная дума поэта
Вперед забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит,

В избежке – теленок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.

Сшивая проворной иголкой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Негромко рыдает она.

3

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая – быть матерью сына раба,
А третья – до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.
Века протекали – всё к счастью стремилось,
Всё в мире по несколько раз изменилось,
Одну только бог изменить забывал

Суровую долю крестьянки.

И все мы согласны, что тип измельчал

Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!

Ты глухо, незримо страдала,

Ты свету кровавой борьбы

И жалоб своих не вверяла, -

Но мне ты их скажешь, мой друг!

Ты с детства со мною знакома.

Ты вся – воплощенный испуг,

Ты вся – вековая истома!

Тот сердца в груди не носил,

Кто слез над тобою не лил!

4

Однако же речь о крестьянке

Затеяли мы, чтоб сказать,

Что тип величавой славянки

Возможно и ныне сыскать.

Есть женщины в русских селеньях

С спокойною важностью лиц,

С красивой силой в движеньях,

С походкой, со взглядом цариц, -

Их разве слепой не заметит,

А зрячий о них говорит:

"Пройдет – словно солнце осветит!

Посмотрит – рублем подарит!"

Идут они той же дорогой,

Какой весь народ наш идет,

Но грязь обстановки убогой

К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,

Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах – то готова копна!

Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...

По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха,
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. "Утеха!" –
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде не сробеет – спасет:
Коня на скаку остановит,

В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей –

Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалок ей нищий убогой –
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознание,
Что всё их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедни
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

И ты красотою дивила,
Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

Горда ты – ты плакать не хочешь,
Крепишься, но холст гробовой
Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадает
На быстрые руки твои.
Так колос беззвучно роняет
Созревшие зерна свои...

б

В селе, за четыре версты,
У церкви, где ветер шатает
Побитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;

Устал он, работа трудна,
Тут тоже сноровка нужна –

чтоб крест было видно с дороги,
чтоб солнце играло кругом.
В снегу до колен его ноги,
В руках его заступ и лом,

Вся в инее шапка большая,
Усы, борода в серебре.
Недвижно стоит, размышляя,
Старик на высоком бугре.

Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал

Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошла:
Земля как железо звенела –
Ворона ни с чем убралась...

Могилы на славу готова, –
"Не мне б эту яму копать!
(У старого вырвалось слово.)
Не прокля бы в ней почивать,

Не прокля!.."Старик оступился,
Из рук его выскользнул лом
И в белую яму скатился,
Старик его вынул с трудом.

Пошел... по дороге шагает...
Нет солнца, луна не взошла...
Как будто весь мир умирает:
Затишье, снежок, полумгла...

7

В овраге, у речки желтухи,
Старик свою бабу нагнал
И тихо спросил у старухи:
"Хорош ли гробок-то попал?"

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Уста ее чуть прошептали

В ответ старику: "Ничего".

Потом они оба молчали,
И дровни так тихо бежали,
Как будто боялись чего...

Деревня еще не открылась,
А близко – мелькает огонь.
Старуха крестом осенилась,
Шарахнулся в сторону конь –

Без шапки, с ногами босыми,
С большим заостренным колом,
Внезапно предстал перед ними
Старинный знакомец Пахом.

Прикрыты рубахою женской,
Звенели вериги на нем;
Постукал дурак деревенской
В морозную землю колом,

Потом помычал сердобольно,
Вздыхнул и сказал: "Не беда!
На вас он работал довольно!
И ваша пришла черед!"

Мать сыну-то гроб покупала,
Отец ему яму копал,
Жена ему саван шивала –
Всем разом работу вам дал!.."

Опять помычал – и без цели
В пространство дурак побежал.
Вериги уныло звенели,
И голые икры блестели,
И посох по снегу черкал.

У дома оставили крышу,
К соседке свели ночевать
Зазябнувших Машу и Гришу
И стали сына обряжать.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дело велось:
Не сказано лишнего слова,
Наружу не выдано слез.

Уснул, потрудившийся в поте!
Уснул, поработав земле!
Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе,

Лежит неподвижный, суровый,
С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщовой
И в липовых новых лаптях.

Большие, с мозолями, руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо – и до рук борода...

9

Пока мертвеца обряжали,
Не выдали словом тоски,
И только глядеть избегали
Друг другу в глаза бедняки,

Но вот уже кончено дело,
Нет нужды бороться с тоской,
И что на душе накопело,
Из уст полилося рекой.

Не ветер гудит по ковыли,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Не свадебный поезд гремит –

Родные по Прокле завывали,
По Прокле семья голосит:

"Голубчик ты наш сизокрылый!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел.

Родителям был ты советник,
Работничек в поле ты был,
Гостям хлебосол и приветник,
Жену и детей ты любил...

Что ж мало гулял ты по свету?
За что нас покинул, родной?
Одумал ты думушку эту,
Одумал с сырою землей –

Одумал – а нам оставаться
Велел во миру, сиротам,
Не свежей водой умываться,
Слезами горючими нам!

Старуха помрет со кручины,
Не жить и отцу твоему,
Береза в лесу без вершины –
Хозяйка без мужа в дому.

Ее не жалеешь ты, бедной,
Детей не жалеешь... Вставай!
С полоски своей заповедной
По лету сберешь урожай!

Сплесни, ненаглядный, руками,
Сокольным глазком посмотри,
Тряхни шелковыми кудрями,
Сахарны уста раствори!

На радостях мы бы сварили
и меду и браги хмельной,
За стол бы тебя посадили –
Покушай, желанный, родной!

А сами напротив бы стали,
Кормилец, надежа семьи!
Очей бы с тебя не спускали,
ловили бы речи твои..."

10

На эти рыданья и стоны
Соседи валили гурьбой:
Свечу положив у иконы,
Творили земные поклоны
и шли молчаливо домой.

На смену входили другие,
Но вот уж толпа разбрелась,
Пожинать сели родные –
Капуста да с хлебушком квас.

Старик бесполезной кручине
Собой овладеть не давал:
Подладившись ближе к лучине,
Он лапоть худой ковырял.

Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая
Проведать ребяток пошла.

Всю ноченьку, стоя у свечки,
Читал над усопшим дьячок,
И вторил ему из-за печки
Пронзительным свистом сверчок.

11

Сурово метелица выла
И снегом кидала в окно,
Невесело солнце всходило:
В то утро свидетелем было
Печальной картины оно.

Савраска, запряженный в сани,
Понуро стоял у ворот;
Без лишних речей, без рыданий
Покойника вынес народ.

– Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!...

В торговом селе Чистополье
Купил он тебя сосунком,
Взрастил он тебя на приволье,
И вышел ты добрым конем.

С хозяином дружно старался,
На зимушку хлеб запасал,
Во стаде ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тело изрядно держал.

Когда же работы кончались
И сковывал землю мороз,
С хозяином вы отправлялись
С домашнего корма в извоз.

Немало и тут доставалось –
Возил ты тяжелую кладь,
В жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на боках твоих впалых
Кнута не одна полоса,
Зато на дворах постоянных
Покушал ты вволю овса.

Слышал ты в январские ночи
Метели пронзительный вой
И волчьи горящие очи
Видал на опушке лесной;

Продрогнешь, натерпишься страху,
А там – и опять ничего!
Да, видно, хозяин дал маху –
Зима доконала его!..

12

Случилось в глубоком сугробе
Полсуток ему простоять,
Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать:

Покойник на срок торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой возвратился –
Нет голосу, в теле пожар!

Старуха его окотила
Водой с девяти веретен
И в жаркую баню сводила,
Да нет – не поправился он!

Тогда ворожеек созвали –
И поят, и шепчут, и трут –
Всё худо! Его продевали
Три раза сквозь потный хомут,
Спускали родимого в пролубь,

Под куричий клали насест...
Всему покорялся, как голубь, -
А плохо – и пьет и не ест!

Еще положить под медведя,
Чтоб тот ему кости размял,
Ходебщик сергачевский Федя -
Случившийся тут – предлагал.

Но Дарья, хозяйка больного,
Прогнала советчика прочь:
Испробовать средства иного
Задумала баба: и в ночь

Пошла в монастырь отдаленный
(Верстах в тридцати от села),
Где в некоей иконе явленной
Целебная сила была.

Пошла, воротилась с иконой -
Больной уж безгласен лежал,
Одетый как в гроб, причащенный,
Увидел жену, простонал
И умер...

13

... Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!

Чу! два похоронных удара!
Попы ожидают – иди!..
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отец впереди.

Ребята с покойником оба

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Сидели, не смея рыдать,

И, правя савраской, у гроба
С вожжами их бедная мать

Шагала... Глаза ее впали,
И был не белей ее щек
Надетый на ней в знак печали
Из белой холстины платок.

За Дарьей – соседей, соседок
Плелась негустая толпа,
Толкуя, что Прокловых деток
Теперь незавидна судьба,

Что Дарье работы прибудет,
Что ждут ее черные дни.
"Жалеть ее некому будет", –
Согласно решили они...

14

Как водится, в яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалели, почтили
Покойника щедрой хвалой.

Сам староста, Сидор Иваныч,
Вполголоса бабам подвыл,
И "мир тебе, Прокл Севастьяныч! –
Сказал, – благодушен ты был,

Жил честно, а главное: в сроки –
Уж как тебя бог выручал –
Платил господину оброки
И подать царю представлял!"

Истратив запас красноречья,
Почтенный мужик побряхтел:

"Да, вон она, жизнь человечья!" –

Прибавил – и шапку надел.

"Свалился... а то-то был в силе!..

Свалился... не минуть и нам!.."

Еще покрестились могиле

И с богом пошли по домам.

Высокий, седой, сухопарый,

Без шапки, недвижно-немой,

Как памятник, дедушка старый

Стоял на могиле родной!

Потом старина бородатый

Задвигался тихо по ней,

ровняя землицу лопатой

Под вопли старухи своей.

Когда же, оставивши сына,

Он с бабой в деревню входил:

"Как пьяных, шатает кручина!

Гляди-тко!.." – народ говорил.

15

А Дарья домой воротилась –

Прибраться, детей накормить.

Ай-ай! как изба настудилась!

Торопится печь затопить,

Ан глядь – ни полена дровишек!

Задумалась бедная мать:

Покинуть ей жаль ребятишек

Хотелось бы их приласкать,

Да времени нету на ласки.

К соседке свела их вдова.

И тотчас, на том же савраске,

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

16

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,
Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.

Как тихо! В деревне раздавшийся голос
как будто у самого уха гудет,
О корень древесный запнувшийся полоз
Стучит и визжит, и за сердце скребет.

Кругом – поглядеть нету мочи,
Равнина в алмазах блестит...
У Дарьи слезами наполнились очи –
Должно быть, их солнце слепит...

17

В полях было тихо, но тише
в лесу и как будто светлей.
Чем дале – деревья всё выше,
А тени длинней и длинней.

Деревья, и солнце, и тени,
И мертвый, могильный покой...
Но – чу! заунывные пени,
Глухой, сокрушительный вой!

Осилось Дарьюшку горе,
и лес безучастно внимал,
Как стоны лились на просторе
и голос рвался и дрожал,

и солнце, кругло и бездушно,
как желтое око совы,
Глядело с небес равнодушно

На тяжкие муки вдовы.

И много ли струн оборвалось
У бедной крестьянской души,
Навеки сокрыто осталось
В лесной нелюдимой глуши.

Великое горе вдовицы
И матери малых сирот
Подслушали вольные птицы,
Но выдать не смели в народ...

18

Не псарь по дубровушке трубит,
Гогочет, сорви-голова, -
Наплакавшись, колет и рубит
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросает -
Наполнить бы ей поскорей,
И вряд ли сама замечает,
Что слезы всё льют из очей:

Иная с ресницы сорвется
И на снег с размаху падет -
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжет;

Другую на дерево кинет,
На плашку, - и смотришь, она
Жемчужиной крупной застынет -
Бела и кругла и плотна.

А та на глазу поблестает,
Стрелой по щеке побежит,
И солнышко в ней поиграет...
Управиться Дарья спешит,

Знай рубит, – не чувствуя стужи,
Не слышит, что ноги знобит,
И, полная мыслью о муже,
Зовет его, с ним говорит...

19

.....
.....

"Голубчик! красавицу нашу
Весной в хороводе опять
Подхватят подруженьки Машу
И станут на ручках качать!

Станут качать,
Кверху бросать,
Маковкой звать,
Мак отряхать!

Вся раскраснеется наша
Маковым цветиком Маша
С синими глазками, с русой косой!

Ножками бить и смеяться
Будет... а мы то с тобой,
Мы на нее любоваться
Будем, желанный ты мой!..

20

Умер, не дожил ты веку,
Умер и в землю зарыт!

Любо весной человеку!
Солнышко ярко горит.
Солнышко всё оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просят косы,

Рано я, горькая, встала,
Дома не ела, с собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утром косить я пошла...

Крепче вы, ноженьки, стойте!
Белые руки, не нойте!
Надо одной поспевать!

В поле одной-то надсадно,
В поле одной неповадно
Стану я милого звать!

Ладно ли пашню вспахала?
Выди, родимый, взгляни!
Сухо ли сено убрала?
Прямо ли стоги сметала?..
Я на граблях отдыхала
Все сенокосные дни!

Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разум поставить...

21

Стала скотинушка в лес убираться,
Стала рожь-матушка в колос метаться,
Бог нам послал урожай!
Нынче солома по грудь человеку,
Бог нам послал урожай!
Да не продлил тебе веку,-
Хочешь не хочешь, одна поспевай!..
Овод жужжит и кусает,
Смертная жажда томит,
Солнышко серп нагревает,
Солнышко очи слепит,

Жжет оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжет,
Изо ржи, словно из печи,
Тоже теплом обдает,
Спинушка ноет с натуги,
Руки и ноги болят,
Красные, желтые круги
Перед очами стоят...
Жни-дожинай поскорее,
Видишь – зерно потекло...

Вместе бы дело спорее,
Вместе повадней бы шло...

22

Сон мой был в руку, родная!
Сон перед Спасовым днем.
В поле заснула одна я
После полудня, с серпом,
Вижу – меня оступает
Сила – несметная рать, –
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает.
Думала я убежать,
Да не послушались ноги.
Стала просить я помощи,
Стала я громко кричать.

Слышу, земля задрожала –
Первая мать прибежала,
Травушки рвутся, шумят –
Детки к родимой спешат.
Шибко без ветру не машет
Мельница в поле крылом:
Братец идет да приляжет,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Свекор плетется шажком.

Все прибрели, прибежали,

Только дружка одного

Очи мои не видали...

Стала я кликать его:

"Видишь – меня оступает

Сила – несметная рать, –

Грозно руками махает,

Грозно очами сверкает:

Что не идешь выручать?.."

Тут я кругом огляделась –

Господи! Что куда делось?

Что это было со мной?..

Рати тут нет никакой!

Это не люди лихие,

Не бусурманская рать –

Это колосья ржаные,

Спелым зерном налитые,

Вышли со мной воевать!

Машут, шумят, наступают,

Руки, лицо щекотят,

Сами солому под серп нагибают –

Больше стоять не хотят!

Жать принялась я проворно,

Жну, а на шею мою

Сыплются крупные зерна –

Словно под градом стою!

Вытечет, вытечет за ночь

Вся наша матушка-рожь...

Где же ты, Прокл Севастьяныч?

Что пособлять не идешь?..

Сон мой был в руку, родная!

Стану без милого жать,
Сноптики крепко вязать,
В снопики слезы ронять!
Слезы мои не жемчужны,
Слезы мои горюшки-вдовы,
Что же вы господе нужны,
Чем ему дороги вы?..

23

"Долги вы, зимние ноченьки,
Скучно без милого спать,
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотно я ткать.

Много натку я полотен,
Тонких добротных новин,
Вырастет крепок и плотен,
Вырастет ласковый сын.

Будет по нашему месту
Он хоть куда женихом,
Высватать парню невесту
Сватов надежных пошлем...

Кудри сама расчесала я Грише,
Кровь с молоком наш сынок-первенец,
Кровь с молоком и невеста... Иди же!
Благослови молодых под венец!..

Этого дня мы как праздника ждали,
Помнишь, как начал Гришуха ходить,
Целую ноченьку мы толковали,
Как его будем женить,
Стала на свадьбу копить понемногу...
Вот – дождались, слава богу!

чу, бубенцы говорят!

Поезд вернулся назад,

Выди навстречу проворно –

Пава-невеста, соколик-жених! –

Сыпь на них хлебные зерна,

Хмелем осыпь молодых!.."

24

"Стадо у лесу у темного бродит,

Лыки в лесу пастушенко дерет,

Из лесу серый волчище выходит.

Чью он овцу унесет?

Черная туча, густая-густая,

Прямо над нашей деревней висит,

Прыснет из тучи стрела громовая,

В чей она дом сноровит?

Вести недобрые ходят в народе,

Парням недолго гулять на свободе,

Скоро – рекрутский набор!

Наш-то молодчик в семье одиночка,

Всех у нас деток Гришуха да дочка.

Да голова у нас вор –

Скажет: мирской приговор!

Сгибнет ни за что ни про что детина,

Встань, заступись за родимого сына!

Нет, не заступишься ты!...

Белые руки твои опустились,

Ясные очи навеки закрылись...

Горькие мы сироты!...

25

я ль не молила царицу небесную?

Ночью одна по икону чудесную
я не сробела – пошла,

Ветер шумит, наметает сугробы.
Месяца нет – хоть бы луч!
На небо глянешь – какие-то гробы,
Цепи да гири выходят из туч...

я ли о нем не старалась?
я ли жалела чего?
я ему молвить боялась,
Как я любила его!

Звездочки будут у ночи,
Будет ли нам-то светлей?...
Заяц спрыгнул из-под кочи,
Заянька, стой! не посмей
Перебежать мне дорогу!

В лес укатил, слава богу..
К полночи стало страшней, –
Слышу, нечистая сила
Залотошила, завыла,
Заголосила в лесу.

Что мне до силы нечистой?
Чур меня! Деве пречистой
я приношенье несу!

Слышу я конское ржанье,
Слышу волков завыванье,
Слышу погоню за мной, –

Зверь на меня не кидайся!
Лих человек не касайся,
Дорог наш грош трудовой!

Лето он жил работаючи,
Зиму не видел детей,
Ночи о нем помышляючи,
Я не смыкала очей.

Едет он, зябнет... а я-то, печальная,
Из волокнистого льну,
Словно дорога его чужедальная,
Долгую нитку тяну.

Веретено мое прыгает, вертится,
В пол ударяется.
Проклушка пеш идет, в рытвине крестится,
К возу на горочке сам припрягается.

Лето за летом, зима за зимой,
Этак-то мы раздобылись казной!

Милостив буди к крестьянину бедному,
Господи! всё отдаем,
Что по копейки, по грошику медному
Мы сколотили трудом!..

26

Вся ты, тропинка лесная!
Кончился лес.
К утру звезда золотая
С божьих небес
Вдруг сорвалась – и упала,
Дунул господь на нее,
Дрогнуло сердце мое:
Думала я, вспоминала –
Что было в мыслях тогда,
Как покатилась звезда?
Вспомнила! ноженьки стали,

Думала я, что едва ли
Прокла в живых я найду...

Нет! не попустит царица небесная!
Даст исцеленье икона чудесная!

Я осенилась крестом
И побежала бегом...

Сила-то в нем богатырская,
Милостив бог, не умрет...
Вот и стена монастырская!
Тень уж моя головой достает
До монастырских ворот.

Я поклонилась земным поклоном,
Стала на ноженьки, глядь -
Ворон сидит на кресте золоченом,
Дрогнуло сердце опять!

27

Долго меня продержали -
Схимницу сестры в тот день погребали.

Утренняя шла,
Тихо по церкви ходили монашины,
В черные рясы наряжены,
Только покойница в белом была:

Спит - молодая, спокойная,
Знает, что будет в раю.
Поцеловала и я, недостойная,
Белую ручку твою!

В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер словно горлинка белая

В ручках чернеются четки,
Писанный венчик на лбу.
Черный покров на гробу –
Этак-то ангелы кротки!

Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтоб не осталась я
Горькой вдовой с сиротами!

Гроб на руках до могилы снесли,
С пеньем и плачем ее погребли.

28

Двинулась с миром икона святая,
Сестры запели, ее провожая,
Все приложились к ней.

Много владычице было почету:
Старый и малый бросали работу,
Из деревень шли за ней.

К ней выносили больных и убогих...
Знаю, владычица! знаю: у многих
Ты осушила слезу...

Только ты милости к нам не явила!

.....

.....

Господи! сколько я дров нарубила!
Не увезешь на возу..."

29

Окончив привычное дело,
На дровни поклала дрова,
За вожжи взялась и хотела

Пуститься в дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась, стоя,
Топор машинально взяла
И, тихо, прерывисто воя,
К высокой сосне подошла.

Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали –
Невольный и страшный покой!

Стоит под сосной чуть живая,
Без думы, без стона, без слез.
В лесу тишина гробовая –
День светел, крепчает мороз.

30

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи –
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит – хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет – по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею,
чу! ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над нею,
над самой ее головой!

Забравшись на сосну большую,
по веточкам палицей бьет
и сам про себя удалую,
хвастливую песню поет:

31

"Вглядись, молодица, смелее,
каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
и краше видать привелось?

Метели, снега и туманы
покорны морозу всегда,
пойду на моря-окияны –
построю дворцы изо льда.

Задумаю – реки большие
надолго упрячу под гнет,
построю мосты ледяные,
каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
недавно свободно текли, –
сегодня прошли пешеходы,
обозы с товаром прошли.

Люблю я в глубоких могилах
покойников в иней рядить,
и кровь вымораживать в жилах,
и мозг в голове леденить.

на горе недоброму вору,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
На страх седоку и коню,

Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.

Бабенки, пеняя на леших,
Домой удирают скорей.
А пьяных, и конных, и пеших
Дурачить еще веселей.

Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запылает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам – хоть руби топором!

Богат я, казны не считаю,
А всё не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.

Войди в мое царство со мною
И будь ты царицею в нем!
Поцарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.

Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой..."
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

32

"Тепло ли тебе, молодница?" –
С высокой сосны ей кричит.
"Тепло!" – отвечает вдовица,
Сама холодеет, дрожит.

Морозко спустился пониже,
Опять помахал булавой
И шепчет ей ласковой, тише:

"Тепло ли?..." – "Тепло, золотой!"

Тепло – а сама коченеет.

Морозко коснулся ее:

В лицо ей дыханием веет

И иглы колючие сеет

С седой бороды на нее.

И вот перед ней опустился!

"Тепло ли?" – промолвил опять

И в Проклушку вдруг обратился,

И стал он ее целовать.

В уста ее, в очи и плечи

Седой чародей целовал

И те же ей сладкие речи,

Что милый о свадьбе, шептал.

И так-то ли любо ей было

Внимать его сладким речам,

Что Дарьюшка очи закрыла,

Топор уронила к ногам,

Улыбка у горькой вдовицы

Играет на бледных губах,

Пушисты и белы ресницы,

Морозные иглы в бровях...

33

В сверкающий иней одета,

Стоит, холодеет она,

И снится ей жаркое лето –

Не вся еще рожь свезена.

Но сжата, – полегче им стало!

Возили снопы мужики,

А Дарья картофель копала

Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.

Телега, скрипя, подъезжает –
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.

"Бог помочь! А где же Гришуха?" –
Отец мимоходом сказал.

"В горохах", – сказала старуха.

"Гришуха!" – отец закричал,

На небо взглянул. "Чай, не рано?
Испить бы..." – Хозяйка встает
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подает.

Гришуха меж тем отозвался:
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.

"Бежит!.. у!.. бежит, постреленок,
Горит под ногами трава!" –
Гришуха черен, как галчонок,
Бела лишь одна голова.

Крича, подбегает вприсядку
(На шее горох хомутом).
Попотчевал бабушку, матку,
Сестренку – вертится вьюном!

От матери молодцу ласка,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Отец мальчугана щипнул;

Меж тем не дремал и савраска:

Он шею тянул да тянул,

Добрался, - оскаливши зубы,

Горох аппетитно жуёт

И в мягкие добрые губы

Гришухино ухо берет...

34

Машутка отцу закричала:

"Возьми меня, тятка, с собой!" -

Спрыгнула с мешка - и упала,

Отец ее поднял. "Не вой!

Убилась - неважное дело!..

Девчонок ненадобно мне,

Еще вот такого пострела

Рожай мне, хозяйка, к весне!

Смотри же!.." Жена застыдилась:

"Довольно с тебя одного!"

(А знала, под сердцем уж билось

дитя...) "Ну! Машук, ничего!"

И Проклушка, став на телегу,

Машутку с собой посадил.

Вскочил и Гришуха с разбегу,

И с грохотом воз покатыл.

Воробушков стая слетела

С снопов, над телегой взвилась.

И Дарьюшка долго смотрела,

От солнца рукой заслонясь,

Как дети с отцом приближались

К дымящейся риге своей,

И ей из снопов улыбались

Румяные лица детей...

Чу, песня! знакомые звуки!
Хорош голосок у певца..
Последние признаки муки
У Дарьи исчезли с лица,
Душой улетаю за песней,
Она отдалась ей вполне..
Нет в мире той песни прелестней,
Которую слышим во сне!

О чем она – бог ее знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней дольного счастья предел.

В ней кроткая ласка участия,
Обеты любви без конца..
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходит с лица.

35

Какой бы ценой ни досталось
Забвенье крестьянке моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалеть мы не будем о ней.

Нет глубже, нет слаще покоя,
Какой посылает нам лес,
Недвижно бестрепетно стоя
Под холодом зимних небес.

Нигде так глубоко и вольно
Не дышит усталая грудь,
И ежели жить нам довольно,
Нам слаще нигде не уснуть!

36

Ни звука! Душа умирает
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, как покоряет
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудес,
Влекущий неведомой тайной,
Глубоко-бесстрастный... Но вот
Послышался шорох случайный –
Вершинами белка идет.

Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнув по сосне.
А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне...

(1862–1863)

36. ЗЕЛЕНЬ ШУМ
Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако, – всё зелено:
И воздух, и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяйшка
Наталья Патрикеевна,

водой не замутит!

Да с ней беда случилась,

Как лето жил я в Питере...

Сама сказала, глупая,

Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей

Зима нас заперла,

В мои глаза суровые

Глядит – молчит жена.

Молчу... а дума лютая

Покоя не дает:

Убить... так жаль сердечную!

Стерпеть – так силы нет!

А тут зима косматая

Ревет и день и ночь:

"убей, убей изменницу!

Злодея изведи!

Не то весь век промаешься,

Ни днем, ни долгой ноченькой

Покоя не найдешь.

В глаза твои бесстыжие

Соседи наплюют!.."

Под песню-вьюгу зимнюю

Окрепла дума лютая –

Припас я вострый нож...

Да вдруг весна подкралась...

Идет-гудет Зеленый шум,

Зеленый шум, весенний шум!

Как молоком облитые,

Стоят сады вишневые,

Тихохонько шумят;

Пригреты теплым солнышком,

Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И всё мне песня слышится
Одна – в лесу, в лугу:
"люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
и – бог тебе судья!"

(Начало 1863)

37. ЧТО ДУМАЕТ СТАРУХА, КОГДА ЕЙ НЕ СПИТСЯ
В позднюю ночь над усталой деревнею

Сон непробудный царит,
Только старуху столетнюю, древнюю
Не посетил он.- Не спит,

Мечется по печи, охает, мается,
Ждет – не поют петухи!
Вся-то ей долгая жизнь представляется,
Все-то грехи да грехи!

"Охти мне! часто владыку небесного

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Я искушала грехом:

Нутко-се! с ходу-то, с ходу-то крестного
Раз я ушла с пареньком

В рощу... Вот то-то! мы смолоду дурочки,
Думаем: милостив бог!
Раз у соседки взяла из-под курочки
Пару яичек... ох! ох!

В страдную пору больной притворилася -
Мужа в побывку ждала..
С федей-солдатиком чуть не слюбилася..
С мужем под праздник спала.

Охти мне... ох! угожу в преисподнюю!
Раз, как забрили сына,
я возроптала на благодать господнюю,
В пост испила молока, -

То-то я грешница! то-то преступница!
С горя валялась пьяна..
Божия мать! Святая заступница!
Вся-то грешна я, грешна!.."

(Начало 1863)

38.
В полном разгаре страда деревенская..
Доля ты!- русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
нивы, покосы да ширь поднебесная -
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,

Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую –
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда – растрепалися косыньки, –
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они – всё равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям..
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

(Начало 1863)

39. КУМУШКИ
Темен вернулся с кладбища Трофим;
Малые детки вернулись с ним,

Сын да девочка. Домой–то без матушки
Горько вернуться: дорогой ребятушки

Ревма–ревели; а тятка молчал.
Дома порылся, кубарь отыскал:

"Нате, ребята!– играйте, сердечные!"
И улыбнулись дети беспечные,

Кто ни проходит – жалеет сирот:

"Нет у вас матушки!" – молвила Марьюшка.

"Нету родимой!" – прибавила Дарьюшка.

Дети широко раскрыли глаза,
Стихли. У Маши блеснула слеза...

"Как теперь будете жить, сиротиночки!" –
и у Гришутки блеснули слезиночки.

"Кто-то вас будет ласкать-баловать?" –
Навзрыд заплакали дети опять.

"Полно, не плачьте!" – сказала Протасьевна,
"Уж не воротишь, – прибавила Власьевна. –

Грешную душеньку боженька взял,
Кости в могилушку поп закопал,

То-то, чай, холодно, страшно в могилушке?
Ну же, не плачьте! родные вы, милушки!.."

Пуще расплакались дети. Трофим
Крики услышал и выбежал к ним,

Стал унимать как умел, а соседушки
Ну помогать ему: "Полноте, детушки!

Что уж тут плакать? Пора привыкать
К доле сиротской; забудьте вы мать:

Спели церковники память ей вечную,
Чай, уж теперь ее гложет, сердечную,

Червь подземельный!.." Трофим поскорей
На руки взял – да в избенку детей!

Целую ночь проревели ребятушки:

"Нет у нас матушки! нет у нас матушки!

Матушку на небо боженька взял!"
Целую ночь с ними тятка не спал,
У самого расходилися думушки..
Ну, удружили досужие кумушки!

(Январь 1863)

40. ПЕСНЯ ОБ "АРГУСЕ"
Я полагал, с либерального
Есть направленья барыш -
Больше, чем с места квартального.
Что ж оказалось - шиш!
Бог меня свел с нигилистами,
Сами ленятся писать,
Платят всё деньгами чистыми,
Пробовал я убеждать:
"Мне бы хоть десять копеечек
С пренумеранта извлечь:
Ведь даровых-то статейчек
Много... куда их беречь?
Нужно во всём беспристрастие:
Вы их смешайте, друзья,
Да и берите на счастье..
Верьте, любая статья
Встретит горячих хвалителей,
Каждую будут бранить..."
Тщетно! моих разорителей
Я не успел убедить!
Часто, взбираясь на лесенку,
Где мой редактор живет,
Слышал я грозную песенку,
Вот вам ее перевод:
"Из уваженья к читателю,
Из уваженья к себе,
Нет снисхожденья к издателю -

Гибель, несчастный, тебе!.."

– "Но не хочу я погибели
(Я ему). Друг-нигилист!
Лучше хотел бы я прибыли".
Он же пускается в свист.

Выслушав эти нелепости,
я от него убежал
И по мосткам против крепости
Обыкновенно гулял.
Там я бродил в меланхолии,
Там я любил размышлять,
что не могу уже более
"Аргуса" я издавать.
Чин мой оставя в забвении
И не щадя седины,
Эти великие гении
Снять с меня рады штаны!
Лучше идти в переписчики,
чем убиваться в наклад.
Бросишь издание – подписчики
Скажут: дай деньги назад!
Что же мне делать, несчастному?
Благо, хоть совесть чиста:
Либерализму опасному
В сети попал я спроста..
Так по мосткам против крепости
Я в размысленьи гулял.
Полный нежданной свирепости,
лед на мостки набежал.
С треском они раскочились,
Нас по Неве понесло;
Все пешеходы смутились,
Каждому плохо пришло!

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Словно близ дома питейного,

Крики носились кругом.
Смотрим – нет моста Литейного!
Весь разнесло его льдом.
Вот, погоняемый льдинами,
Мчится на нас плашкоут,
Ропот прошел меж мужчинами,
Женщины волосы рвут!
Тут человек либерального
Образа мыслей, и тот
Звал на защиту квартального..
я лишь был хладен как лед!
что тут борьба со стихиею,
Если подорван кредит,
Если над собственной выею
меч дамоклов висит?..
Общее было смятение,
я же на льдине стоял
и умолял провидение,
чтоб запретили журнал..
Вышло б судеб покровительство!
честь бы и деньги я спас,
но не умеет правительство
в пору быть строгим у нас..
нет, не оттуда желанное
мне избавленье пришло –
чудо свершилось нежданное:
на небе стало светло,
вижу, на льдине сверкающей..
вижу, является вдруг
мертвые души скупающий
чичиков! "Здравствуй, мой друг!
ты приищи покупателя!" –
он прокричал – и исчез!..

Мокрый, я на берег влез...

Всю эту бурю ужасную

Век сохраню я в душе –

Мысль получивши прекрасную,

я же теперь в барыше!

Нет рокового издания!

Самая мысль о нем – прочь!..

Поздно, в трактире "Германия",

В ту же ужасную ночь,

Греясь, сушась, за бутылкою

Сбыл я подписчиков, сбыл,

Сбыл их совсем – с пересылкою,

Сбыл – и барыш получил!..

Словно змеею укушенный,

Впрочем, легок и счастлив,

я убежал из конюшенной,

Этот пассаж совершив.

Чудилось мне, что нахальные

мчатся подписчики вслед,

"дай нам статьи либеральные! –

Хором кричат. – Дармоед!"

И ведь какие подписчики!

Их и продать – то не жаль.

Аптекаря, переписчики –

Словом, ужасная шваль!

Знай, что такая компания

будет (и все в кураже!..),

не начинал бы издания:

Аристократ я в душе.

Впрочем, среди бабьих передников

и неклюжих лаптей –

Трое действительных статских советников,

Двое армянских князей!

Публика всё чрезвычайная,
Даже чиновников нет.
Охтенка – чтица случайная
(Втер ей за сливки билет),
Дьякон какой-то, с рассрочкою
(Басом, разбойник, кричит),
Страж департаменский с дочкою –
Всё догоняет, шумит!
С хохотом, с грохотом, гиканьем
Мчатся густою толпой;
Визгами, свистом и шиканьем
Слух надрывается мой.
Верите ль? даже квартальные,
Взявшие даром билет,
"дай нам статьи либеральные!" –
Хором кричат. Я в ответ:
"Полноте, други любезные,
Либерализм вам не впрок!"
Сам же в ворота железные
Прыг, – и защелкнул замок!
"Ну! отвязались, ракалии!.." –
Тут я в квартиру нырнул
И, покуривши регалии,
Благополучно заснул.

– --

Жаль мне редактора бедного!
Долго он будет грустить,
Что направления вредного
Негде ему проводить.
Встретились мы: я почтительно
Шляпу ему приподнял,
Он улыбнулся язвительно
И засвистал, засвистал!

(Между январем и мартом 1863)

41. ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ФЕДОРА ИЛЛАРИОНОВИЧА РУДОМЕТОВА 2-го,
уволенного в числе прочих в 1857 году

"Убил ты точно, на веку

Сто сорок два медведя,
Но прочитал ли хоть строку
Ты в жизни, милый Федя?"

– "О нет! за множеством хлопот,
Разводов и парадов,
По милости игры, охот,
Балов и маскарадов,
Я книги в руки не бирал,
Но близок с просвещеньем:
Я очень долго управлял
Учебным учрежденьем.
В те времена всего важней
Порядок был – до книг ли?–
Мы брили молодых людей
И как баранов стригли!

Зато студент не бунтовал,
Хоть был с осанкой хватской,
Тогда закон не разбирал –
Военный или статский;
Дабы соединить с умом
Проворство и сноровку,
Пофилософствуй, а потом
Иди на маршировку!..

Случилось также мне попасть
В начальники цензуры,
Конечно, не затем, чтоб красть, –
Что взять с литературы?–
А так, порядок водворить...
Довольно было писку;

Умел я разом сократить
Журнальную подписку.
Пятнадцать цензоров сменил
(Все были либералы),
Лицеям, школам воспретил
Выписывать журналы.

"Не успокоюсь, не поправ
Писателей свирепость!
Узнайте мой ужасный нрав,
И мощь мою – и крепость!" –

Я восклицал. Я их застиг,
Как ураган в пустыне,
И гибли, гибли сотни книг,
Как мухи в керосине!
Мать не встречала прописей
Для дочери-девчонки,
И лопнули в пятнадцать дней
Все книжные лавчонки!..

Потом, когда обширный край
Мне вверили по праву,
Девиз "Блюда – и усмирять!"
Я оправдал на славу...

.....

(Между январем и мартом 1863)

42. КАЛИСТРАТ
Надо мной певала матушка,
Колыбель мою качаючи:
"Будешь счастлив, Калистратушка!
Будешь жить ты припеваючи!"

И сбылось, по воле божией,
Предсказанье моей матушки:
Нет богаче, нет пригожее,

Нет нарядней Калистратушки!

В ключевой воде купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидаясь
С непосеянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою,
Пуще мужа наряжается –
Носит лапти с подковыркою!..

(5 июня 1863)

43. ПОЖАРИЩЕ

Весело бить вас, медведи почтенные,
Только до вас добираться невесело,
Кочи, ухабины, ели бессменные!
Каждое дерево ветви повесило,
Каркает ворон над белой равниною,
Нищий в деревне за дровни цепляется.
Этой сплошной безотрадной картиною
Сердце подавлено, взор утомляется.
Ой! надоела ты, глушь новгородская!
Ой! истомила ты, бедность крестьянская!
То ли бы дело лошадка заводская,
С полостью санки, прогулка дворянская?..
Даже церковей здесь почти не имеется.

Вот наконец впереди развлечение:
Что-то на белой поляне чернеется,
Что-то дымится – сгорело селение!
Бедных, богатых не различающий,
Шутку огонь подшутил презабавную:
Только повсюду еще украшающий
Освобожденную Русь православную
Столб уцелел – и на нем сохраняются
Строки: "Деревня помещика Вечева".

С лаем собаки на нас не бросаются,
Думают, видно: украсть вам тут нечего!
(Так. А давно ли служили вы с верою,
Лаяли, злились до самозабвения
И на хребте своем шерсть черно-серую
Ставили дыбом в защиту селения?..)
Да на обломках стены штукатуренной
Крайнего дома – должно быть, дворянского –
Видны портреты: Кутузов нахмуренный,
Блюхер бессменный и бок Забалканского.
Лошадь дрожит у плетня почернелого,
Куры бездомные с холоду ежатся,
И на остатках жилья погорелого
Люди, как черви на трупе, копошатся...

(1863)

44. ОРИНА МАТЬ СОЛДАТСКАЯ
День-деньской моя печальница,
В ночь – ночная богомолица,
Векова моя сухотница...

(Из народной песни)

Чуть живые в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогоднего,
Слава богу, добираемся.

"Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая эта думушка!

Посетила ли кручинушка?
Молви – может, и размыкаю". –
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

"Восемь лет сына не видела,
Жив ли, нет – не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринюшка,
Не намотрится на Ванюшку!

Да недолги были радости.
Воротился сын больнехонек,
Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: "Поправлюсь, матушка!"
Да ошибся – не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился..."

Замолчала – не прибавила
Ни словечка, бесталанная.
"Да с чего же привязалась
К парню хворость окаянная?

Хилый, что ли, был с рождения?.."
Встрепенулася Оринюшка:
"Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
Привели его раздетого...

На избенку эту бревнышки
Он один таскал сосновые...

Русы кудри как шелковые..."

И опять молчит несчастная...

"Не молчи – развей кручинушку!

Что сгубило сына милого –

Чай, спросила ты детинушка?"

– "Не любил, сударь, рассказывать

Он про жизнь свою военную,

Грех мирянам-то показывать

Душу – богу обреченную!

Говорить – гневить всевышнего,

Окаянных бесов радовать...

Чтоб не молвить слова лишнего,

На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною

Подобает христианину.

Знает бог, какие тягости

Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася.

Никого не осуждаючи,

Он одни слова утешные

Говорил мне умираючи.

Тихо по двору похаживал

Да постукивал топориком,

Избу ветхую обхаживал,

Огород обнес забориком;

Перекрыть сарай задумывал.

Не сбылись его желания:

Слег – и встал на ноги резвые

Только за день до скончания!

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Поглядеть на солнце красное

Пожелал,- пошла я с Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел – задумался.
"Ты прости, прости, полянушка!
я косил тебя во младости!" –
и заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу,
"Не белы снежки", закашлялся,
Задышался – пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалась головушка!
С час домой мы возвращались..
Было время – пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Всё ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналики,
Песни пел – такие хватские!

Артикул ружьем выкидывал
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль стоял на ноженьке
На одной – носок вытягивал.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно..
Повалился – плачет, кается,
Крикнул: "Ваше благородие!

Ваше!.." Вижу, задыхается.

Я к нему. Утих, послушался –
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли бог спасение?..
К утру память воротилася,

Прошептал: "Прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!.."
Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

И погас он, словно свеченька
Восковая, предыконная..."

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

(1863)

45. ПАМЯТИ ДОБРЮБОВА
Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни новой,
И светлый рай, и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой,

Но слишком рано твой ударил час
И вощее перо из рук упало.

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Какой светильник разума угас!

Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознесся ты над нами..
Плачь, русская земля! но и гордись –
С тех пор, как ты стоишь под небесами,

Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благодатно..
Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни..

(1864)

46. ВОЗВРАЩЕНИЕ

И здесь душа унынием объята.

Неласков был мне родины привет;
Так смотрит друг, любивший нас когда-то,
Но в ком давно уж прежней веры нет.

Сентябрь шумел, земля моя родная
Вся под дождем рыдала без конца,
И черных птиц за мной летела стая,
Как будто бы почуяв мертвеца!

Волнуемый тоскою и боязнию,
Напрасно гнал я грозные мечты,
Меж тем как лес с какой-то неприязнью
В меня бросал холодные листья,

И ветер мне гудел неумолимо:
Зачем ты здесь, изнеженный поэт?
Чего от нас ты хочешь? мимо! мимо!
Ты нам чужой, тебе здесь дела нет!

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
И песню я услышал в отдаленьи.

Знакомая, она была горька,
Звучало в ней бессильное томленье,
Бессильная и вялая тоска.

С той песней вновь в душе зашевелилось,
О чем давно я позабыл мечтать,
И проклял я то сердце, что смутилось
Перед борьбой – и отступило вспять!..

(1864)

47. ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА
Ваня

(в кучерском ярячке)

Папаша! кто строил эту дорогу?

Папаша

(В пальто на красной подкладке)

Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!

(разговор в вагоне)

1

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно – покой и простор!
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни –

Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Быстро лечу я по рельсам чугунным,

Думаю думу свою...

2

Добрый папаша! К чему в обаянии

Умного Ваню держать?

Вы мне позвольте при лунном сиянии

Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден –

Не по плечу одному!

В мире есть царь: этот царь беспощаден,

Голод названье ему.

Водит он армии; в море судами

Правит; в артели сгоняет людей,

Ходит за плугом, стоит за плечами

Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.

Многие – в страшной борьбе,

В жизни воззвав эти дебри бесплодные,

Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,

Столбики, рельсы, мосты.

А по бокам-то всё косточки русские...

Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу, восклицанья слышались грозные!

Топот и скрежет зубов;

Тень набежала на стекла морозные...

Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,

То сторонами бегут.

Слышишь ты пение?... "В ночь эту лунную,

Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цынгой.

Грабили нас грамотеи-десятники,
Секло начальство, давила нужда..
Всё притерпели мы, божи ратники,
Мирные дети труда!

Братья! вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено..
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..."

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого –
Это всё! братья твои – мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век..
Ты приглядишь к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит

И механически ржавой лопатой
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную..
Вынес достаточно русский народ,
Вынес эту дорогу железную –
Вынесет всё, что господь ни пошлет!

Вынесет всё – и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придется – ни мне, ни тебе.

З

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул – исчезла толпа мертвецов!
"Видал, папаша, я сон удивительный, –
Ваня сказал, – тысяч пять мужиков,
Русских племен и пород представители
Вдруг появились – и он мне сказал:
"Вот они – нашей дороги строители!.."
Захохотал генерал!

"Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видал я в Вене святого Стефана,
Что же... всё это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский

Вот ваш народ – эти термы и бани,
Чудо искусства – он всё растаскал!"
– "Я говорю не для вас, а для вани..."
Но генерал возражать не давал:

"Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать – разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону..."

4

– "Рад показать!
Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены – немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался..
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку –
Брал ли на баню, лежал ли больной.
"Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот поди ты!.." – махнули рукой...

В синем кафтане – почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
"Ладно... нешто... молодца!... молодца!..."

С богом, теперь по домам, – проздравляю!
(Шапки долой – коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И – недоимку дарю..."

Кто-то "ура" закричал, Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей – и купчину
С криком "ура" по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

(1864)

48. ПРИТЧА О ЕРМОЛАЕ ТРУДЯЩЕМСЯ
Раньше людей Ермолай подымается,
Позже людей с полосы возвращается,

Разбогатеть ему хочется пашнею.
Правит мужик свою нужду домашнюю

Да и семян запасает порядочно –
Тужит, землицы ему недостаточно!

Сила меж тем в мужике убавляется,
Старость подходит, частенько хворается, –

Стало хозяйство тогда поправляться:
Стало земли от семян оставаться!

1864

Опять она, родная сторона

С ее зеленым, благодатным летом,

И вновь душа поэзией полна...

Да, только здесь могу я быть поэтом!

(На Западе – не вызвал я ничем

Красивых стрóf, пластических и сильных,

В Германии я был как рыба нем,

В Италии – писал о русских ссыльных,

Давно то было... Город наш родной,

Санкт-Петербург, как он ни поэтичен,

Но в нем я постоянно сам не свой –

Зол, озабочен или апатичен...)

Опять леса в уборе вековом,

Зверей и птиц угрюмые чертоги,

И меж деревьев, нависнувших шатром,

Травнистые, зеленые дороги!

На первый раз сказать позвольте вам,

Чем пахнут вообще дороги наши –

То запах дегтя с сеном пополам.

Не знаю, каково на нервы ваши

Он действует, но мне приятен он,

Он мысль мою свежит и направляет:

Куда б мечтой я ни был увлечен,

Он вмиг ее к народу возвращает...

Чу! воз скрипит! Плетутся два вола,

Снопы пред нами в зелени ныряют,

Подобие зеленого стола,

На коем груды золота мелькают.

(Друзья мои картежники! для вас

Придуманo сравненье на досуге...)

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Но мы догнали воз – и порвалась

Нить вольных мыслей. Вздрыгнул я в испуге:

Почудились на этом мне возу,
Сидящие рядом, как на картине,
Столичный франт со стеклышком в глазу
И барыня в широком кринолине!..

1864

50–54. О ПОГОДЕ
Уличные впечатления
Что за славная столица

Развеселый Петербург!

(Лакейская песня)

Часть первая
1. УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Слава богу, стрелять перестали!
Ни минуты мы нынче не спали,
И едва ли кто в городе спал:
Ночью пушечный гром грохотал,
Не до сна! Вся столица молилась,
Чтоб Нева в берега воротилась,
И минула большая беда –
Понемногу сбывает вода.
Начинается день безобразный –
Мутный, ветреный, темный и грязный.
Ах, еще бы на мир нам с улыбкой смотреть!
Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что как слезы струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей и снегов!
Злость берет, сокрушает хандра,
Так и просят слезы из глаз.
Нет! Я лучше уйду со двора...
Я ушел – и наткнулся как раз
На тяжелую сцену. Везли на погост
Чей-то вохрой окрашенный гроб
Через длинный Исакиев мост.

Перед гробом не шли ни родные, ни поп,
Не лежала на нем золотая парча,
Только, в крышу дощатого гроба стуча,
Прыгал град да извозчик-палач
Бил кургузым кнутом спотыкавшихся кляч,
И вдоль спин побелевших удары кнута
Полосами ложились. Съезжая с моста,
Зацепила за дроги коляска, стремглав
С офицером, кричавшим: "Пошел!"- проскакав,
Гроб упал и раскрылся.

"Сердечный ты мой!
Натерпелся ты горя живой,
Да пришлось терпеть и по смерти...
То случится проклятый пожар,
То теперь наскружили вдруг – черти!
Вот уж подлинно бедный Макар!
Дом-то, где его тело стояло,
Загорелся, – забыли о нем, –
Я схватилась: побились немало,
Да спасли-таки гроб целиком,
Так опять неудача сегодня!
Видно, участь его такова...
Расходилась рука-то господня,
Не удержишь!.."

Такие слова
Говорила бездушно и звонко,
Подбежав к мертвецу впопыхах,
Провожавшая гроб старушонка,
В кацавейке, в мужских сапогах.
"Вишь, проклятые! Ехать им тесно!"
– "кто он был?" – я старуху спросил.
"кто он был? да чиновник, известно;
В департаментах разных служил.

Петербург ему солон достался:

В наводнение жену потерял,
Целый век по квартирам таскался
И четырнадцать раз погорал.
А уж службой себя как неволил!
В будни сиднем сидел да писал,
А по праздникам ноги мозолил –
Всё начальство свое поздравлял.
Вот и кончилось тем – простудился!
Звал из Шуи родную сестру,
Да деньжонок послать поспешился.
"Так один, говорит, и умру,
Не дождусь... кто меня похоронит?
Хоть уж ты не оставь, помоги!"
Страх, бывало, возьмет, как застонет!
"Подари, говорю, сапоги,
А то, вишь, разошелся дождище!
Неравно в самом деле умрешь,
В чем пойду проводить на кладбище?"
Закивал головой... – "Ну и что ж?"
– "Ну и умер – и больше ни слова:
Надо места искать у другого!"
– "И тебе его будто не жаль?"
– "Что жалеть! нам жалеть недосужно.
Что жалеть! хоронить теперь нужно.
Эка, батюшка, страшная даль!
Эко времечко!.. господи боже!
Как ни дорого бедному жить,
Умирать ему вдвое дороже:
На кладбище–то место купить,
Да попу, да на гроб, да на свечи..."

Говоря эти грустные речи,
До кладбища мы скоро дошли

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
И покойника в церковь внесли.

Много их там гуртом отпевалось,
Было тесно – и трудно дышалось.
Я ушел по кладбищу гулять;
Там одной незаметной могилы,
Где уснули великие силы,
Мне хотелось давно поискать.

Сделав даром три добрые круга,
Я у сторожа вздумал спросить.
Имя, званье, все признаки друга
Он заставил пять раз повторить
И сказал: "Нет, такого не знаю;
А, пожалуй, приметку скажу,
Как искать: Ты ищи его с краю,
Перешедши вот эту межу,
И смотри: где кресты – там мещане,
Офицеры, простые дворяне;
Над чиновником больше плита,
Под плитой же бывает учитель,
А где нет ни плиты, ни креста,
Там, должно быть, и есть сочинитель".

За совет я спасибо сказал,
Но могилы в тот день не искал.
Я старуху знакомую встретил
И покойника с ней хоронил.
День, по-прежнему гнил и не светел,
Вместо града дождем нас мочил.
Средь могил, по мосткам деревянным
Довелось нам долгонько шагать.
Впереди, под навесом туманным,
Открывалась болотная гладь:
Ни жилья, ни травы, ни кусточка,
Всё мертво – только ветер свистит.

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Вон виднеется черная точка:

Это сторож. "Скорее!" – кричит.
По танцующим жердочкам прямо
Мы направились с гробом туда.
Наконец вот и свежая яма,
И уж в ней по колено вода!
В эту воду мы гроб опустили,
Жидкой грязью его завалили,
И конец! Старушонка опять
Не могла пересилить досады:
"Ну, дождался, сердечный, отрады!
Что б уж, кажется, с мертвого взять?
Да господь, как захочет обидеть,
Так обидит: Вчера погорал,
А сегодня, изволите видеть,
Из огня прямо в воду попал!"
Я взглянул на нее – и заметил,
Что старухе-то жаль бедняка:
Бровь одну поводило слегка...
Я немой ей поклоном ответил
И ушел.. Я доволен собой,
Я недаром на улицу вышел:
Я хандру разогнал и смешной
Каламбур на кладбище услышал,
Подготовленный жизнью самой...

27 декабря 1858

2. ДО СУМЕРЕК

1

Ветер что-то удушлив не в меру,
В нем зловещая нота звучит,
Всё холеру – холеру – холеру –
Тиф и всякую немочь сулит!
Все больны, торжествует аптека

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
И варит свои зелья гуртом;

В целом городе нет человека,
В ком бы желчь не кипела ключом;
Муж, супругою страстно любимый,
В этот день не понравится ей,
И преступник, сегодня судимый,
Вдвое больше получит плетей.
Всюду встретишь жестокую сцену, -
Полицейский, не в меру сердит,
Тесаком, как в гранитную стену,
В спину бедного Ваньки стучит.
Чу! визгливые стоны собаки!
Вот сильней, - видно, треснули вновь...
Стали греться - догрелись до драки
Два калашника... хохот - и кровь!

2

Под жестокой рукой человека
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача.
Вот она зашаталась и стала.
"Ну!" - погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) -
и уж бил ее, бил ее, бил!
Ноги как-то расставив широко,
Вся дымясь, оседая назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
и глядела... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).
Он опять: по спине, по бокам,
и вперед забежав, по лопаткам
и по плачущим, кротким глазам!
Всё напрасно. Клячонка стояла,
Полосатая вся от кнута,

Лишь на каждый удар отвечала
Равномерным движеньем хвоста.
Это праздных прохожих смешило,
Каждый вставил словечко свое,
Я сердился – и думал уныло:
"Не вступиться ли мне за нее?
В наше время сочувствовать мода,
Мы помочь бы тебе и не прочь,
Безответная жертва народа, –
Да себе не умеем помочь!"
А погонщик недаром трудился –
Наконец-таки толку добился!
Но последняя сцена была
Возмутительней первой для взора:
Лошадь вдруг напряглась – и пошла
Как-то боком, нервически скоро,
А погонщик при каждом прыжке,
В благодарность за эти усилья,
Поддавал ей ударами крылья
И сам рядом бежал налегке.

З

Я горячим рожден патриотом,
Я весьма терпеливо стою,
Если войско, несметное счетом,
Переходит дорогу мою.
Ускользнут ли часы из кармана,
До костей ли прохватит мороз
Под воинственный гром барабана,
Не жалею: я истинный росс!
Жаль, что нынче погода дурная,
Солнца нет, кивера не блестят
И не лоснится масть вороная
Лошадей... Только сабли звенят;

С лиц бегут дождевые струи,
Артиллерия тяжело и глухо
Продвигает орудья свои.
Всё молчит. В этой раме туманной
Лица воинов жалки на вид,
И подмоченный звук барабанный
Словно издали жидко гремит...

4

Прибывает толпа ожидающих,
Сколько дрожек, колясок, карет!
Пеших, едущих, празднo-зевающих
Счету нет!
Тут квартальный с захваченным пьяницей,
Как Федотов его срисовал;
Тут старуха с аптечною сткляницей,
Тут жандармский седой генерал;
Тут и дама такая сердитая -
Открывай ей немедленно путь!
Тут и лошадь, недавно побитая:
Бог привел и ее отдохнуть!
Смотрит прямо в окошко каретное,
На стекле надышала пятно.
Вот лицо, молодое, приветное,
Вот и ручка, - раскрылось окно,
И погладила клячу несчастную
Ручка белая... Дождь зачастил,
Словно спрятаться ручку прекрасную
Поскорей торопил.
Тут бедняк итальянец с фигурами,
Тут чухна, продающий грибы,
Тут рассыльный Минай с корректурами.
"Что, старинушка, много ходьбы?"
- "Много было до сорок девятого;

Отдохнули потом... да опять

С пятьдесят этак прорвало с пятого,

Успевай только ноги таскать!"

– "А какие ты носишь издания?"

– "Пропасть их – перечесть мудрено.

Я "Записки" носил с основания,

С "Современником" нянчусь давно:

То носил к Александру Сергеичу,

А теперь уж тринадцатый год

Всё ношу к Николаю Алексеичу, –

На Литейной живет.

Слог хорош, а жиденько издание,

Так, оберточкой больше берут.

Вот "Записки" – одно уж название!

Но и эти, случается, врут.

Всё зарезать друг дружку стараются.

Впрочем, нас же надуть норовят:

В месяц тридцать листов обещаются,

А рассылный таскай шестьдесят!

Знай ходи – то в Коломну, то к Невскому,

Даже Фрейганг устанет мараить:

"Объяви, говорит, ты Краевскому,

что я больше не стану читать!.."

Вот и нынче несущу что-то спешное –

Да пускай подождут, не впервой.

Эх, умаялось тело-то грешное!.."

– "Да, пора бы тебе на покой".

– "То-то нет! Говорили мне многие,

Даже доктор (в тридцатом году

я носил к нему "Курс патологии"):

"Жить тебе, пока ты на ходу!"

И ведь точно: сильней нездоровится,

Коли в праздник ходьба остановится:

Ноет спинушка, жилы ведет!

я хожу уж полвека без малого,
человека такого усталого
Не держи – пусть идет!
Умереть бы привел бог со славою,
Отдохнуть отдохнем, потрудясь..."
Принял позу старик величавую,
На Исакия смотрит, крестясь.
Мне понравилась речь эта странная.
"Трудно дело твое!" – я сказал.
"Дела нет, а ходьба беспрестанная,
Зато город я славно узнал!
Знаю, сколько в нем храмов считается,
В каждой улице сколько домов,
Сколько вывесок, сколько шагов
(Так, идешь да считаешь, случается).
Грешен, знаю число кабаков.
Что ни есть в этом городе жителей,
Всех по времени вызнал с лица".
– "Ну, а много видал сочинителей?"
– "День считай – не дойдешь до конца,
Чай, и счет потерял в литераторах!
Коиx помню – пожалуй, скажу.
При царице, при трех императорах
К ним ходил... при четвертом хожу:
Знал Булгарина, Греча, Сенковского,
У Воейкова долго служил,
В Шепелевском сыпал у Жуковского
И у Пушкина в Царском гостил.
Походил я к Василью Андреичу,
Да гроша от него не видал,
Не чета Александру Сергеичу –
Тот частенько на водку давал.
Да зато попрекал всё цензурою:
Если красные встретит кресты,

Так и пустит в тебя корректуру:

Убирайся, мол, ты!

Глядя, как человек убивается,

Раз я молвил: сойдет-де и так!

"Это кровь, говорит, проливается,

Кровь моя, – ты дурак!.."

5

Полно ждать! за последней колонною

Отсталые прошли,

И покрытую красной попоною

В заключение коня привели.

Торжествуя конец ожидания,

Кучера завопили: "Пади!"

Всё спешит."Ну, старик, до свидания,

Коли нужно идти, так иди!!!"

6

Я, продрогнув, домой побежал.

Небо, видно, сегодня не сжалится:

Только дождь перестал,

Снег лепешками крупными валится!

Город начал пустеть – и пора!

Только бедный и пьяный шатаются,

да близ медной статуи Петра,

У присутственных мест дожидаются

Сотни сотен крестьянских дровней

и так щедро с небес посыпаются,

что за снегом не видно людей.

чу! рыдание баб истеричное!

Сдали парня?.. желей не желей,

Перемелется – дело привычное!

Злость-тоску мужики на лошадах сорвут,

коли денежки есть – раскошелятся

и кручинушку штофом запьют,

А слезами-то бабы поделятся!
По ведерочку слез на сестренку уйдет,
С полведра молодойе достанется,
А старуха-то мать и без меры возьмет -
И без меры возьмет - что останется!

(10 февраля 1859)

3. СУМЕРКИ

Говорят, еще день. Правда, я не видал,
Чтобы месяц свой рог золотой показал,
Но и солнца не видел никто.
Без его даровых, благодатных лучей
Золоченые куполы пышных церквей
И вся роскошь столицы - ничто.
Надо всем, что ни есть: над дворцом и тюрьмой,
И над медным Петром, и над грозной Невою,
До чугунных коней на воротах застав
(Что хотят ускакать из столицы стремглав)-
Надо всем распростерся туман.
Душный, стройный, угрюмый, гнилой,
Некрасив в эту пору наш город большой,
Как изношенный фат без румян...

Наша улица улиц столичных краса,
В ней дома всё в четыре этажа,
Не лазурны над ней небеса,
Да зато процветает продажа.
Сверху донизу вывески сплошь
Покрывают громадные стены,
Сколько хочешь тут немцев найдешь -
Из Берлина, из Риги, из Вены.
Всё соблазны, помилуй нас бог!
Там перчатка с руки великана,
Там торчит Веллингтонов сапог,

Там с открытою грудью Диана,
Даже ты, Варсонофий Петров,
Подле вывески "делают гробы"
Прицепил полуженные скобы
И другие снаряды гробов,
Словно хочешь сказать: "Друг прохожий!
Соблазнись – и умри поскорей!"
Человек ты, я знаю, хороший,
Да многонько родил ты детей –
Непрестанные нужны заказы..
Ничего! обеспечен твой труд,
Бедность гибельней всякой заразы –
В нашей улице люди так мрут,
Что по ней то и знай на кладбища,
Как в холеру, тащат мертвецов:
Холод, голод, сырые жилища –
Не робей, Варсонофий Петров!..

В нашей улице жизнь трудовая:
Начинают ни свет ни заря
Свой ужасный концерт, припевая,
Токари, резчики, слесаря,
А в ответ им гремит мостовая!
Дикий крик продавца-мужика,
И шарманка с пронзительным воем,
И кондуктор с трубой, и войска,
С барабанным идущие боем,
Понуканье измученных кляч,
Чуть живых, окровавленных, грязных,
И детей раздирающий плач
На руках у старух безобразных –
Всё сливается, стонет, гудет,
Как-то глухо и грозно рокочет,
Словно цепи куют на несчастный народ,
Словно город обрушиться хочет.

Давка, говор...(о чем голоса?
Всё о деньгах, о нужде, о хлебе)
Смрад и копоть. Глядишь в небеса,
Но отрады не встретишь и в небе.

Этот омут хорош для людей,
Расставляющих ближнему сети,
Но не жалко ли бедных людей!
Вы зачем тут, несчастные дети?
Неужели душе молодой
Уж знакомы нужда и неволя?
Ах, уйдите, уйдите со мной
В тишину деревенского поля!
Не такой там услышите шум, -
Там шумит созревающий колос,
Усыпляя младенческий ум
И страстей преждевременный голос.
Солнце, воздух, цветов аромат -
Это всех поколений наследство,
За пределами душных оград
Проведете вы сладкое детство.
Нет! вам красного детства не знать,
Не прожить вам покойно и честно.
Жребий ваш... но к чему повторять
То, что даже ребенку известно?

На спине ли дрова ты несешь на чердак,
Через лоб протянувши веревку,
Грош ли просишь, идешь ли в кабак,
Задают ли тебе потасовку -
Ты знаком уже нам, петербургский бедняк,
Нарисованный ловкою кистью
В модной книге, - угрюмый, худой,
Обесмысленный дикой корыстью,
Страхом, голодом, мелкой борьбой!

Мы довольно похвал расточали,
И довольно сплели мы венков
Тем, которые нам рисовали
Любопытную жизнь бедняков.
Где ж плоды той работы полезной?
Увидав, как читатель иной
Льет над книгою слезы рекой,
Так и хочешь сказать: "Друг любезный,
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманных книжонок,
Но не ставь за каретой гвоздей,
Чтоб, вскочив, накололся ребенок!"

(Между январем и 15 марта 1859)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

4. Крещенские морозы

"Государь мой! куда вы бежите?"
– "В канцелярию; что за вопрос?
я не знаю вас!" – "Трите же, трите
Поскорей, бога ради, ваш нос!
Побелел!" – "А! весьма благодарен!"
– "Ну, а мой-то?" – "Да ваш лучезарен!"
– "То-то принял я меры..." – "Чего-с?"
– "Ничего. Пейте водку в морозы –
Сбережете наверно ваш нос,
На щеках же появятся розы!"

Усмехнувшись, они разошлись,
И за каждым извозчик помчался.
Бедный Ванька! надеждой не льстись,
Чтоб сегодня седок отыскался:
Двадцать градусов, ветер притом, –
Бескаретные ходят пешком.

Разыгрались силы господни!

Насчитаешь наверно до сотни
Отмороженных щек и ушей.
Двадцать градусов! щеки и уши
Не беда, как-нибудь ототрем!
Целиком христианские души
Часто гибнут теперь; подождем –
Часовой ли замерзнет, бедняга,
Или Ванька, уснувший в санях,
Всё прочтем, коли стерпит бумага,
Завтра утром в газетных листах.

Ежедневно газетная проза
Обличает проделки мороза;
Кучера его громко клянут,
У подъездов господ поджидая,
Бедняки ему песню поют,
Зубом на зуб едва попадая:

"Уходи из подвалов сырых,
Полутемных, зловонных, дымящихся,
Уходи от голодных, больных,
Озабоченных, вечно трудящихся,
Уходи, уходи, уходи!
Петербургскую голь пощади!"

Но мороз не щадит, – прибавляется.
Приуныла столица; один
Самоед на Неве удивляется:
От каких чрезвычайных причин
На оленях никто не катается?
Там, где строй заготовленных льдин
Возвышается синею клеткою,
Ходит он со своей самоедкой,
Песни родины дальней поет,
Седока–благодетеля ждет...

Самоедские нервы и кости
Стерпят всякую стужу, но вам,
Голосистые южные гости,
Хорошо ли у нас по зимам?
Вспомним – Бозио. Чванный Петрополь
Не жалел ничего для нее.
Но напрасно ты кутала в соболь
Соловьиное горло свое,
Дочь Италии! С русским морозом
Трудно ладить полуденным розам.

Перед силой его роковой
Ты поникла челом идеальным,
И лежишь ты в отчизне чужой
На кладбище пустом и печальном.
Позабыл тебя чуждый народ
В тот же день, как земле тебя сдали,
И давно там другая поет,
Где цветами тебя осыпали.
Там светло, там гудет контрабас,
Там по-прежнему громки литавры.
Да! на севере грустном у нас
Трудны деньги и дороги лавры!

Всевозможные тифы, горячки,
Воспаленья – идут чередом,
Мрут, как мухи, извозчики, прачки,
Мерзнут дети на ложе своем.
Ни в одной петербургской больнице
Нет кровати за сотню рублей.
Появился убийца в столице,
Бич довольных и сытых людей.
С бедняками, с сословием грубым,
Не имеет он дела! тайком

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Ходит он по гостиным, по клубам

С смертоносным своим кистенем.

"Побранился с супругой своею
После ужина Нестор Фомич,
Ухватил за короткую шею
И прихлопнул его паралич!
Генерал Федор Карлыч фон Штубе,
Десятипудовой генерал,
Скушал четверть телятины в клубе,
Крикнул: "Пас!- и со стула не встал!"
Таковы-то теперь разговоры,
Что ни день, то плачевная весть.
В клубах мрак и унынье: обжоры
Поклялися не пить и не есть.

Мучим голодом, страхом томимый,
Сановит и солиден на вид,
В сильный ветер, в мороз нестерпимый,
Кто по Невскому быстро бежит?
И кого он на Невском встречает?
И о чем начался разговор?
В эту пору никто не гуляет,
Кроме мнительных, тучных обжор.
Говоря меж собой про удары,
Повторяя обеты не есть,
Ходят эти угрюмые пары,
До обеда не смея присесть,
А потом наедаются вдвое,
И на утро разносится слух,
Слух ужасный – о новом герое,
Испутившем нечаянно дух!

Никакие известья из Вильно,
Никакие статьи из Москвы
Нас теперь не волнуют так сильно,

Как подобные слухи... Увы!
Неприятно с местечек солидных,
Из хороших казенных квартир
Вдруг, без всяких причин благовидных,
Удаляться в неведомый мир!
Впрочем, если уж смерть неизбежна,
Так зимой умирать хорошо:
Для супруги, нас любящей нежно,
Сохранимся мы чисто, свежо
До последней минуты лобзанья,
И друзьям нашим будет легко
Подходить к нам в минуту прощанья;
Понесут они гроб далеко.
Похоронная музыка чище
И звончей на морозе слышна,
Вместо грязи покрыто кладбище
Белым снегом; сурово-пышна
Обстановка; гроб бросят не в лужу,
Червь не скоро в него заползет,
Сам покойник в жестокую стужу
Дольше важный свой вид сбережет.
И притом, если друг неутешный
Нас живьем схоронить поспешит,
Мы избавимся муки кромешной:
Дело смерти мороз довершит.

Умирай же, богач, в стужу сильную!
Бедняки пускай осенью мрут,
Потому что за яму могильную
Вдвое больше в морозы берут.

(Между 1863 и 1865)

6. КОМУ ХОЛОДНО, КОМУ ЖАРКО!
Свечерело. В предместьях дальных,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Где, как черные змеи, летят

Клубы дыма из труб колоссальных,
Где сплошными огнями горят
Красных фабрик громадные стены,
Окаймляя столицу кругом, –
Начинаются мрачные сцены.
Но в предместья мы не пойдём.
Нам зимою приятней столица
Там, где ярко горят фонари,
Где гуляют довольные лица,
Где катаются сами цари.

Надышавшись классической пылью
В Петербурге, паспорт берем
И чихать уезжаем в Севилью.
Но кто летом толкается в нем,
Тот ему одного пожелает –
Чистоты, чистоты, чистоты!
Грязны улицы, лавки, мосты,
Каждый дом золотухой страдает;
Штукатурка валится – и бьет
Тротуаром идущий народ,
А для едущих есть мостовая,
Не щадящая бедных боков;
Летом взруют ее, починяя,
Да наставят зловонных костров;
Как дорогой бросаются в очи
На зеленом лугу огоньки,
Ты заметишь в туманные ночи
На вершине костров светляки,
Берегись!.. В дополнение, с мая,
Не весьма-то чиста и всегда,
От природы отстать не желая,
Зацветает в каналах вода...

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
(Наша муза парит невысоко,

Но мы пишем не легкий сонет,
Наше дело исчерпать глубоко
Воспеваемый нами предмет.)

Уж давно в тебя летней порою
Не случилось нам заглянуть,
Милый город! где трудной борьбою
Надорвали мы смолоду грудь,
Но того мы еще не забыли,
Что в июле пропитан ты весь
Смесью водки, конюшни и пыли –
Характерная русская смесь.

Но зимой – дышишь вольно; для глаза –
Роскошь! Улицы, зданья, мосты
При волшебном сиянии газа
Получают печать красоты.
Как проворно по хрупкому снегу
Мчится тысячный, кровный рысак!
Даже клячи извозчичьи бегу
Прибавляют теперь. Каждый шаг,
Каждый звук так отчетливо слышен,
Всё свежо, всё эффектно: зимой,
Словно весь посеребренный, пышен
Петербург самобытной красой!
По каналам, что летом зловонны,
Блещет лед, ожидая коньков,
Серебром отливают колонны,
Орнаменты ворот и мостов;
В серебре лошадиные гривы,
Шапки, бороды, брови людей,
И, как бабочек крылья, красивы
Ореолы вокруг фонарей!

Пусть с какой-то тоской безотрадной

Месяц с ясного неба глядит
На Неву, что гробницей громадной
В берегах освещенных лежит,
И на шпиль, за угрюмой Невою,
Перед длинной стеной крепостною,
Наводящей унынье и сплин.
Мы не тужим. У русской столицы,
Кроме мрачной Невы и темницы,
Есть довольно и светлых картин.

Невский полон: эстампы и книги,
Бриллианты из окон глядят,
Вновь прибывшие девы из Риги
Неподдельным румянцем блестят.
Всюду люди – шумят, суетятся.
Вот красивая тройка бежит:
"Не хотите ли с нами кататься?" –
Деве бравый усач говорит.
Поглядела, подумала, села.
И другую сманили, – летят!
Полумерзлые девы несмело
На своих кавалеров глядят.
"Ваше имя?" – "Матильда". – "А ваше?"
– "Александра". К Матильде один,
А другой подвигается к Саше.
"Вы модистка?" – "Да, шью в магазин".
– "Эй! пошел хорошенько, Тараска!" –
Город из виду скоро пропал.

Начинается зимняя сказка:
Ветер злился, гудел и стонал,
Франты песню удалую пели,
Кучер громко подтягивал ей,
Кони, фыркая, вихрем летели,
Злой мороз пробирал до костей.

Прискакали в открытое поле.

"Да куда же везете вы нас?

Мы одеты легко... мудрено ли

Простудиться?" – "Приедем сейчас!

Ну, потрогивай! живо, дружище!"

Снова скачут! Могилы вокруг,

Монументы... "Да это кладбище", –

шепчет Саша Матильде – и вдруг

Сани набок! Упали девицы...

Повернули назад господу,

и умчали их кони, как птицы.

Девы встали. "Куда ж вы? куда?"

Нет ответа! Несчастные девы

в чистом поле остались одни.

Дикий хохот, лихие напевы

Постепенно умолкли. Они

огляделись: безлюдно и тихо,

Звезды с ясного неба глядят...

"Мы сегодня потешились лихо!" –

франты в клубе друзьям говорят...

А театры, балы, маскарады?

Впрочем, здесь и конец, господу,

мы бы там побывать с вами рады,

но нас цензор не пустит туда.

До того, что творится в природе,

дела нашему цензору нет.

"Вы взялись писать о погоде,

воспевайте же данный предмет!"

– "Но озябли мы, друг наш угрюмый!

Пощади – нам погреться пора!"

– "Вот вам случай – взгляните: над думой

показались два красных шара,

в вашей власти наполнить пожаром

Сто страниц – и погреемся даром!"

Где ж пожар? пешеходы глядят.
Чу! неистовый топот раздался,
И на бочке верхом полицейский солдат,
Медной шапкой блестя, показался.
Вот другой – не поспеешь считать!
Мчатся вихрем красивые тройки.
Осторожней, пожарная рать!
Кони сытые слишком уж бойки.

Вся команда на борзых конях
Через Невский проспект прокатилась
И на окнах аптек, в разноцветных шарах
Вверх ногами на миг отразилась...

Озадаченный люд толковал,
Где пожар и причина какая?
Вдруг еще появился сигнал,
И промчалась команда другая.
Постепенно во многих местах
Небо вспыхнуло заревом красным,
Топот, грохот! Народ впопыхах
Разбежался по улицам разным,
Каждый в свой торопился квартал,
"Не у нас ли горит? – помышляя, –
Бог помилуй!" Огонь не дремал,
Лавки, церкви, дома пожирая...

Семь пожаров случилось в ту ночь,
Но смотреть их нам было невмочь.
В сильный жар да в морозы трескучие
В Петербурге пожарные случаи
Беспрестанны – на днях как-нибудь
И пожары успеем взглянуть...

55.

Явно родственны с землей,
В тайном браке с "Вестью",
Земства модною броней
Прикрываясь с честью,
Снова ловят мужиков
В крепостные сети
Николаевских орлов
Доблестные дети...

(Между 1863 и 1865)

56. ГАЗЕТНАЯ

... Через дым, разъедающий очи
Милых дам, убивающих ночи
За игрою в лото-домино,
Разглядеть что-нибудь мудрено.
Миновав этот омут кромешный,
Это тусклое царство теней,
Добрались мы походкой поспешной
До газетной...

Здесь воздух свежей;
Пол с ковром, с абажурами свечи,
Стол с газетами, с книгами шкап.
Неуместны здесь громкие речи,
А еще неприличнее храп,
Но сморит после наших обедов
Хоть какого чтеца, и притом
Прав доньне старик Грибоедов -
С русской книгой мы вечно уснем.
Мы не любим словесности русской
И доньне, предвидя досуг,
Запасаемся книгой французской.
Что же так?... Даже избранный круг
Увлекали талантом недавно

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Граф Толстой, Фет и просто Толстой.

"Русский слог исправляется явно!"-

Замечают тузы меж собой.

Не без гордости русская пресса

Именуется иногда

Путеводной звездой прогресса,

И недаром она так горда:

Говорят – о, Гомер и Овидий!-

До того расходилась печать,

Что явилась потребность субсидий.

Эк хватило куда! исполать!

Таксы нет на гражданские слезы,

Но и так они льются рекой.

Образцы изумительной прозы

Замечаются в прессе родной:

Тот добился успеха во многом

И удачно врагов обуздал,

Кто идею свободы с поджогом

С грабежом и убийством мешал;

Тот прославился другом народа

И мечтает, что пользу принес,

Кто на тему: вино и свобода

На народ напечатал донос.

Нам Катков предстоит великаном,

Мы Тургенева кушать зовем...

Почему же французским романам

Предпочтение мы отдаем?

Не избыток хорошего тона,

Не картин соблазнительный ряд,

Нас отсутствие "мрака и стона"

К ним влечет... Мудрецы говорят:

"Час досуга, за утренним чаем,

Для чего я тоской отравлю?

Наши немощи знаем мы, знаем,

Эта песня давно уже слышится,
Но она не ведет ни к чему.
Коли нам так писалось и пишется, -
Значит, есть и причина тому!
Не заказано ветру свободному
Петь тоскливые песни в полях,
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны в лесах;
Спокон веку дождем разливаются
Над родной стороной небеса,
Гнутся, стонут, под бурей ломаются
Спокон веку родные леса,
Спокон веку работа народная
Под унылую песню кипит,
Вторит ей наша муза свободная,
Вторит ей – или честно молчит.

Как бы ни было, в комнате этой
Праздно кипы журналов лежат,
Пусто! разве, прикрывшись газетой,
Два-три члена солидные спят.
(Как не скажешь: москвич идеальней,
Там газетная вечно полна,
Рядом с ней, нареченная "вральней",
Есть там мрачная зала одна -
Если ты не московского мненья,
Не входи туда – будешь побит!)
В Петербурге любители чтенья
Пробегают один "Инвалид";
В дни, когда высочайшим приказом
Назначается много наград,
Десять рук к нему тянется разом,
Да порой наш журнальный собрат

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Дерзновенную штуку отколет,

Тронет личность, известную нам,

О! тогда целый клуб соизволит

Прикоснуться к презренным листам.

Шепот, говор. Приводится в ясность –

кто затронут, метка ли статья?

И суровые толки про гласность

Начинаются. Слыхивал я

Здесь такие сужденья и споры...

Поневоле поникнешь лицом

И потупишь смущенные взоры...

Не в суждениях дело, а в том,

что судила такая особа...

Впрочем, я ей обязан до гроба!

Раз послушав такого туза,

Не забыть до скончания века.

В мановении брови – гроза!

В полуслове – судьба человека!

Согласишься, почтителен, тих,

Постоишь, удалишься украдкой

И начнешь сатирический стих

В комплимент перелаживать сладкий...

Да! Но все-таки грустен напев

Наших песен, нельзя не сознаться.

Переделать его не сумев,

Мы решились при нем оставаться.

Примиритесь же с Музой моей!

Я не знаю другого напева.

Кто живет без печали и гнева,

Тот не любит отчизны своей...

С давних пор только два человека

Постоянно в газетной сидят:

Одному уж три четверти века,

Но он крепок и силен на взгляд.
Про него бесконечны рассказы:
Жаден, скуп, ненавидит детей.
Здесь он к старосте пишет приказы,
чтобы дома не тратить свечей.
Говорят, одному человеку
Удалось из-за плеч старика
Прочитать, что он пишет: "В аптеку,
чтоб спасти бедняка мужика,
Посылал ты – нелепое барство! –
Впредь расходов таких не иметь!
Деньги с миру взыскать... а лекарство
Для крестьянина лучшее – плеть..."
Анекдот этот в клубе я слышал
(Это было лет десять тому).
Из полка он за шулерство вышел,
Мать родную упрятал в тюрьму.
Про его воровские таланты
Тоже ходит таинственный слух;
У супруги его бриллианты
Родовые пропали – двух слуг
Присудили тогда и сослали;
А потом – раз старик оплошал –
У него эти камни видали:
Сам же он у жены их украл!
Ненавидят его, но для виста
Он всегда партнеров найдет:
"Что ж? ведь в клубе играет он чисто!"
Наша логика дальше нейдет...

А другой? Среди праздных местечек,
Под огромным газетным листом,
Видишь, тощий сидит человечек
С озабоченным, бледным лицом,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Весь исполнен тревогою страстной,

По движеньям похож на лису,
Стар и глух; и в руках его красный
Карандаш и очки на носу.
В оны годы служил он в цензуре
И донине привычку сберег
Всё, что прежде черкал в корректуре,
Отмечать: выправляет он слог,
С мысли автора краски стирает.
Вот он тихо промолвил: "шалишь!"
Глаз его под очками играет,
Как у кошки, заметившей мышь;
Карандаш за привычное дело
Принялся..."А позвольте узнать
(Он болтун – говорите с ним смело),
Что изволили вы отыскать?"

– "Ужасаюсь, читая журналы!
Где я? Где? Цепенеет мой ум!
Что ни строчка – скандалы, скандалы!
Вот взгляните – мой собственный кум
Обличен! Моралист-проповедник,
Цыц!.. Умолкни, журнальная тварь!..
Он действительный статский советник,
Этот чин даровал ему царь!
Мало им, что они Маколея
И Гизота в печать провели,
Кровопийцу Прудона, злодея
Тьера выше небес вознесли,
К государственной росписи смеют
Прикасаться нечистой рукой!
Будет время – пожнут, что посеют!
(Старец грозно качнул головой.)
А свобода, а земство, а гласность!
(Крикнул он и очки уронил.)

Вот где бедствие! Вот где опасность
Государству... Не так я служил!

О чинах, о свободе, о взятках
Я словечка в печать не пускал.
К сожаленью, при новых порядках
Председатель отставку мне дал;
На начальство роптать не дерзаю
(Не умею – и этим горжусь),
Но убей меня, если я знаю,
Отчего я теперь не гожусь?
Служба всю мою жизнь поглощала,
Иногда до того я вникал,
Что во сне благодать осеняла,
И, вскочив, – я черкал и черкал!
К сочинению ключ понемногу,
К тайной цели его подберешь,
Сходишь в церковь, помолишься богу
И опять троекратно прочтешь:
Взвешен, пойман на каждом словечке,
Сочинитель дрожал предо мной, –
Повертится, как муха на свечке,
И уйдет тихомолком домой.
Рад-радехонек, если тетрадку
Я, похерив, ему возвращу,
А то, если б пустить по порядку...
Но всего говорить не хочу!
Занимаясь семь лет этим дельцем,
Не напрасно я брал свой оклад
(Тут сравнил он себя с земледельцем,
Рвущим сорные травы из гряд).
Например, Вальтер Скотт или Купер –
Их на веру иной пропускал,
Но и в них открывал я канупер!

Но зато, если дельны и строги
Мысли, – кто их в печать проводил?
Я вам мысль, что "большие налоги
любит русский народ", пропустил
Я статью отстоял в комитете,
что реформы раненько вводить,
что крестьяне – опасные дети,
что их грамоте рано учить!
кто, чтоб нам микроскопы купили,
С представленьем к министру вошел?
А то раз цензора пропустили,
Вместо северный, скверный орел!
Только буква... шутите вы буквой!
Автор прав, чего цензор смотрел?"

Освежившись холодной клюквой,
Он прибавил: "А что я терпел!
Не один оскорбленный писатель
Письма бранные мне посылал
и грозился... (Да шутишь, приятель!
меры я надлежащие брал.)
Мне мерещились авторов тени,
Третьей ночью еще Фейербах
Мне приснился – был рот его в пене,
Он держал свою шляпу в зубах,
А в руке суковатую палку...
Мне одна романистка чуть-чуть
в маскарade... но бабу-нахалку
Удержали... да, труден наш путь!

Ни родства, ни знакомства, ни дружбы
Совесть цензора знать не должна,
Долг, во-первых, – обязанность службы!
Во-вторых, сударь: дети, жена!

и притом я себя так прославил,
что свихнись я – другой бы навряд
Место новое мне предоставил,
Зависть общий порок, говорят!"

Тут взглянул мне в лицо старичина:
Ужас, что ли, на нем он прочел,
Я не знаю, какая причина,
Только речь он помягче повел:
"Так храня целомудрие прессы,
Не всегда был, однако, я строг.
Если б знали вы, как интересы
я писателей бедных берег!
Да! меня не коснулись упреки,
что я платы за труд их лишал.
Оставлял я страницы и строки,
Только вредную мысль исключал.
Если ты написал: "Равнодушно
Губернатора встретил народ",
Исключу я три буквы:"ра – душно"
Выйдет... что же? три буквы не счет!
Если скажешь: "В дворянских именьях
Нищета ежегодно растет",-
"Речь идет о сардинских владеньях"-
Поясню, – и статейка пройдет!
Точно так: если страстную Лизу
Соблазнит русокудрый Иван,
Переносится действие в Пизу –
и спасен многотомный роман!
Незаметные эти поправки
Так изменят и мысли, и слог,
что потом не подточишь булавки!
Да, я авторов много берег!
Сам я в бедности тяжелой родился,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Сам имею детей, я не зверь!

Дети! дети! (старик омрачился).

Воздух, что ли, такой уж теперь –

Утешения в собственном сыне

Не имею.. Кто б мог ожидать?

Никакого почтения к святыне!

Спорю, спорю! не раз и ругать

Принимался, а втайне-то плачешь.

Я однажды ему пригрозил:

"Что ты бесишься? что ты чудачишь?

В нигилисты ты, что ли, вступил?"

– "Нигилист – это глупое слово, –

Говорит, – но когда ты под ним

Разумел человека прямого,

кто не любит живиться чужим,

кто работает, истины ищет.

Не без пользы старается жить,

прямо в нос негодяя освищет,

а при случае рад и побить –

так пожалуй – зови нигилистом,

отчего и не так!" Каково?

Что прикажете с этим артистом?

я в студенты хотел бы его,

чтобы чин получил... но едва ли...

"Что чины? – говорит, – ерунда!

Там таких дураков насажали,

что их слушать не стоит труда,

там я даром убью только время, –

и прибавил еще сгоряча

(Каково современное племя!): –

там мне скажут: "ты сын палача!"

тут невольно я голос возвысил,

"стой, глупец! – я ему закричал, –

я на службе себя не унижил,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Добросовестно долг исполнял!"

– "Добросовестность милое слово, –
Возразил он, – но с нею подчас..."
– "Что, мой друг? говори – это ново!"
Сильный спор завязался у нас;
Всю нелепость свою понемногу
Обнаружил он ясно тогда;
Между прочим, сказал: "Слава богу,
Что чиновник у нас не всегда
Добросовестен..." – Вот как!... За что же
Возрождается в сыне моем,
Что всю жизнь истреблял я?.. о боже!.."

Старец скорбно поникнул челом.

"Хорошо ли, служба, корректуры
Вы скрывали от ваших детей? –
Я с участием сказал. – Без цензуры
Начитался он, видно, статей?"
– "И! как можно!.."
Тут нас прервали.
Старец снова газету берет...

(Между концом 1863 и сентября 1865)

57. ПРИТЧА О "КИСЕЛЕ"
Жил-был за тридевять земель,
В каком-то царстве тридесятом,
И просвещенном, и богатом,
Вельможа, именем – Кисель.
За книгой с детства, кроме скуки,
Он ничего не ощущал,
Китайской грамотой – науки,
Искусство – бреднями считал;
Зато в войне, на поле брани
Подобных не было ему:
Он нес с народов диких дани

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Царю – владыке своему.

Сломив рога крамоле внешней
Пожаром, казнями, мечом,
Он действовал еще успешней
В борьбе со внутренним врагом:
Не только чуждые народы,
Свои дрожали перед ним!
Но изменили старцу годы –
Заботы, дальние походы,
Военной славы гром и дым
Израненному мужу в тягость:
Сложил он бранные дела,
И императорская благодать
Гражданский пост ему дала.
Под солнцем севера и юга,
Устав от крови и побед,
Кисель любил в часы досуга
Театр, особенно балет.
Чего же лучше? Свеж он чувством,
Он только изнурен войной –
Итак, да правит он искусством,
Вкушая в старости покой!

С обычной стойкостью и рвением
Кисель вступил на новый пост:
Присматривал за поведением,
Гонял гонимых актеров в пост.
Высокомерным задал гонку,
Покорных, тихих отличил,
Остриг актеров под гребенку,
Актрисам стричься воспретил;
Стал роли раздавать по чину,
И, как он был благочестив,
То женщине играть мужчину
Не позволял, сообразив

Что это вовсе неприлично:

"Еще начать бы позволять,
Чтобы роль женщины публично
Мужчина начал исполнять!"

чтобы актеры были гибки,
Он их учил маршировать,
чтоб знали роли без ошибки,
Затеял экзаменовать;
Иной придет позднеько с пира,
К нему экзаменатор шась,
Разбудит: "Монолог из Лира
читай!.." Досада и напасть!

Приехал раз в театр вельможа
И видит: зала вся пуста,
Одна директорская ложа
Его особой занята.

Еще случилось то же дважды -
И понял наш Кисель тогда,
что в публике к театру жажды
Не остается и следа.

Сам царь шутя сказал однажды:
"Театр не годен никуда!
В оркестре врут и врут на сцене,
Совсем меня не веселя,
С тех пор как дал я Мельпомене
и Терпсихоре - Киселя!"

Кисель глубоко огорчился,
Удвоил труд - не ел, не спал,
Но как начальник ни трудился,
Театр ни к черту не годился!
Тогда он истину сознал:
"Справлялся я с военной бурей,

Но мне театр не по плечу,

За красоту балетных гурий

Продать я совесть не хочу!

Мне о душе подумать надо,

И так довольно я грешил!"

(Кисель побаивался ада

и в рай, конечно, норовил.)

Мысль эту изложив круглее,

Передает секретарю:

дабы переписал крупнее

Для поднесения царю.

Заплакал секретарь; печали

не мог, бедняга, превозмочь!

Бежит к кассиру: "Мы пропали!"

(Они с кассиром вместе крали),

и с ним беседует всю ночь.

Наутро в труппе гул раздался,

что депутация нужна

Просить, чтобы Кисель остался,

что уж собирается она.

"Да кто ж идет? с какой же стати?-

Кричат строптивые.- Давно

Мы жаждем этой благодати!"

- "Тссс! тссс!.. упроят всё равно!"

И всё пошло путем известным:

Начнет дурак или подлец,

А вслед за глупым и бесчестным

Пойдет и честный наконец.

Тот говорит: до пенсионна

Мне остается семь недель,

Тот говорит: во время оно

Мою сестру крестил Кисель,

Тот говорит: жена больная,

Тот говорит: семья большая -

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru

Так друг по дружке вся артель,
Благословив сначала небо,
Что он уходит наконец,
Пошла с дарами соли-хлеба
Просить: "Останься, наш отец!"...

Впереди шли вдовицы преклонные,
Прослужившие лета законные,
Седовласые, еле ползущие,
Пенсионом полвека живущие;
Дальше причет трагедии: вестники,
Щитоносцы, тираны, кудесники,
Двадцать шесть благородных отцов,
Девять первых любовников;
Восемьсот театральных чиновников
По три в ряд выступали с боков
С многочисленным штабом:
С сиротами беспечными,
С бедняками увечными,
Прищемленными трапом.
Пели гимн представители пения,
Стройно шествовал кордебалет;
В белых платьицах, с крыльями гения
Корифейки младенческих лет,
Довершая эффект депутации,
Преклонялись с простертой рукой
И, исполнены женственной грации,
В очи старца глядели с мольбой...

Кто устоит перед слезами
Детей, теряющих отца?
Кисель растрогался мольбами:
"Я ваш, о дети! до конца!
Я полагал, что я ненужен,
Я мнил, что даже вреден я,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Но вами я обезоружен!

Идем же, милые друзья,
Идем до гробового часу
Путем прогресса и добра..."
Актеры скорчили гримасу,
Но тут же крикнули: ура!
"Противустать возможно ядрам,
Но вашим просьбам – никогда!"

И снова правит он театром
И мечется туда-сюда;
То острижет до кожи труппу,
То космы разрешит носить.
А сам не ест ни щей, ни супу,
Не может вин заморских пить.
В пиесах, ради высших целей,
Вне брака допустил любовь
И капельдинерам с шинелей
Доходы предоставил вновь;
Смирившись, с автором "Гамлета"
Завесть знакомство пожелал,
Но бог британского поэта
К нему откушать не прислал.
Укоротил балету платья,
Мужчиной женщину одел,
Но поздние мероприятия
Не помогли – театр пустел!
Спились таланты при Ликурге,
Им было нечего играть:
Ни в комике, ни в драматурге
Охоты не было писать;
Танцорки как ни горячились,
Не получали похвалы,
Они не то чтобы ленились,
Но вечно были тяжелы.

В партере явно негодуют,
Свет божий Киселю не мил,
Грустит: "Чиновники воруют,
И с труппой справиться нет сил!
Вчера статуя командора
Ни с места! Только мелет вздор –
Мертвецки пьяного актера
В нее поставил режиссер!
Зато случился факт печальный
Назад тому четыре дня:
С фронтона крыши театральной
Ушло три бронзовых коня!"

Кисель до гроба сценой правил,
Сгубил театр – хоть закрывай! –
Свои седины обесславил,
Да не попасть ему и в рай.
Искусство в государстве пало,
К великой горести царя,
И только денег прибывало
У молодца-секретаря:
Изрядный капитал составил,
Дом нажил в восемь этажей
И на воротах львов поставил,
Сбежавших перелив коней...

Мораль: хоть крепостные стены
И очень трудно разрушать,
Однако храмом Мельпомены
Трудней без знания управлять.
Есть и другому поученью
Тут место: если хочешь в рай,
Путеводителем к спасенью
Секретаря не избирай.

58. БАЛЕТ

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья,
Но, каюсь, ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня;
Она, пророчествуя взгляду
Неоцененную награду,
Влечет условною красой
Желаний своевольный рой...
Пушкин

Свирепеет мороз ненавистный.
Нет, на улице трудно дышать.
Муза! нынче спектакль бенефисный,
Нам в театре пора побывать.

Мы вошли среди криков и плеска.
Сядем здесь. Я боюсь первых мест,
Что за радость ослепнуть от блеска
Генеральских, сенаторских звезд.
Лучезарней румяного феба
Эти звезды: заметно тотчас,
Что они не нахватаны с неба –
Звезды неба не ярки у нас.

Если б смелым, бестрепетным взглядом
Мы решились окинуть тот ряд,
Что зовут "бриллиантовым рядом",
Может быть, изощренный наш взгляд
И открыл бы предмет для сатиры
(В самом солнце есть пятнышки). Но –
Немы струны карающей лиры,
Вихорь жизни порвал их давно!

Знайте, люди хорошего тона,
Что я сам обожаю балет.

"Пораженным стрелой Купидона"

Не насмешка – сердечный привет!

Понапрасну не бейте тревогу!

Не коснусь ни военных чинов,

Ни на службе крылатому богу

Севших на ноги статских тузов.

Накрахмаленный денди и щеголь

(То есть купчик – кутила и мот)

И мышинный жеребчик (так Гоголь

Молодящихся старцев зовет),

Записной поставщик фельетонов,

Офицеры гвардейских полков

И безличная сволочь салонов –

Всех молчаньем прейти я готов!

До балета особенно страстны

Армянин, персиянин и грек,

Посмотрите, как лица их красны

(Не в балете ли весь человек?).

Но и их я оставлю в покое,

Никого не желая сердить.

Замышляю я нечто другое –

Я загадку хочу предложить.

В маскарадной и в оперной зале,

За игрой у зеленых столов,

В клубе, в думе, в манеже, на бале,

Словом: в обществе всяких родов,

В наслажденьи, в труде и в покое,

В блудном сыне, в почтенном отце, –

Есть одно – угадайте, какое? –

Выраженье на русском лице?..

Впрочем, может быть, вам недосужно.

Муза! дай – если можешь – ответ!

Спору нет: мы различны наружно,

Тот чиновник, а этот корнет,
Тот помешан на тонком приличьи,
Тот играет, тот любит поестъ,
Но взглядишь: при наружном различьи
В нас единство глубокое есть:
Нас безденежье всех уравнило –
И великих и малых людей –
И на каждом челе начертало
Надпись: "Где бы занять поскорей?"
Что, не так ли?..
История та же,
Та же дума на каждом лице,
Я на днях прочитал ее даже
На почтенном одном мертвце.
Если старец игрив чрезвычайно,
Если юноша вешает нос –
Оба, верьте мне, думают тайно:
Где бы денег занять? вот вопрос!
Вот вопрос! Напряженно, тревожно
Каждый жаждет его разрешить,
Но занять, говорят, невозможно,
Невозможнее долг получить.
Говорят, никаких договоров
Должники исполнять не хотят;
Генерал-губернатор Суворов
Держит сторону их, говорят...
Осуждают юристы героя,
Но ты прав, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Может быть, в долговом отделенье
Насиделось бы всё население,
Если б был губернатор другой!
Разорило чиновников чванство,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Прожилась за границую знать;

Отчего оголело дворянство,
Неприятно и речь затевать!
На цветы, на подарки актрисам,
Правда, деньги еще достаем,
Но зато пред иным бенефисом
Рубль на рубль за неделю даем.
Как же быть? Не дешевая школа
Поощрение граций и муз...
Вянет юность обоего пола,
Терпит даже семейный союз:
Тщетно юноши рыщут по балам,
Тщетно барышни рядятся в пух –
Вовсе нет стариков с капиталом,
Вовсе нет с капиталом старух!
Сокрушаются Никольс и Плинке,
Без почину товар их лежит,
Сбыта нет самой модной новинке
(Догадайтесь – откройте кредит!),
Не развозят картонок нарядных
Изомбар, Андрие и Мошра,
А звонят у подъездов парадных
С неоплаченным счетом с утра.
Что модистки! Злосчастные прачки
Ходят месяц за каждым рублем!
Опустели рысистые скачки,
Жизни нет за зеленым столом.
Кто, бывало, дуря с азарту,
Кряду игрывал по сту ночей,
Пообедав, поставит на карту
Злополучных пятнадцать рублей
И уходит походкой печальной
В думу, в земство и даже в семью
Отводить болтовней либеральной

С богом, друг мой! В любом комитете
Побеседовать можешь теперь
О кредите, о звонкой монете,
Об "итогах" дворянских потерь,
И о "брате" в нагольном тулупе,
И о том, за какие грехи
Нас журналы ругают и в клубе
Не дают нам стерляжьей ухи!
Там докажут тебе очевидно,
Что карьера твоя решена!

Да! трудненько и даже обидно
Жить, - такие пришли времена!
Купишь что-нибудь - дерзкий приказчик
Ассигнацию щупать начнет
И потом, опустив ее в ящик,
Долгим взором тебя обведет, -
Так и треснул бы!..

Впрочем, довольно!
Продолжать бы, конечно, я мог,
Факты есть, но касаться их больно!
И притом, сохрани меня бог,
Чтоб я стих мой подделкою серий
И кредитных бумаг замарал, -
"Будто нет благородней материй?" -
Мне отечески "некто" сказал.
С этим мнением вполне я согласен,
Мир идей и сюжетов велик:
Например, как волшебно прекрасен
Бельэтаж - настоящий цветник!
Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены, -

В жемчуге лебединые шеи,
Бриллиант по ореху в ушах!
В этих ложах – мужчины евреи,
Или греки, да немцы в крестах.
Нет купечества русского (стужа
Напугала их, что ли?). Одна
Откупщица, втянувшая мужа
В модный свет, в бельэтаже видна.
Весела ты, но в этом веселье
Можно тот же вопрос прочитать.
И на шее твоей ожерелье –
Погодила б ты им щеголять!
Пусть оно красоты идеальной,
Пусть ты в нем восхитительна, но –
Не затих еще шепот скандальный,
Будто было в закладе оно:
Говорят, чтобы в нем показаться
На каком-то парадном балу,
Перед гнусным менялой валяться
Ты решилась на грязном полу,
И когда возвращалась ты с бала,
Ростовщик тебя встретил – и снял
Эти перлы... Не так ли достала
Ты опять их?.. Кредит твой упал,
С горя запил супруг сокрушенный,
Бог бы с ним! Расставаться тошней
С этой чопорной жизнью салонной
И с разгулом интимных ночей;
С этим золотом, бархатом, шелком,
С этим счастьем послов принимать.
Ты готова бы с бешеным волком
Покумиться, чтоб снова блистать,
Но свершились пути провиденья,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Всё погибло – и деньги, и честь!

Нисходи же ты в область забвенья
и супругу дай дух перевести!
Слаще пить ему водку с дворецким,
"Не белы-то снега" распевать,
Чем возиться с посольством турецким
И в ответ ему глупо мычать...

Тешить жен – богачам не забота,
Им простительна всякая блажь.
Но прискорбно душе патриота,
что чиновницы рвутся туда ж.
Марья Савишна! вы бы надели
Платье проще! – Ведь как ни рядись,
Не оденетесь лучше камелий
и богаче французских актрис!
Рассчитайтесь, сударыня, с прачкой
да в хозяйство прикиньте хоть грош,
А то с дочерью, с мужем, с собачкой
за полтину обед не хорош!

Марья Савишна глаз не спускала
Между тем с старика со звездой.
Вообще в бельэтаже сияло
Много дам и девиц красотой.
Очи чудные так и сверкали,
Но кому же сверкали они?
Доблесть, молодость, сила – пленяли
Сердце женское в древние дни.
Наши девы практичней, умнее,
Идеал их – телец золотой,
Воплощенный в седом иудее,
Потрясающем грязной рукой
Груды золота...

Время антракта

Наконец-то прошло как-нибудь.

(Мы зевали два первые акта,
Как бы в третьем совсем не заснуть.)

Все бинокли приходят в движение -
Появляется кордебалет.

Здесь позволю себе отступление:

Соответственной живости нет
В том размере, которым пишу я,
Чтобы прелесть балета воспеть.
Вот куплеты: попробуй, танцуя,
Театрал, их под музыку петь!

я был престранных правил,
Поругивал балет.

Но раз бинокль подставил
Мне генерал-сосед.

я взял его с поклоном
И с час не возвращал,
"Однако, вы - астроном!" -
Сказал мне генерал.

Признаться, я немножко
Смутился (о профан!):
"Нет... я... но эта ножка...
Но эти плечи... стан..." -

Шептал я генералу,
А он, смеясь, в ответ:
"В стремленьи к идеалу
Дурного, впрочем, нет.

Не всё ж читать вам Бокля!
Не стоит этот Бокль
Хорошего бинокля...
Купите-ка бинокль!.."

Купил!- и пред балетом
я преклонился ниц.
Готов я быть поэтом
Прелестных танцовщиц!

Как не любить балета?
Здесь мирный гражданин
Позабывает лета,
Позабывает чин,

И только ловят взоры
В услужливый лорнет,
что "ножкой Терпсихоры"
Именовал поэт.

Не так следит астроном
За новою звездой,
Как мы... но для чего нам
Смеяться над собой?

В балете мы наивны,
Мы глупы в этот час:
Почти что конвульсивны
Движения у нас:

Вот выпорхнула дева,
Бинокли поднялись;
Взвилась ножка влево -
Мы влево подались;

Взвилась ножка вправо -
Мы вправо... "Берегись!
Не вывихни сустава,
приятель!"- "фора! bis!"

bis!.. Но девы, подобные ветру,
Улетели гирляндой цветной!

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
(Возвращаемся к прежнему метру!)

Пантомимною сценой большой
Утомились мы, вальс африканский
Тоже вышел топорен и вял,
Но явилась в рубахе крестьянской
Петипа – и театр застонал!
Вообще мы наклонны к искусству,
Мы его поощряем, но там,
Где есть пища народному чувству,
Торжество настоящее нам;
Неужели молчать славянину,
Неужели жалеть кулака,
Как Бернарди затащит "Лучину",
Как пойдет Петипа трепака?..
Нет! где дело идет о народе,
Там я первый увлечься готов.
Жаль одно: в нашей скудной природе
На венки не хватает цветов!

Всё – до ластовиц белых в рубахе –
Было верно: на шляпе цветы,
Удаль русская в каждом размахе..
Не артистка – волшебница ты!
Ничего не видали вовеки
Мы сходней: настоящий мужик!
Даже немцы, евреи и греки,
Русофильствуя, подняли крик.
Всё слилось в оглушительном "браво",
Дань народному чувству платя.
Только ты, моя Муза! лукаво
Улыбаешься... Полно, дитя!
Неуместна здесь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя..
Но молчишь ты, скучна и угрюма..
Что ж ты думаешь, Муза моя?..

на конек ты попала обычный –
На уме у тебя мужики,
За которых на сцене столичной
Петипа пожинает венки,
И ты думаешь: "Гурия рая!
Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты "Деву Дуная",
Но в покое оставь мужика!
В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь заиндевав, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно,
Зиму дома сидеть не любя.
Подстрекаемый лютым морозом,
Совершая дневной переход,
Пляшет он за скрипучим обозом,
Пляшет он – даже песни поет!.."

А то есть и такие обозы
(Вот бы Роллер нам их показал!)–
В январе, когда крепки морозы
И народ уже рекрутов сдал,
На Руси, на проселках пустынных
Много тянется поездов длинных...

Прямиком через реки, поля
Едут путники узкой тропой:
В белом саване смерти земля,
Небо хмурое, полное мглой.
От утра до вечерней поры
Всё одни пред глазами картины.
Видишь, как, обнажая бугры,
Ветер снегом заносит лощины;
Видишь, как эта снежная пыль,
Непрерывной волной набегая,

Под собой погребает ковыль,
Всегубящей зиме помогая;
Видишь, как под кустом иногда
Припорхнет эта малая пташка,
Что от нас не летит никуда –
Любит скудный наш север, бедняжка!
Или, щелкая, стая дроздов
Пролетит и посядет на ели;
Слышишь дикие стоны волков
И визгливое пенье метели...
Снежно – холодно – мгла и туман...
И по этой унылой равнине
Шаг за шагом идет караван
С седоками в промерзлой овчине.

Как немые, молчат мужики,
Даже песня никем не поется,
Бабы спрятали лица в платки,
Только вздох иногда пронесется
Или крик: "Ну! Чего отстаешь? –
Седоком одним меньше везешь!.."

Но напрасно мужик огрызается.
Кляча еле идет – упирается;
Скрипом, визгом окрестность полна.
Словно до сердца поезд печальный
Через белый покров погребальный
Режет землю – и стонет она,
Стонет белое снежное море...
Тяжело ты – крестьянское горе!

Ой ты кладь, незаметная кладь!
Где придется тебя выгружать?..

Как от выстрела дым расползается
На заре по росистым травам,

К тихим селам, к глухим деревням.

Вон – направо – избенки унылые,

Отделилась подвода одна,

Кто-то молвил: "Господь с вами, милые!" –

И пропала в сугробах она...

Чу! клячонку хлестнул старичина...

Эх! чего ты торопишь ее!

Как-то ты, воротившись без сына,

Постучишься в окошко свое?..

В сердце самого русского края

Доставляется кладь роковая!

Где до солнца идет за порог

С топором на работе кручина,

Где на белую скатерть дорог

Поздним вечером светит лучина,

Там найдется кому эту кладь

По суровым сердцам разобрать,

Там она приютится, попрячется –

До другого набора проплачется!

(1865 – начало 1866)

59.

Ликует враг, молчит в недоуменьи

Вчерашний друг, качая головой,

И вы, и вы отпрянули в смущеньи,

Стоявшие бессменно предо мной

Великие, страдальческие тени,

О чьей судьбе так горько я рыдал,

На чьих гробах я преклонял колени

И клятвы мести грозно повторял...

Зато кричат безличные: "ликуем!",

Спеша в объятья к новому рабу

И пригвозждая жирным поцелуем

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Несчастливого к позорному столбу.

(1866)

60-64. ПЕСНИ

1

У людей-то в доме – чистота, лепота,
А у нас-то в доме – теснота, духота.

У людей-то для щей – с солонинкою чан,
А у нас-то во щах – таракан, таракан!

У людей кумовья – ребятишек дарят,
А у нас кумовья – наш же хлеб приедят!

У людей на уме – погудорить с кумой,
А у нас на уме – не пойти бы с сумой?

Кабы так нам зажить, чтобы свет удивить:
Чтобы деньги в кошеле, чтобы рожь на гумне;

Чтоб шлея в бубенцах, расписная дуга,
Чтоб сукно на плечах, не посконь-дерюга;

Чтоб не хуже других нам почет от людей,
Поп в гостях у больших, у детей – грамотей;

Чтобы дети в доме – словно пчелы в меду,
А хозяйка в доме – как малинка в саду!

2. КАТЕРИНА

Вянет, пропадает красота моя!
От лихого мужа нет в доме житья.

Пьяный всё колотит, трезвый всё ворчит,
Сам что ни попало из дому тащит!

Не того ждала я, как я шла к венцу!
К брату я ходила, плакалась отцу,

Плакалась соседям, плакалась родной,

"Потерпи, родная, – старики твердят, –
Милого побои не долго болят!"

"Потерпи, сестрица! – отвечает брат. –
Милого побои не долго болят!"

"Потерпи! – соседи хором говорят. –
Милого побои не долго болят!"

Есть солдатик – Федя, дальняя родня,
Он один жалеет, любит он меня;

Подмигну я Феде, – с Федей мы вдвоем
Далеко хлебами за село уйдем.

Всю открою душу, выплачу печаль,
Всё отдам я Феде – всё, чего не жаль!

"Где ты пропадала?" – спросит муженек.
"Где была, там нету! так-то, мил дружок!

Посмотреть ходила, высока ли рожь!"
"Ах ты дура баба! ты еще и врешь..."

Станет горячиться, станет попрекать...
Пусть его бранится, мне не привыкать!

А и поколотит – не велик наклад –
Милого побои не долго болят!

3. МОЛОДЫЕ

Повенчавшись, Парасковье
Муж имущество казал:
Это стойлице коровье,
А коровку бог прибрал!

Нет перинки, нет кровати,
Да теплы в избе полати,

Два котеночка пищат!

Есть и овощ в огороде –

Хрен да луковица,

Есть и медная посуда –

Крест да пуговица!

4. СВАТ И ЖЕНИХ

(В кабаке за полуштофом)

Нутко! Марья у Зиновья,

У Никитишны Прасковья,

Степанида у Петра –

Все невесты, всем пора!

У Кондратьевны Орина, –

Что ни девка, то малина!

Думай, думай! выбирай!

По любую засылай!

Марья малость рябовата,

Да смиренна, вожевата,

Марья, знаешь, мне сродни,

Будет с мужем – ни-ни-ни!

– Ай да Марья! Марья – клад!

Сватай Марью, Марью, сват!

Нам с лица не воду пить,

И с корявой можно жить,

Да чтоб мужу на порог

Не вставала поперек!

Ай да Марья, Марья – клад!

Сватай Марью, Марью, сват!

Нутко! Вера у Данилы,

Палагея у Гаврилы,

Секлетя у Фрола, –

Замуж всем пора пришла!

У Никиты – Катерина,

Что ни девка, то малина!
Думай, думай – выбирай!
По любую засылай!
Марья, знаешь, щедровита,
Да работать, ух! сердита!
Марья костью широка,
Высока, статна, гладка!
– Ай да Марья! Марья – клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб мясо на костях,
Чтобы силушка в руках!
Ай да Марья! Марья – клад!
Сватай Марью, Марью, сват!..

Нутко! Анна у Егора,
У Антипки Митродора,
Александра у Петра –
Все невесты, всем пора!
У Евстратья – Акулина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай!– выбирай!
По любую засылай!
Марья точно щедровита,
Да хозяйка домовита:
Всё примает, приберет,
Всё до нитки сбережет!
– Ай да Марья! Марья – клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб по двору прошла,
Всех бы курочек сочла!

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Ай да Марья, Марья – клад!

Сватай Марью, Марью сват!

Спрашивают еще полуштоф и начинают снова.

5. ГИМН

Господь! твори добро народу!

Благослови народный труд,

Упрочь народную свободу,

Упрочь народу правый суд!

Чтобы благие начинанья

Могли свободно возрасти,

разлей в народе жажду знанья

И к знанью укажи пути!

И от ярма порабощенья

Твоих избранников спаси,

Которым знамя просвещенья,

Господь! ты вверишь на Руси...

65–72. ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ

1. РАССЫЛЬНЫЙ

Люди бегут, суетятся,

Мертвых везут на погост...

Еду кой с кем повидаться

Чрез Николаевский мост.

Пот отирая обильный

С голого лба, стороной –

Вижу – плетется рассыльный,

Старец угрюмый, седой.

С дедушкой этим, минаем,

я уж лет тридцать знаком:

оба мы хлеб добываем

литературным трудом.

(Молод я прибыл в столицу,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Вирши в редакцию свез, -

Первую эту страницу
Он мне в наборе принес!)

Оба судьбой мы похожи,
Если пошире глядеть:
Век свой мы лезли из кожи,
Чтобы в цензуру поспеть;

Цензор в спокойствие нашем
Равную роль играл, -
Раньше, бывало, мы ляжем,
Если статью подписал;

Если ж сказал: "Запрещаю!" -
Вновь я садился писать,
Вновь приходилось Минаю,
Бегать к нему, поджидать.

Эти волнения были
Сходны в итоге вполне:
Ноги ему подкосили,
Нервы расстроили мне.

Кто поплатился дороже,
Время уж скоро решит,
Впрочем, я вдвое моложе,
Он уж непрочен на вид.

Длинный и тощий, как остов,
Но стариковски пригож..
"Эй! на Васильевский остров
К цензору, что ли, идешь?"

- "Баста ходить по цензуре!
Ослобонилась печать,
Авторы наши в натуре
Стали статейки пущать.

К ним да к редактору ныне
Только и носим статьи...
Словно повысились в чине,
Ожили детки мои!

Каждый теперича кроток,
Ну да и нам-то расчет:
На восемь гривен подметок
Меньше износится в год!.."

(Ноябрь-декабрь 1865)

2. НАБОРЩИКИ

Чей это гимн суровый
Доносит к нам зефир?
То армии свинцовой
Смиранный командир –

Наборщик распевает
У пыльного станка,
Меж тем как набирает
Проворная рука:

"Рабочему порядок
В труде всего важней
И лишний рубль не сладок,
Когда не спишь ночей!

Работы до отвалу,
Хоть не ходи домой.
Тетрадь оригиналу
Еще несут... ой, ой!

Тетрадь толстенька в стане,
В неделю не набрать.
Но не гордись заране,
Премудрая тетрадь!

Не похудей в цензуре!
Ужо мы наберем,
Оттиснем в корректуре
И к цензору пошлем.

Вот он тебя читает,
Надев свои очки:
Отчески марают -
Словечко, полстроки!

Но недостало силы,
Вдруг руки разошлись,
И красные чернилы
Потоком полились!

Живого нет местечка!
И только на строке
Торчит кой-где словечко,
Как муха в молоке.

Угрюмый и сердитый
Редактор этот сброд,
Как армии разбитой
Остатки подберет;

На ниточки нанижет,
Кой-как сплотит опять
И нам приказ напишет:
"Исправив, вновь послать".

Набор мы рассыпаем
Зачеркнутых столбцов
И литеры бросаем,
Как в ямы мертвецов,

По кассам! Вновь в порядке
Лежат одна к одной.

Потерян ключ к разгадке,
Что выражал их строй!

Так остается тайной,
Каков и где тот плод,
Который вихрь случайный
С деревьев в бурю рвет.

(Что, какова заметка?
Недурен оборот?
Случается нередко
У нас лихой народ.

Наборщики бывают
Философы порой:
Но всё же набирают
Они сумбур пустой.

Встречаются статейки,
Встречаются умы –
Полезные идейки
Усваиваем мы...)

Уж в новой корректуре
Статья не велика,
Глядишь – опять в цензуре
Посгладят ей бока.

Вот наконец и сверстка!
Но что с тобой, тетрадь?
Ты менее наперстка
Являешься в печать!

А то еще бывает,
Сам автор прибежит,
Посмотрит, повздыхает
Да всю и порешит!

Нам все равны статейки,
Печатай, разбирай, –
Три четверти копейки
За строчку нам отдай!

Но не равны заботы.
Чтоб время навестать,
Мы слепнем от работы...
Хотите ли писать?

Мы вам дадим сюжеты:
Войдите-ка в полночь
В наборную газеты –
Кромешный ад точь-в-точь!

Наборщик безответный
Красив, как трубочист...
Кто выдумал газетный
Бесчеловечный лист?

Хоть целый свет обрыщешь,
И в самых рудниках
Тошней труда не сыщешь –
Мы вечно на ногах;

От частой недосыпки,
От пыли, от свинца
Мы все здоровьем хлипки,
Все зелены с лица;

В работе беспорядок
Нам сокращает век.
И лишний рубль не сладок,
Как болен человек...

Но вот свобода слова
Негаданно пришла,

Авось пойдут дела!"

<< Хор >>

Поклон тебе, свобода!

Тра-ла, ла-ла, ла-ла!

С рабочего народа

Ты тяготу сняла!

(Ноябрь-декабрь 1865)

3. ПОЭТ

Друзья, возрадуйтесь!- простор!

(Давай скорей бутылок!)

Теперь бы петь... Но стал я хвор!

А прежде был я пылок.

И был подвижен я, как челн

(Зачем на пробке плесень?..),

И как у моря звучных волн,

У лиры было песен.

Но жизнь была так коротка

Для песен этой лиры, -

От типографского станка

До цензорской квартиры!

(Ноябрь-декабрь 1865)

4. ЛИТЕРАТОРЫ

Три друга обнялись при встрече,

Входя в какой-то магазин.

"Теперь пойдут иные речи!" -

Заметил весело один.

"Теперь нас ждут простор и слава!" -

Другой восторженно сказал,

А третий посмотрел лукаво

И головою покачал!

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
(Ноябрь–декабрь 1865)

5. ФЕЛЬЕТОННАЯ БУКАШКА

я – фельетонная букашка,
Ищу посильного труда.
я, как ходячая бумажка,
Поистрепался, господа,

Но лишь давайте мне сюжеты,
Увидите – хорош мой слог.
Сначала я писал куплеты,
Состряпал несколько эклог,

Но скоро я стихи оставил,
Поняв, что лучший на земле
Тот род, который так прославил
Булгарин в "Северной пчеле".

я говорю о фельетоне..
Статейки я писать могу
В великосветском, модном тоне,
и будут хороши, не лгу.

Из жизни здешней и московской
Черты охотно я беру.
Знаком вам господин Пановский?
Мы с ним похожи по перу.

Известен я в литературе..
Угодно ль вам меня нанять?
Умел писать я при цензуре,
Так мудрено ль теперь писать?

Признаться, я попал невольно
в литературную семью.
Ох! было время – вспомнить больно!
Дрожишь, бывало, за статью.

Мою любимую идейку,
что в Петербурге климат плох,
и ту не в каждую статейку
вставлял без боязни я мог.

Однажды написал я сдуру,
что видел на мосту дыру,
переполошил всю цензуру,
таскали даже ко двору!

Ну! дали мне головомойку,
с полгода поджимал я хвост.
С тех пор не езжу через Мойку
и не гляжу на этот мост!

я надоел вам? извините!
но старых ран коснулся я..
и вдруг... кто думать мог?.. скажите!..
горька была вся жизнь моя,

но, претерпев судьбы удары,
под старость счастье я узнал:
курил на улицах сигары
и без цензуры сочинял!

6. ПУБЛИКА

1

Ай да свободная пресса!
мало вам было хлопот?
юное чадо прогресса
рвется, брыкается, бьет,
как забежавший из степи
конь, незнакомый с уздой,
или сорвавшийся с цепи
зверь нелюдимый, лесной...

Боже! пошли нам терпенье!

Или цензура воспрянь!
Всюду одно осужденье,
Всюду нахальная брань!
В цивилизованном классе
Будто растленье одно,
Бедность безмерная в массе,
(Где же берут на вино?),
В каждом нажиться старанье,
В каждом продажная честь,
Только под шубой бараньей
Сердце хорошее есть!
Ох, этот автор злодейский!
Тоже хитрит иногда,
Думает лестью лакейской
Нас усыпить, господа!
Мы не хотим поцелуев,
Но и ругни не хотим..
Что ж это смотрит Валуев,
Как этот автор терпим?
Слышали? Всё лишь подобье,
Всё у нас маска и ложь,
Глупость, разврат, узколобье..
Кто же умен и хорош?
Кто же всегда одинаков?
Истине друг и родня?
Ясно – премудрый Аксаков,
Автор премудрого "Дня"!
Пусть он таков, но за что же
Надоедает он всем?..
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?

Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

2

Нынче, журналы читая,
Просто не веришь глазам,
Слышали – новость какая?
Мы же должны мужикам!
Экой герой сочинитель!
Экой вещун-богатырь!
Верно ли только, учитель,
Вывел ты эту цифирь?
Если ее ты докажешь,
Дай уж нам кстати совет:
Чем расплатиться прикажешь?
Суммы такой у нас нет!
Нет ничего, кроме модных,
Но пустоватых голов,
Кроме желудков голодных
И неоплатных долгов.
Кроме усов, бакенбардов
Да "как-нибудь" да "авось"..
Шутка ли! шесть миллиардов!
Смилуйся! что-нибудь сбрось!
Друг! ты стоишь на рогоже,
Но говоришь ты с ковра..
Чем это кончится, боже!..
Грешен, не жду я добра..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?

Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

З

Мало, что в сфере публичной
Трогают всякий предмет,
Жизни касаются личной!
Просто спасения нет!
Если за добрым обедом
Выпил ты лишний бокал
И, поругавшись с соседом,
Громкое слово сказал,
Не говорю уж – подрался
(Редко друг друга мы бьем),
Хоть бы ты тут же обнялся
С этим случайным врагом, –
Завтра ж в газетах напишут!
Господи! что за скоты!
Как они знают всё, слышат!..
Что потом сделаешь ты?
Ежели скажешь: "Вы лжете!" –
Он очевидцев найдет,
Если дуэлью пугнете,
Он вас судом припугнет.
Просто – не стало свободы,
Чести нельзя защитить...
Эх! эти новые моды!
Впрочем, есть средство: побить.
Но ведь, пожалуй, по роже
Съездит и он между тем.
Чем это кончится, боже!..

Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

4

Всё пошатнулось... О, где ты,
Время без бурь и тревог?..
В бога не верят газеты,
И отрицают поэты
Пользу железных дорог!
Дыбом становится волос,
Чем наводнилась печать, -
Даже умеренный "Голос"
Начал не в меру кричать;
Ни одного элемента
Не пропустил, не задев,
Он положеньем Ташкента
Разволновался, как лев;
Бдит он над западным краем,
Он о России болит,
С ожесточеньем и лаем
Он обо всем говорит!
Он изнывает в тревогах;
Точно ли вышел запрет,
Чтоб на железных дорогах
Не продавали газет?
Что - на дорогах железных!
Остановить бы везде.

Меньше бы трат бесполезных!

И без того мы в нужде.

Жизнь ежедневно дороже,

Деньги трудней между тем.

Чем это кончится, боже!

Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!

Мало вам было хлопот?

Юное чадо прогресса

Рвется, брыкается, бьет,

Как забежавший из степи

Конь, незнакомый с уздой,

Или сорвавшийся с цепи

Зверь нелюдимый, лесной..

5

Право, конец бы таковской,

И не велика печаль!

Только газеты московской

Было б, признаться, нам жаль,

Впрочем... как пристально взвесить,

Так и ее – что жалеть!

Уж начала куролесить,

Может совсем ошалеть.

Прежде лишь мелкий чиновник

Был твоей жертвой, печать,

Если ж военный полковник –

Стой! ни полслова! молчать!

Но от чиновников быстро

Дело дошло до тузов,

Даже коснулся министра

Неустршимый Катков.

Тронуто там у него же

Много забористых тем...

Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

(Декабрь 1865)

7. ОСТОРОЖНОСТЬ

1

В ледовитом океане
Лодка утлая плывет,
Молодой, пригожей Тане
Парень песенку поет:
"Мы пришли на остров дикой,
Где ни церкви, ни попов,
Зимовать в нужде великой
Здесь привычен зверолов;
Так с тобой, моей голубкой,
Неужли нам розно спать?
Буду я песцовой шубкой,
Буду лаской согревать!"
Хорошо поет, собака,
Убедительно поет!
Но ведь это против брака, -
Не нажить бы нам хлопот?
Оправдаться есть возможность,
Да не спросят - вот беда!
Осторожность! осторожность!

2

У солидного папаши
Либералка вышла дочь
(Говорят, журналы наши
Всё читала день и ночь),
Жениху с хорошим чином
Отказала, осердясь,
И с каким-то армянином
Обвенчалась, не спросясь,
В свете это сплошь бывает,
Это тиснуть мы могли б,
Но ведь это посягает
На родительский принцип!
За подобную оплошность
Не постигла б нас беда?
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

3

Наш помещик Пантелеев
Век играл, мотал и пил,
А крестьянин Федосеев
Век трудился и копил –
И по улицам столицы
Пантелеев ходит гол,
А дворянские земли
Федосеев приобрел.
Много есть таких дворян,
Но ведь это означает
Оскорблять дворянский сан.,
Тисни, тисни! есть возможность, –
А потом дрожи суда...
Осторожность, осторожность,

4

Что народ не добывает,
Всё не впрок ему идет:
И подрядчик нажимает,
И торгаш с него дерет.
Уж таков теперь обычай –
Стонут, воят бедняки...
Ну – а класс-то ростовщичий?
Сгубят нас ростовщики!
Я желал бы их, проклятых,
Хорошенечко пробрать,
Но ведь это на богатых
Значит бедных натравлять?
Ну, какая же возможность
Так рискнуть? кругом беда!
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

5

Крестный ход в селе Остожье,
Вдруг: "Пожар!" – кричит народ.
"Не бросать же дело божье –
Кончим прежде крестный ход".
И покудова с иконой
Обходили всё село,
Искрой, ветром занесенной,
И другой посад зажгло.
Погорели! В этом много
Правды горькой и простой,
Но ведь это против бога,
Против веры... ой! ой! ой!
Тут полнейшая возможность
К обвиненью без суда...

Осторожность, господа

(декабрь 1865)

8. ПРОПАЛА КНИГА!

1

Пропала книга! Уж была
Совсем готова – вдруг пропала!
Бог с ней, когда идее зла
Она потворствовать желала!
Читать маранье праздных дур
И дураков мы недосужны.
Не нужно нам плохих брошюр,
Нам нужен хлеб, нам деньги нужны!

Но может быть, она была
Честна... а так резка, смела?
Две-три страницы роковые...
О, если так, ее мне жаль!
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

2

Уж напечатана – и нет!..
Не познакомимся мы с нею;
Девушка в девятнадцать лет
Не замечается над нею;
О ней не будут рассуждать
Ни дилетант, ни критик мрачный,
Студент не будит посыпать
Ее листов золой табачной.

Пропала! с ней и труд пропал,
Затрачен даром капитал,
Пропали хлопоты большие...
Мне очень жаль, мне очень жаль,

и, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

3

Прощай! горька судьба твоя,
Бедняжка! Как зима настанет,
За чайным столиком семья
Гурьбой читать тебя не станет.
Не занесешь ты новых дум
В глухие, темные селенья,
Где изнывает русский ум
Вдали от центров просвещения!

О, если ты честна была,
что за беда, что ты смела?
Так редки книги не пустые..
Мне очень жаль, мне очень жаль,
и, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!..

(Конец 1866 – начало 1867)

73-75. СЦЕНЫ ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ "МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА"

1

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Зимняя картина. Равнина, занесенная снегом, кое-где деревья, пни,)>>
кустарник; впереди сплошной лес. По направлению к лесу, без
дороги, кто на лыжах, кто на четвереньках, кто барахтаясь по пояс
в снегу, тянется вереница загонщиков, человек сто: мужики, отстав-
ные солдаты, бабы, девки, мальчики и девочки. Каждый и каждая
с дубинкою; у некоторых мужиков ружья. За народом САВЕЛИЙ,
окладчик, продавший медведя и распоряжающийся охотою. По до-
роге, протоптываемой народом, пробираются, часто спотыкаясь, гос-
пода охотники. Впереди КНЯЗЬ ВОЕХОТСКИЙ, старик лет 65-ти,
сановник, за ним БАРОН ФОН ДЕР ГРЕБЕН, нечто вроде послан-
ника, важная надменная фигура, лет 50. Он изредка переговаривается

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru

с Воехотским, но оба они более заняты трудным процессом ходьбы.
За ними МИША, плотный, полнолицый господин, лет 45, действитель-
ный статский советник, служит; здоров до избытка, шутник и хохот-
тун; рядом с ним ПАЛЬЦОВ, господин лет 50-ти, не служил и не
служит. Они горячо разговаривают.
Мина и Пальцов продолжают прежде начатый разговор.

<< ПАЛЬЦОВ >>

... Что ты ни говори, претит душе моей
Тот круг, где мы с тобою бродим:
Двух-трех порядочных людей
На сотню франтов в нем находим.

А что такое русский франт?
Всё совершенствуется в свете,
А у него единственный талант,
Единственный прогресс – в жилете.
Вино, рысак, лоретка – тут он весь
И с внутренним и с внешним миром.
Его тщеславие вращается дондесь
Между конюшней и трактиром.
Программа жалкая его –
Не делать ровно ничего,
Считая глупостью и ложью
Всё, кроме светской суеты;
Гнушаться чернью, быть на "ты"
Со всюю именитой молодежью;
За недостатком гордости в душе,
Являть ее в своей осанке;
Дрожать для дела на гроше
И тысячи бросать какой-нибудь цыганке;
Знать наизусть Елен и Клеопатр,
Наехавших из Франции в Россию,
Ходить в Михайловский театр

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
И презирать – Александрию.

Французским jeunes premiers в манерах подражать,
Искусно на коньках кататься,
На скачках призы получать
И каждый вечер напиваться
В трактирах и в других домах,
С отличной стороны известных,
Или в милютиных рядах,
За лавками, в конурах тесных,
Где царствует обычай вековой
Не мыть полов, салфеток, стклянок,
Куда влекут они с собой
И чопорных, брезгливых парижанок,
Чтобы в разгаре кутежа,
В угоду пристающим спьяна,
Есть устрицы с железного ножа
И пить вино из грязного стакана!

В одном прогресс являет он –
Наш милый франт – что всё мельчает,
Лет в двадцать волосы теряет,
Тщедушен, ростом умален
И слабосилием наказан.
Стаканом можно каждого спить
И каждого не трудно удавить
На узкой ленточке, которой он повязан!

<< МИША >>

Ты метко франтов очертил.

<< ПАЛЬЦОВ >>

Одно я только позабыл,
Коснувшись этой тли снаружи,
Что эти полумертвецы,
Развратом юности ослабленные души,

Невежды, если не глупцы, –
Со временем родному краю
Готовятся...

<< МИША >>

Я понимаю.
Но не одних же пустомель
Встречаем мы и в светском мире:
Есть люди – их понятия шире,
Доступна им живая цель.
Сбери-ка эти единицы,
Таланты, знания, умы,
С великорусской Костромы
До полурусской Ниццы,
Соедини-ка их в одно
Разумным, общерусским делом...

<< ПАЛЬЦОВ >>

Соединить их – мудрено!
Занесся ты, в порыве смелом,
Бог весть куда, любезный друг!
Вернись-ка к фактам!

<< МИША >>

Факты трудны!
Не говорю, чтоб были скудны,
Но не припомнишь вдруг!
Я сам не слишком обольщаюсь,
Не ждал я и не жду чудес,
Но твердо за одно ручаюсь,
Что с мели сдвинул нас прогресс.
Вот например: давно не очень
Жизнь на Руси груба была
И, как под музыку текла

Под град ругательств и пощечин:
Тот звук, как древней драме хор,
Необходим был жизни нашей.
Ну, а теперь – гуманный спор,
Игривый спич за полной чашей!

<< ПАЛЬЦОВ >>

Вот чудо!

<< МИША >>

Чуда, друг мой, нет,
Но всё же выигрыш в итоге.
Засевши на большой дороге
С дворовой челядью, мой дед
Был, говорят, грозою краю,
А я – его любезный внук –
Я друг народа, друг наук,
Я в комитетах заседаю!

<< ПАЛЬЦОВ >>

Ты шутишь?

<< МИША >>

Нет, я не шучу!
Я с этой резкостью сравненья
Одно тебе сказать хочу:
"Держись на русской точке зренья"–
И ты утетишься, друг мой!
Не слишком длинное пространство
Нас разделяет с стариной,
Но уж теперь не то дворянство,
В литературе дух иной,
Администраторы иные...

Да! люди тонко развитые!
О них судить не нашему уму,
Довольно с нас благоговеть, гордиться.
Ты эпитафию читал ли одному?
По-моему, десяткам пригодится!
"Систему полумер приняв за идеал,
Ни прогрессист, ни консерватор,
Добро ты портил, зла не улучшал,
Но честный был администратор..."
В администрацию попасть большая честь;
Но будь талант – пути открыты,
И надобно признаться, всё в ней есть,
Есть даже, кажется, спириты!

<< МИША >>

Давно ли чуждо было нам
Всё, кроме личного расчета?
Теперь к общественным делам
Явилась рьяная забота!

<< ПАЛЬЦОВ >>

смеется

С тех пор как родину прогресс
Поставил в новые условия,
О Русь! вселился новый бес
Почти во все твои сословья.
То бес "общественных забот!".
Кто им не одержим? Но – чудо! –
Не много выиграл народ,
И легче нет ему покуда
Ни от чиновных мудрецов,
Ни от фанатиков народных,
Ни от начитанных глупцов,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Лакеев мыслей благородных!

<< МИША >>

Ну! зол ты стал, как погляжу!
Прослыть стараясь Вельзевулом,
Ты и себя ругнул огулом.
А я, опять-таки, скажу:
Часть общества по мере сил развита,
Не сплошь мы пошлости рабы:
Есть признаки осмысленного быта,
Есть элементы для борьбы.
У нас есть крепостник-плантатор,
Но есть и честный либерал;
Есть заскорузлый консерватор,
А рядом – сам ты замечал –
Великосветский радикал!

<< ПАЛЬЦОВ >>

Двух слов без горечи не бросит,
Без грусти ни на чем не остановит глаз,
Он не идет, а, так сказать, проносит
Себя, как контрабанду, среди нас.
Шалит землевладелец крупный,
Морочит модной маской свет,
Иль точно тайной недоступной
Он полон – не велик секрет!

<< МИША >>

И то уж хорошо, что времена пришли
Брать эти – не другие роли..
Давно ли мы безгласно шли,
Куда погонят нас, давно ли?..
Теперь, куда ни посмотри,
Зачатки критики, стремленье...

<< ПАЛЬЦОВ >>

с гневом

Пожалуйста, не говори
Про русское общественное мнение!
Его нельзя не презирать
Сильней невежества, распутства, тунеядства;
На нем предательства печать
И непонятного злорадства!
У русского особый взгляд,
Преданьям рабства страшно верен:
Всегда побитый виноват,
А битым – счет потерян!
Как будто с умыслом силки
Мы расставляем мысли смелой:
Сперва – сторонников полки,
Восторг почти России целой,
Потом – усталость; наконец,
Все настороже, все в тревоге,
И покидается боец
Почти один на полдороге...
Победа! мимо всех преград
Прошла и принялась идея.
"Ура!" – кричим мы не робея,
И тот, кто рад и кто не рад...
Зато с каким зловещим тактом
Мы неудачу сторожим!
Заметив облачко над фактом,
Как стусеваться мы спешим!
Как мы вертим хвостом лукаво,
Как мы уходим величаво
В скорлупку пошлости своей!
Как негодуем, как клевещем,
Как ретроградам рукоплещем,

Как выдаем своих друзей!
Какие слышатся аккорды
В постыдной оргии тогда!
Какие выдвинутся морды
На первый план! Гроза, беда!
Облава – в полном смысле слова!..
Свалились в кучу – и готово
Холопской дури торжество,
Мычанье, хрюканье, бляенье
И жеребячье гоготанье –
А-ту его! а-ту его!..

Не так ли множество идей
Погибло несомненно важных,
Помяв порядочных людей
И выдвинув вперед продажных?
Нам всё равно! Не дорожим
Мы шагом к прочному успеху.
Прогресс?.. его мы не хотим –
Нам дай новинку, дай потеху!
И вот новинке всякий рад
День, два; все полны грез и веры.
А завтра с радостью глядят,
Как "рановременные" меры
Теряют должные размеры
И с треском катятся назад!..

Народ впереди остановился. Остановились и охотники. Савелий, объ-
яснив, что-то князю Воехотскому, причем таинственно указывал по
направлению к лесу, подходит к Пальцову и Мише.

<< САВЕЛИЙ >>

На нумера извольте становиться.
Теперь нельзя курить
И громко говорить здесь не годится.

<< МИША >>

Что ж можно? Можно водку пить!

Хохочет и, наливая из фляжки, потчует Пальцова и пьет сам.

Савелий, расставив охотников по цепи, в расстоянии шагов пятидесяти друг от друга, разделяет народ на две половины; одна молча и с предосторожностями отправляется по линии круга направо, другая налево.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Барон фон дер Гребен и князь Воехотский.

На 5-ом. Барон сидит на складном стуле; снег около него утоптан, под ногами ковер. Близ него прислонены к дереву три штуцера со взведенными курками. В нескольких шагах от него, сзади, мужик – охотник с рогатиной.

<< КН. ВОЕХОТСКИЙ >>

подходя к барону с своего, соседнего номера

Теперь, барон, вы видели природу,
Вы видели народ наш?

<< БАРОН >>

И не мог
Не заключить, что этому народу
Пути к развитию заградил сам бог.

<< КН. ВОЕХОТСКИЙ >>

Да! да! непобедимые условия!
Но, к счастью, народ не выше их:
Невежество, бесчувственность воловь
Полезны при условиях таких.

<< БАРОН >>

Когда природа отвечать не может
Потребностям, которые родит
Развитие, – оно беды умножит
И только даром страсти распалит.

<< КН. ВОЕХОТСКИЙ >>

Вы угадали мысль мою: нелепо
В таких условиях просвещать народ.
На почве, где с трудом родится репа,
С развитием банан не расцветет.
Нам не указ Европа: там избыток
Во всех дарах, по милости судеб;
А здесь один суровый черный хлеб
Да из него же гибельный напиток!
И средства нет прибавить что-нибудь.
Болото, мох, песок – куда ни взглянешь!
Не проведешь сюда железный путь,
К путям железным весь народ не стянешь!
А здесь – вот, например, зимой –
Какие тут возможны улучшения?..
Хоть лошадям убавьте-ка мученья,
Устройте экипаж другой!
Здесь мужику, что вышел за ворота,
Кровавый труд, кровавая борьба:
За крошку хлеба капля пота –
Вот в двух словах его судьба!
Его сама природа осудила
На грубый труд, неблагодарный бой
И от отчаянья разумно оградила
Невежества спасительной броней.
Его удел – безграмотство, беспутство,
Убожество и чувством, и умом,
Его узда – налоги, труд, рекрутство,

<< БАРОН >>

So, so...

СЦЕНА ПЯТАЯ

Пальцов и Миша.

на Но 1-ом. К Пальцову подходит со своего номера Миша.

<< МИША >>

Еще не скоро выйдет зверь...

Покаместь приведем-ка в ясность

То время, как "свобода", "гласность",

Которыми набили мы теперь

Оскому, как незрелыми плодами,

Не слышались и в шутку между нами.

Когда считался зверем либерал,

Когда слова "общественное благо"

И произнести нужна была отвага,

Которую никто не обладал!

Когда одни житейские условия

Сближали нас, а попросту расчет,

И лишь в одном сливались все сословья,

Что дружно налегали на народ...

<< ПАЛЬЦОВ >>

Великий век, когда блистал

Среди безгласных поколений

Администратор-генерал

И откупщик – кабачный гений!

<< МИША >>

Ты, думаю, охоту на двуногих

Застал еще в ребячестве своем.

Слышал ты вопли стариков убогих

И женщин, засекаемых кнутом?
Я думаю, ты был не полугодом
И не забыл порядки тех времен,
Когда, в ответ стенаниям народа,
Мысль русская стонала в полутон?

<< ПАЛЬЦОВ >>

Великий век – великих мер!
"Не рассуждать – повиноваться!" –
Девиз был общий; сам Гомер
Не смел Омиром называться.

<< МИША >>

Припомни, как в то время золотое
Учили нас? Раздолье–то какое!
Сын барина, чиновника, князька
Настолько норовил образоваться,
Чтоб на чужие плечи забираться
Уметь – а там дорога широка!
Три фазиса дворянское развитие
Прекрасные являло нам тогда:
В дни юности – кутеж и стеклобитье,
Наука жизни – в зрелые года
(Которую не в школах европейских –
Мы черпали в гостиных и лакейских),
И, наконец, заветная мечта –
Почетные, доходные места...

Припомнил ты то время золотое,
Которого исчадьем мы прямое,
Припомнил? – Ну, так полюбуйся им!

Как яблоню качает проходящий,
Весь занятый минутой настоящей,
Желанием одним руководим –

Набрать плодов и дале в путь пуститься,
Не думая, что много их свалится,
Которых он не сможет захватить,
Которые напрасно будут гнить,-
Так русское общественное древо,
Кто только мог, направо и налево
Раскачивал, спеша набить карман,
Не думая о том, что будет дале..
Мы все тогда жирели, наживали,
Все... кроме, разумеется, крестьян..
Да в стороне стоял один, печален,
Тогдашний чистоплотный либерал;
Он рук в грязи житейской не марал,
Он для того был слишком идеален,
Но он зато не делал ничего..

<< ПАЛЬЦОВ >>

О ком ты говоришь?

<< МИША >>

В литературе
Описан он достаточно: его
Прозвали "лишним". Честный по натуре,
Он был аристократ, гуляка и лентяй;
Избыточно снабженный всем житейским,
Следил он за движеньем европейским..

<< ПАЛЬЦОВ >>

Да это – я!

<< МИША >>

Как хочешь понимай!
Тип был один, оттенков было много.
Судили их тогда довольно строго,

Но я недавно начал понимать,
Что мы добром должны их поминать...
Диалектик обаятельный,
Честен мыслью, сердцем чист!
Помню я твой взор мечтательный,
Либерал-идеалист!
Созерцающий, читающий,
С неотступною хандрой
По Европе разъезжающий,
Здесь и там – всему чужой.
Для действительности скованный,
Верхоглядом жил ты, зря,
Ты бродил разочарованный,
Красоту боготворя;
Всё с погибшими созданными
Да с брошюрами возясь,
Наполняя ум свой знаньями,
Обходил ты жизни грязь;
Грозный деятель в теории,
Беспощадный радикал,
Ты на улице истории
С полицейским избегал;
Злых, надменных, угнетающих,
Лишь презреньем ты карал,
Не спасал ты утопающих,
Но и в воду не толкал...
Ты, в котором чуть не гения
Долго видели друзья,
Рыцарь доброго стремления
И беспутного житья!
Хоть реального усилия
Ты не сделал никогда,
Чувству горького бессилия
Подчинившись навсегда, –

Всё же чту тебя и ныне я,
я люблю припоминать
На челе твоём уныния
Беспредельного печать:
Ты стоял перед отчизною,
Честен мыслью, сердцем чист,
Воплощённой укоризною,
Либерал-идеалист!

<< ПАЛЬЦОВ >>

Куда ж девались люди эти?

<< МИША >>

Бог весть! Я не встречаю их.
Их песня спета – что нам в них?
Герои слова, а на деле – дети!
Да! одного я встретил: глуп, речист
И стар, как возвращенный декабрист.
В них вообще теперь не много толку.
Мудрейшие достали втихомолку
Такого рода прочные места,
Где служба по возможности чиста,
И, средние оклады получая,
Не принося ни пользы, ни вреда,
Живут себе под старость припевая;
За то теперь клеймит их иногда
Предателями племя молодое;
Но я ему сказал бы: не забудь –
Кто выдержал то время роковое,
Есть отчего тому и отдохнуть.
Бог на помощь! бросайся прямо в пламя
И погибай...
Но, кто твоё держал когда-то знамя,
Тех не пятнай!

Не предали они – они устали
Свой крест нести,
Покинул их дух Гнева и Печали
На полпути...

-- --

Еще добром должны мы помянуть
Тогдашнюю литературу,
У ней была задача: как-нибудь
Намеком натолкнуть на честный путь
К развитию способную натуру...
Хорошая задача! Не забыл,
Я думаю, ты истинных светил,
Отметивших то время роковое:
Белинский жил тогда, Грановский, Гоголь жил,
Еще найдется славных двое-трое –
У них тогда училось всё живое...

Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

В те дни, как всё коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел – и новые стези
Прокладывал, работая упорно.

Ты не гнушался никаким трудом:
"Чернорабочий я – не белоручка!" –
Говаривал ты нам – и напролом
Шел к истине, великий самоучка!

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил об народе,
Едва ль не первый ты заговорил

О равенстве, о братстве, о свободе...

Недаром ты, мужая по часам,
На взгляд глупцов казался переменчив,
Но пред врагом заносчив и упрям,
С друзьями был ты кроток и застенчив.

Не думал ты, что стоишь ты венца,
И разум твой горел не угасая,
Самим собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя, -

То недовольство, при котором нет
Ни самообольщенья, ни застоя,
С которым и на склоне наших лет
Постыдно мы не убежим из строя, -

То недовольство, что душе живой
Не даст восстать противу новой силы
За то, что заслоняет нас собой
И старцам говорит: "Пора в могилы!"

- - -

Грановского я тоже близко знал -
я слушал лекции его три года.
Великий ум! счастливая природа!
Но говорил он лучше, чем писал.
Оно и хорошо - писать не время было:
Почти что ничего тогда не проходило!
Бывали случаи: весь век
Считался умным человек,
А в книге глупым очутился:
Пропал и ум, и слог, и жар,
Как будто с бедным приключился
Апоплексический удар!

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Когда же в книгах будем мы блистать

Всей русской мыслью, речью, даром,
А не заиками хромыми выступать
С апоплексическим ударом?..

- - -

Перед рядами многих поколений
Прошел твой светлый образ; чистых впечатлений
И добрых знаний много сеял ты,
Друг Истины, Добра и Красоты!
Пытлив ты был: искусство и природа,
Наука, жизнь – ты всё познать желал,
И в новом творчестве ты силы почерпал,
И в гении угасшего народа..
И всем делиться с нами ты хотел!
Не диво, что тебя мы горячо любили:
Терпимость и любовь тобой руководили.
Ты настоящее оплакивать умел
И брата узнавать в рабе иноплеменном,
От нас веками отдаленном!
Готовил родине ты честных сыновей,
Провидя луч зари за непроглядной далью.
Как ты любил ее! Как ты скорбел о ней!
Как рано умер ты, терзаемый печалью!
Когда над бедной русскою землей
Заря надежды медленно всходила,
Созрел недуг, посеянный тоской,
Которая всю жизнь тебя крушила..

Да! славной смертью, смертью роковой
Грановский умер... кто не издевался
Над "беспредметною" тоской?
Но глупый смех к чему не придирался!
"Гражданской скорбью" наши мудрецы
Прозвали настроение такое...

Над чем смеяться вздумали, глупцы!
Опошлить чувство сияется какое!
Поверхностной иронии печать
Мы очень часто налагаем
На то, что должно уважать,
Зато – достойное презренья уважаем!
Нам юноша, стремящийся к добру,
Смешон восторженностью странной,
А зрелый муж, поверженный в хандру,
Смешон тоскою постоянной;
Не понимаем мы глубоких мук,
Которыми болит душа иная,
Внимая в жизни вечно ложный звук
И в праздности невольной изнывая;
Не понимаем мы – и где же нам понять?–
Что белый свет кончается не нами,
Что можно личным горем не страдать
И плакать честными слезами.
Что туча каждая, грозящая бедой,
Нависшая над жизнью народной,
След оставляет роковой
В душе живой и благородной!

– – –

Да! были личности!... Не пропадет народ,
Обретший их во времена крутые!
Мудреными путями бог ведет
Тебя, многострадальная Россия!
Попробуй усомнись в твоих богатырях
Доисторического века,
Когда и в наши дни выносят на плечах
Всё поколение два-три человека!

– – –

Как ты меня, однако ж, взволновал!

Не шуточное вышло излиянье,

я лучший перл со дна души достал,

Чистейшее мое воспоминанье!

Мне стало грустно... Надо попадать,

По мере сил, опять на тон шуточный...

.....

<<(В лесу раздаётся сигнальный выстрел и вслед за тем крики, трещотки, хлопушки.
ОХОТ- >>

<<ники поспешно расходятся на свои нумера и становятся на стороже, со
взведенными >>

<<штуцерами...)>>

2

ПЕСНЯ О ТРУДЕ

Кто хочет сделаться глупцом,

Тому мы предлагаем:

Пускай пренебрежет трудом

И жить начнет лентяем.

Хоть Геркулесом будь рожден

И умственным атлетом,

Всё ж будет слаб, как тряпка, он

И жалкий трус при этом.

Нет в жизни праздника тому,

кто не трудится в будень.

Пока есть лишний мед в дому,

Терпим пчелами трутень;

Когда ж общественной нужды

Придет крутое время,

лентяй, не годный никуда!

Ты всем двойное бремя.

Когда придут зараза, мор,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Ты первый кайся богу,

Запрешь ворота на запор,
Но смерть найдет дорогу!..

Кому бросаются в глаза
В труде одни мозоли,
Тот глуп, не смыслит ни аза!
Страдает праздность боле.

Когда придет упадок сил,
Хандра подступит злая -
Верь, ни единый пес не выл
Тоскливее лентяя!

Итак, о славе не мечтай
Не будь на деньги падох,
Трудись по силам и желай,
Чтоб труд был вечно сладок.

Чтоб испустить последний вздох
Не в праздности - в работе,
Как старый пес мой, что издох
Над гаршнепом в болоте!..

3

ПЕСНЯ

Отпусти меня, родная,
Отпусти не споря!
Я не травка полевая,
Я выросла у моря.

Не рыбацкий парус малый -
Корабли мне снятся, .
Скучно! в этой жизни вялой
Дни так долго длятся.

Здесь, как в клетке, заперта я,

Сон кругом глубокий,
Отпусти меня, родная,
На простор широкий,

Где сама ты грудью белой
Волны отсекала,
Где тебя я гордой, смелой,
Счастливой видала.

Ты не с песнею победной
К берегу пристала,
Но хоть час из жизни бедной
Торжество ты знала.

Пусть и я сломлюсь от горя,
Не жалея ты дочку!
Коли вырастет у моря –
Не спасись цветочку

Всё равно! Сегодня счастье.
Завтра буря грянет,
Разыграется ненастье,
Ветер с моря встанет,

В день один песку нагонит
На прибрежный цветик
И навеки похоронит!..
Отпусти, мой светик!..

(Конец 1866–март 1867)

76. Суд
Современная повесть

1

"Однажды, зимним вечерком"
я перепуган был звонком,
внезапным, властным.. Вот опять!
Зачем и кто – как угадать?

Когда врывается толпой
В нее тревожных мыслей рой?

Вечерний звон! вечерний звон!
Как много дум наводит он!

За много лет всю жизнь мою
Припомнил я в единый миг,
Припомнил каждую статью
И содержание двух-трех книг,
Мной сочиненных. Вспоминал
Я также то, где я бывал,
О чем и с кем вступал я в спор;
А звон неумолим и скор,
Меж тем на миг не умолкал,
Пока я брюки надевал...

О невидимая рука!
Не обрывай же мне звонка!
Тотчас я силы собираю,
Зажгу свечу – и отопру.
Гляжу – чуть теплится камин.
Невинный "Модный магазин"
(Издательницы Софьи Мей)
И письма – память лучших дней –
Жены теперешней моей,
Когда, наивна и мила,
Она невестою была,
И начатый недавно труд,
И мемуары – весом в пуд,
И приглашенья двух вельмож,
В дома которых был я вхож,
До преysкуранта крымских вин –
Всё быстро бросил я в камин!
И если б истребленья дух

Насытить время я имел,
Камин бы долго не потух.
Но колокольчик мой звенел
Что миг – настойчивей и злей.
Пылай, камин! Гори скорей,
Записок толстая тетрадь!
Пора мне гостя принимать...

Ну, догорела! Выхожу
В гостиную – и нахожу
Жену... О, верная жена!
Ни слез, ни жалоб, лишь бледна.
Блажен, кому дана судьбой
Жена с геройскою душой,
Но тот блаженней, у кого
Нет близких ровно никого..
"Не бойся ничего! поверь,
Всё пустяки!" – шепчу жене,
Но голос изменяет мне.
Иду – и отворяю дверь..
Одно из славных русских лиц
Со взором кротким без границ,
Полуопущенным к земле,
С печатью тайны на челе,
Тогда предстал передо мной
Администратор молодой.
Не только этот грустный взор,
Формально всё – до звука шпор
Так деликатно было в нем,
Что с этим тактом и умом
Он даже больше был бы мил,
Когда бы меньше был уныл.
Кивнув угрюмо головой,
Я указал ему на стул,

Не сел он; стоя предо мной,

Он лист бумаги развернул

И подал мне. Я прочитал

И ожил – духом просиял!

Вечерний звон, вечерний звон!

Как много дум наводит он!

Порой таких ужасных дум,

Что и действительность сама

Не помрачает так ума,

Напротив, возвращает ум!

"Судить назначено меня

При публике, при свете дня! –

Я крикнул весело жене. –

Прочти, мой друг! Поди ко мне!"

Жена поспешно подошла

И извещение прочла:

"Понеже в вашей книге есть

Такие дерзкие места,

Что оскорбилась чья-то честь

И помрачилась красота,

То вас за дерзость этих мест

Начальство отдало под суд,

А книгу взяло под арест".

И дальше чин и подпись тут.

Я сущность передал – но слог...

Я слога передать не мог!

Когда б я слог такой имел,

Когда б владел таким пером,

Я не дрожал бы, не бледнел

Перед нечаянным звонком...

Заметив радость, а не злость

В лице моем, почтенный гость

Любезно на меня взглянул.

Вновь указав ему на стул,
я папиросу предложил,
Он сел и скромно закурил.
Тогда беседа началась
О том, как многое у нас
Несовершенно; как далек
Тот вожденный идеал,
Какого всякий бы желал
Родному краю: нет дорог,
В торговле плутни и застой,
С финансами хоть волком вой,
Мужик не чувствует добра,
Et caetera, et caetera...
Уж час в беседе пролетел,
А не коснулись между тем
Мы очень многих важных тем,
Но тут огарок догорел,
Дымясь, - и вдруг расстались мы
Среди зловония и тьмы.

2

Ну, суд так суд! В судебный зал
Сберется грозный трибунал,
Придут враги, придут друзья,
Предстану - обвиненный - я,
И этот труд, горячий труд
Анатомировать начнут!

Когда я отроком блуждал
По тихим волжским берегам,
"Суд в подземелье" я читал,
Жуковского поэму, - там,
Что стих, то ужас: темный свод
Грозя обрушиться, гнетет;
Визжа, заржавленная дверь

Поет: "Не вырвешься теперь!"

И ряд угрюмых клобуков

При бледном свете ночников,

Кивая, вторит ей в ответ:

"Преступнику спасенья нет!"

Потом, я помню, целый год

Во сне я видел этот свод,

Монахов, стражей, палачей;

И живо так в душе моей

То впечатленье детских дней,

Что я и в зрелые года

Боюсь подземного суда.

Вот почему я ликовал,

Когда известье прочитал,

Что гласно буду я судим,

Хоть утверждают: гласность – дым.

Оно конечно: гласный суд –

Всё ж суд. Притом же, говорят,

Там тоже спуску не дают;

Посмотрим, в чем я виноват.

(Сажусь читать, надев халат.)

Каких задач, каких трудов

Для человеческих голов

Враждебный рок не задавал?

Но, литератор прежних дней!

Ты никогда своих статей

С подобным чувством не читал,

Как я в ту роковую ночь.

Скажу вам прямо – скрытность прочь, –

Я с точки зрения судьи

Всю ночь читал мои статьи.

И нечто странное со мной

Происходило... Боже мой!

То, оправданья подобрав,
я говорил себе: я прав!
То сам себя воображал
Таким злодеем, что дрожал
И в зеркало гляделся я..
Занятье скверное, друзья!

Примите добрый мой совет,
Писатели грядущих лет!
Когда постигнет вас беда,
Да будет чужд ваш бедный ум
Судебно-полицейских дум -
Оставьте дело до суда!
Нет пользы голову трудить
Над тем, что будут говорить
Те, коих дело обвинять,
Как наше - книги сочинять.
А если нервы не уснут
На милом слове "Гласный суд",
Подлей побольше рому в чай
И безмятежно засыпай!..

З

Заснул и я, но тяжек сон
Того, кто горем удручен.
Во сне я видел, что герой
Моей поэмы роковой
С полубритой головой,
В одежде арестантских рот
Вдоль по Владимирке идет.
А дева, далеко отстав,
По плечам кудри разметав,
Бежит за мылом, на бегу
Нырря по груди в снегу,
Бежит, и плачет, и поет...

Дитя фантазии моей,
Не плачь! До снеговых степей,
Я знаю, дело не дойдет.
В твоей судьбе середины нет:
Или увидишь божий свет,
Или – преступной признана –
С позором будешь сожжена!
Итак, молись, моя краса,
Чтобы по милости твоей
Не стали наши небеса
Еще туманней и темней!

Потом другой я видел сон,
И был безмерно горек он:
Вхожу я в суд – и на скамьях
Друзей, родных встречает взор,
Но не участие в их чертах –
Негодование и укор!
Они мне взглядом говорят:
"С тобой мы незнакомы, брат!"
– "Что с вами, милые мои?" –
Тогда невольно я спросил;
Но только я заговорил,
Толпа покинула скамьи,
И вдруг остался я один,
Как голый пень среди долин,
Тогда, отчаяньем объят,
Я разревелся пред судом
И повинился даже в том,
В чем вовсе не был виноват!..

Проснувшись, долго помышлял
Я о моем жестоком сне,
Мужаться слово я давал,
Но страшно становилось мне:

Ну, как и точно разревусь,
От убеждений отрекусь?
Почем я знаю: хватит сил
Или не хватит – устоять?..
И начал я припоминать,
Как развивался я, как жил:
Родился я в большом доме,
Напоминающем тюрьму,
В котором грозный властелин
Свободно действовал один,
Держа под страхом всю семью
И челядь жалкую свою;
Рассказы няни о чертях
Вносили в душу тот же страх;
Потом я в корпус поступил
И там под тем же страхом жил.
Случайно начал я писать,
Тут некий образ посещать
Меня в часы работы стал.
С пером, со стклянкою чернил
Он над душой моей стоял,
Воображенье леденил,
У мысли крылья обрывал.
Но не довольно был он строг,
И я терпел еще за то,
Что он подчас мой труд берег
Или вычеркивал не то.
И так писал я двадцать лет,
И вышел я такой поэт,
Каким я выйти мог... Да, да!
Грозит последняя беда...
Пошли вам бог побольше сил!
Меня же так он сотворил,
Что мимо будки городской

Иду с стесненной душой,
И, право, я не поручусь,
Что пред судом не разревусь...

4

Не так счастливец молодой
Идет в таинственный покой,
Где, нетерпения полна,
Младая ждет его жена,
С каким я трепетом вступал
В тот роковой, священный зал,
Где жизнь, и смерть, и честь людей
В распоряжении судей.
Герой – а я теперь герой –
Быть должен весь перед тобой,
О публика! во всей красе..
Итак, любуйся: я плешив,
Я бледен, нервен, я чуть жив,
И таковы почти мы все.
Но ты не думай, что тебя
Хочу разжалобить: любя
Свой труд, я вовсе не ропщу,
Я сожалений не ищу;
"Коварный рок", "жестокий рок"
Не больше был ко мне жесток,
Как и к любому бедняку.
То правда: рос я не в шелку,
Под бурей долго я стоял,
Меня тиранила нужда,
Гнела любовь, гнела вражда;
Мне граф <Орлов> мораль читал,
И цензор слог мой исправлял,
Но не от этих общих бед
Я слаб и хрупок как скелет.

А невозможно рассказать,
Во что обходится союз
С иною музой; благодать
Тому, чья муза не бойка:
Горит он редко и слегка.
Но горе, ежели она
Славолюбива и страстна.
С железной грудью надо быть,
Чтоб этим ласкам отвечать,
Объятыя эти выносить,
Кипеть, гореть – и погасать,
И вновь гореть – и снова стыть.
Довольно! Разве досказать,
Удобный случай благо есть,
Что я, когда начну писать,
Перестаю и спать, и есть...

Не то чтоб ощутил я страх,
Когда уселись на местах
И судьи и народ честной,
Интересующийся мной,
И приготовился читать
Тот, чье призванье – обвинять;
Но живо вспомнил я тогда
Счастливой юности года,
Когда придешь, бывало, в класс
И знаешь: сечь начнут сейчас!

Толпа затихла, начался
Доклад – и длился два часа...

я в деле собственном моем,
Конечно, не судья; но в том,
Что обвинитель мой читал,
Своей статьи я не узнал.

Так пахарь был бы удивлен,
Когда бы рожь посеял он,
А уродилось бы зерно
Ни рожь, ни греча, ни пшено –
Ячмень колючий, и притом
Наполовину с дурманом!
О прокурор! ты не статью,
Ты душу вывернул мою!
Слагая образы мои,
Я только голосу любви
И строгой истины внимал,
А ты так ясно доказал,
Что я законы нарушал!

Но где ж не грозен прокурор?..
Смягченный властью судей,
Не так был грозен приговор:
Без поэтических затей,
Не на утесе вековом,
Где море пенится кругом
И бьется жадною волной
О стены башни крепостной, –
На гаупвахте городской,
Под вечным смрадом тютюна,
Я месяц высидел сполна...
Там было сыро; по углам
Белела плесень; по стенам
Клопы гуляли; в щели рам
Дул ветер, порошил снежок.
Сиди-посиживай, дружок!
Я спать здоров, но сон был плох
По милости проклятых блох.
Другая, горшая беда:
В мой скромный угол иногда

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Являлся гость: дебош ночной

Свершив, гвардейский офицер,
Любезный, статный, молодой
И либеральный выше мер,
День-два беседовал со мной.
Уйдет один, другой придет
И те же басенки плетет...

Блоха – бессонница – тютюн –
Усатый офицер-болтун –
Тютюн – бессонница – блоха –
Всё это мелочь, чепуха!
Но веришь ли, читатель мой!
Так иногда с блохами бой
Был тошен; смрадом тютюна
Так жизнь была отравлена,
Так больно клоп меня кусал
И так жестоко донимал
Что день, то новый либерал,
Что я закаялся писать...
Бог весть, увидимся ль опять!..

Эпилог

Зимой поэт молчал упорно,
Зимой писать охоты нет,
Но вот дохнула благотворно
Весна – не выдержал поэт!
Вновь пишет он, призванью верен.
Пиши, но будь благонамерен!
И не рискуй опять попасть
На гаупвахту или в часть!

<Конец 1866–1867>

77.
Посвящается неизвестному
другу, приславшему мне сти-

Умру я скоро. Жалкое наследство,
О родина! оставлю я тебе.
Под гнетом роковым провел я детство
И молодость – в мучительной борьбе.
Недолгая нас буря укрепляет,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая – навеки поселяет
В душе привычки робкой тишины.
На мне года гнетущих впечатлений
Оставили неизгладимый след.
Как мало знал свободных вдохновений,
О родина! печальный твой поэт!
Каких преград не встретил мимоходом
С своей угрюмой музой на пути?..
За каплю крови, общую с народом,
И малый труд в заслугу мне сочти!

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука.. Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;
Те жребием постигнуты жестоким,
А те прешли уже земной предел..
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов всё больше на пути –
За каплю крови, общую с народом,
Прости меня, о родина! прости!

я призван был воспеть твои страдания,
Терпеньем изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым бог тебя ведет,
Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
я к цели шел колеблющимся шагом,
я для нее не жертвовал собой,
и песнь моя бесследно пролетела,
и до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
к тебе, моя родная сторона!
За то, что я, черствея с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови, общую с народом,
Мои вины, о родина! прости!..

<26-27 февраля 1867>

78. Еще тройка

1

Ямщик лихой, лихая тройка
И колокольчик под дугой,
И дождь, и грязь, но кони бойко
Телегу мчат. В телеге той
Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.

Все кони взмылены с натуги,
Весь ад осенней русской вьюги
Навстречу; не видать небес,
Нигде жилья не попадает,
Всё лес кругом, угрюмый лес...
Куда же тройка поспешает?

2

Какое ты свершил деянье,
кто ты, преступник молодой?
Быть может, ты имел свиданье
в глухую ночь с чужой женой?
Но подстерег супруг ревнивый
и длань занес – и оскорбил,
А ты, безумец горделивый,
Его на месте положил?

Ответа нет. Бушует вьюга.
Завидев кабачок, как друга,
Жандарм командует: "Стоять!"
Девятый шкалик выпивает...
чу! тройка тронулась опять!
Гремит, звенит – и улетаёт
Куда Макар телят гоняет.

3

иль погубил тебя презренный.
Но соблазнительный металл?
Дитя корысти современной,
Добра чужого ты взалкал,
И в доме издавна знакомом,
Когда все погрузились в сон,
Ты совершил грабеж со взломом
и пойман был и уличен?

Ответа нет. Бушует вьюга;
Обняв преступника, как друга,
Жандарм напившийся храпит;
Ямщик то свищет, то зеваёт,
Поёт... А тройка всё гремит,
Гремит, звенит – и улетаёт

4

Иль, может быть, ночным артистом
Ты не был, друг? и просто мы
Теперь столкнулись с нигилистом,
Сим кровожадным чадом тьмы?
Какое ж адское коварство
Ты помышлял осуществить?
Разрушить думал государство,
Или инспектора побить?

Ответа нет. Бушует вьюга,
Вся тройка в сторону с испуга
Шарахнулась. Озлясь, кнутом
Ямщик по всем по трем стегает;
Телега скрылась за холмом,
Мелькнула вновь – и улетает
Куда Макар телят гоняет!..

(2 марта 1867)

79.
Зачем меня на части рвете,
Клеймите именем раба?..
Я от костей твоих и плоти,
Остервенелая толпа!
Где логика? Отцы – злодеи,
Низкопоклонники, лакеи,
А в детях видя подлецов,
И негодуют и дивятся,
Как будто от таких отцов
Герои где-нибудь рождаются?
Блажен, кто в юности слепой
Погорячится и с размаху
Положит голову на плаху...
Но кто, пощаженный судьбой,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Узнает жизнь, тому дороги

И к честной смерти не найти.
Стоять он будет на пути
В недоумении, в тревоге
И думать: глупо умирать,
Чтоб им яснее доказать,
Что прочен только путь неправый;
Глупей трагедией кровавой
Без всякой пользы тешить их!
Когда являлся сумасшедший,
Навстречу смерти гордо шедший,
Что было в помыслах твоих,
О публика! одну идею
Твоя вмещала голова:
"Посмотрим, как он сломит шею!"
Но жизнь не так же дешева!

Не оправданий я ищу,
Я только суд твой отвергаю.
Я жить в позоре не хочу,
Но умереть за что – не знаю.

(24 июля 1867)

80. Выбор
Ночка сегодня морозная, ясная.
В горе стоит над рекой
Русская девица, девица красная,
Щупает прорубь ногой.
Тонкий ледок под ногою ломается,
Вот на него набежала вода;
Царь водяной из воды появляется,
Шепчет: "Бросайся, бросайся сюда!
Любо здесь!" Девица, зову покорная,
Вся наклонилась к нему.
"Сердце покинет кручинушка черная,
Только разок обойму,

Прянь!.." и руками к ней длинными тянется..

Синие льды затрещали кругом,
Дрогнула девица! Ждет – не оглянется –
Кто-то шагает, идет напрямиком.

"Прянь! Будь царицею царства подводного!.."

Тут подошел воевода Мороз:
"Я тебя, я тебя, вора негодного!
Чуть было девку мою не унес!"
Белый старик с бородою пушистою
На воду трижды дохнул,
Прорубь подернулась корочкой льдистою,
Царь водяной подо льдом потонул.

Молвил Мороз: "Не топися, красавица!
Слез не осушишь водой,
Жадная рыба, речная пиявица,
Там твой нарушит покой;
Там защекотят тебя водяные,
Раки вопьются в высокую грудь,
Ноги опутают травы речные.
Лучше со мной эту ночку побудь!
К утру я горе твое успокою,
Сладкие грезы его усыпят,
Будешь ты так же пригожа собою,
Только красивее дам я наряд:
В белом венке голова засияет
Завтра, чуть красное солнце взойдет".

Девица берег реки покидает,
К темному лесу идет.

Села на пень у дороги: ласкается
К ней воевода-старик.
Дрогнется – зубы колотят – зевается –

Вот и закрыла глаза... забывается...

Вдруг разбудил ее Лешего крик:

"Девонька! встань ты на резвые ноги,
Долго Морозко тебя протомит.
Спал я и слышал давно: у дороги
Кто-то зубами стучит,
Жалко мне стало. Иди-ка за мною,
Что за охота всю ноченьку ждать!
Да и умрешь – тут не будет покою:
Станут оттаивать, станут качать!
Я заведу тебя в чащу лесную,
Где никому до тебя не дойти,
Выберем, девонька, сосну люблю..."

Девушка с Лешим решила идти.

Идут. Навстречу медведь попадается,
Девушка вскрикнула – страх обуял.
Хохотом Лешего лес наполняется:
"Смерть не страшна, а медведь испугал!
Экой лесок, что ни дерево – чудо!
Девонька! глянь-ка, какие стволы!
Глянь на вершины – с синицу оттуда
Кажутся спящие летом орлы!
Темень тут вечная, тайна великая,
Солнце сюда не доносит лучей,
Буря взыграет – ревущая, дикая –
Лес не подумает кланяться ей!
Только вершины поропщут тревожно..
Ну, полезай! подсажу осторожно..
Люб тебе, девушка, лес вековой!
С каждого дерева броситься можно
Вниз головой!"

(1867)

81. Эй, Иван!

Тип недавнего прошлого

Вот он весь, как намелеван,

Верный твой Иван:

Неумыт, угрюм, оплеван,

Вечно полупьян;

На желудке мало пищи,

Чуть живой на взгляд.

Не прикрыты, голенищи

Рыжие торчат;

Вечно теплая шапчонка

Вся в пуху на нем,

Туго стянут сертучонко

Узким ремешком;

Из кармана кончик трубки

Виден да кисет.

Разве новенькие зубки

Выйдут – старых нет...

Род его тысячелетний

Не имел угла –

На запятках и в передней

Жизнь веками шла.

Ремесла Иван не знает,

Делай, что дают:

Шьет, кует, варит, строгают,

Не потрафил – бьют!

"Заживет!" Грубит, ворует,

Божится и врет

И за рюмочку целует

Ручки у господ.

Выпить может сто стаканов –

Только подноси...

Мало ли таких Иванов

На святой Руси?..

"Эй, Иван! иди-ка стряпать!

Эй, Иван! чеши собак!"

Удалось Ивану сцапать

Где-то четвертак,

Поминай теперь как звали!

Шапку набекрень -

И пропал! Напрасно ждали

Ваньку целый день:

Гитарист и соблазнитель

Деревенских дур

(Он же тайный похититель

Индюков и кур),

У корчемника Игнатки

Приютился плут,

Две пригожие солдатки

Так к нему и льнут.

"Эй вы, павы, павы, павы!

Шевелись живей!"

В Ваньке пляшут все суставы

С ног и до ушей,

Пляшут ноздри, пляшет в ухе

Белая серьга.

Ванька весел, Ванька в духе -

Жизнь недорого!

Утром с барином расправа:

"Где ты пропадал?"

- "Я... нигде-с... ей-богу... право...

У ворот стоял!"

- "Весь-то день?"... Ответы грубы,

Ложь глупа, нагла;

Были зубы - били в зубы,

Нет - трещит скула.

"Виноват!" - порядком струся,

Говорит Иван.

"Жарь к обеду с кашей гуся,
Щи вари, болван!"

Ванька снова ляжку тянет,
А потом опять
Что-нибудь у дворни стянет...

"Неужли плошать?

Коли плохо положили,
Стало, не запрет!"

Господа давно решили,
Что души в нем нет.

Неизвестно – есть ли, нет ли,
Но с ним случай был:

Чуть живого сняли с петли,
Перед тем грустил.

Господам конфузно было:

"Что с тобой, Иван?"

– "Так, под сердце подступило", –
И глядит: не пьян!

Говорит: "Вы потеряли

Верного слугу,

Всё равно – помру с печали,
Жить я не могу!

А всего бы лучше с глотки
Петли не снимать!"...

Сам помещик выслал водки

Скуку разогнать.

Пил детина ерофеич,

Плакал да кричал:

"Хоть бы раз Иван Мосеич

Кто меня назвал!"...

Как мертвецки накатили,

В город тем же днем:

"Лишь бы лоб ему забрили -
вешайся потом!"

Понадеялись на дружбу,
Да не та пора:
Сдать беззубого на службу
Не пришлось. "Ура!"
Ванька снова водворился
У своих господ
И совсем от рук отбился,
Без просыпу пьет.
Хоть бы в каторгу уroda -
лишь бы с рук долой!
К счастью, тут пришла свобода:
"С богом, милый мой!"

И, затерянный в народе,
Вдруг исчез Иван...
Как живешь ты на свободе?
Где ты?.. Эй, Иван!

(1867)

82. С РАБОТЫ
"Здравствуй, хозяйшка! Здравствуйте, детки!

Выпить бы. Эки стоят холода!"
- "Ин ты забыл, что намедни последки
Выпил с приказчиком?" - "Ну, не беда!

И без вина отогреюсь я, грешный,
Ты обряди-ка савраску, жена,
Поголодал он весною, сердечный,
Как подобралась сена.

Эк я умаялся!.. Что, обрядила?
дай-ка горяченьких щец".
- "Печи я нынче, родной, не топила,
Не было, знаешь, дровец!"

– "Ну и без щей поснедаю я, грешный.

Ты овсеца бы савраске дала, –

В лето один он управил, сердечный,

Пашни четыре тягла.

Трудно и нынче нам с бревнами было,

Портится путь... Ин и хлебушка нет?..."

– "Вышел родной... У соседей просила,

Завтра сулили чем свет!"

– "Ну, и без хлеба улягусь я, грешный.

Кинь под савраску соломки, жена!

В зиму–то вывез он, вывез, сердечный,

Триста четыре бревна..."

(1867)

83.

Не рыдай так безумно над ним,

Хорошо умереть молодым!

Беспощадная пошлость ни тени

Положить не успела на нем,

Становись перед ним на колени,

Украшай его кудри венком!

Перед ним преклониться не стыдно,

Вспомни, сколькие пали в борьбе,

Сколько раз уже было тебе

За великое имя обидно!

А теперь его слава прочна:

Под холодною крышкою гроба

На нее не наложат пятна

Ни ошибка, ни сила, ни злоба...

Не хочу я сказать, что твой брат

Не был гордою волей богат,

Но, ты знаешь: кто ближнего любит

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Больше собственной славы своей,

Тот и славу сознательно губит,
Если жертва спасает людей.

Но у жизни есть мрачные силы –
У кого не слабели шаги
Перед дверью тюрьмы и могилы?
Долговечность и слава – враги.

Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут,
О которых народ замечает:
"У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает..."

(7 августа 1868)

84. МАТЬ
Она была исполнена печали,
И между тем, как шумны и резвы
Три отрока вокруг нее играли,
Ее уста задумчиво шептали:
"Несчастные! зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою
И вам судьбы своей не избежать!"
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее – тернового венка...

(1868)

85. ДОМА – ЛУЧШЕ!
В Европе удобно, но родины ласки
Ни с чем несравнимы. Вернувшись домой,
В телегу спешу пересесть из коляски
И марш на охоту! Денек не дурной,

Отвыкшему глазу нова...

О матушка Русь! ты приветствуешь сына

Так нежно, что кругом идет голова!

Твои мужики на меня выгоняли

Зверей из лесов целый день,

А ночью возвратный мой путь освещали

Пожары твоих деревень.

(1868)

86.

Душно! без счастья и воли

Ночь бесконечно длинна.

Буря бы грянула, что ли?

Чаша с краями полна!

Грязь над пучиною моря,

В поле, в лесу засвищи,

Чашу народного горя

Всю расплещи!..

(1868)

87.

Наконец не горит уже лес,

Снег прикрыл почернелые пенья,

Но помещик душой не воскрес,

Потеряв половину имения.

Приуныл и мужик. "чем я буду топить?" -

Говорит он, лицо свое хмуря.

"Ты не будешь топить - будешь пить", -

Завывает в ответ ему буря...

(1868)

88. ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Шляпа, перчатки, портфель,

Форменный фрак со звездою,

Несколько впалая грудь,

Правый висок с сединою.

Не до одышки я толст,
Не до мизерности тонок,
Слог у меня деловой,
Голос приятен и звонок...

Только прибавить бы лба,
Но – никакими судьбами!
Волосы глупо торчат
Тотчас почти над бровями.

При несомненном уме,
Соображении быстром,
Мне далеко не пойти –
Быть не могу я министром.

Да, представительный лоб
Необходим в этом сане,
Вот Дикобразов Прокоп...
Счастье, подумаешь, дряни!

Случай вывозит слепой
Эту фигуру медвежью:
Лоб у него небольшой,
Но дополняется плешью...

.....

(Конец 1860-х годов)

89. Дедушка
(Посвящается З-н-ч-е)

1

Раз у отца, в кабинете,
Саша портрет увидал,
Изображен на портрете
Был молодой генерал.

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
"Кто это? – спрашивал Саша. –

Кто?.." – "Это дедушка твой". –
И отвернулся папаша,
Низко поник головой.
"Что же не вижу его я?"
Папа ни слова в ответ.
Внук, перед дедушкой стоя,
Зорко глядит на портрет:
"Папа, чего ты вздыхаешь?
Умер он... жив? говори!"
– "Вырастешь, Саша, узнаешь".
– "То-то... ты скажешь, смотри!.."

2

"Дедушку знаешь, мамаша?" –
Матери сын говорит.
"Знаю", – и за руку Саша
Маму к портрету тащит,
Мама идет против воли.
"Ты мне скажи про него,
Мама! недобрый он, что ли,
что я не вижу его?
Ну, дорогая! ну, сделай
Милость, скажи что-нибудь!"
– "Нет, он и добрый и смелый,
Только несчастный". – На грудь
Голову скрыла мамаша,
Тяжко вздыхает, дрожит –
И зарыдала... А Саша
Зорко на деда глядит:
"Что же ты, мама, рыдаешь,
Слова не хочешь сказать!"
– "Вырастешь, Саша, узнаешь.
Лучше пойдем-ка гулять..."

В доме тревога большая.
Счастливы, светлы лицом,
Заново дом убирая,
Шепчутся мама с отцом.
Как весела их беседа!
Сын подмечает, молчит.
"Скоро увидишь ты деда!" -
Саше отец говорит...
Дедушкой только и бредит
Саша, - не может уснуть:
"Что же он долго не едет?.."
- "Друг мой! Далеко ему путь!"
Саша тоскливо вздыхает,
Думает: "Что за ответ!"
Вот наконец приезжает
Этот таинственный дед.

4

Все, уж давно поджидая,
Встретили старого вдруг...
Благословил он, рыдая,
Дом, и семейство, и слуг,
Пыль отряхнул у порога,
С шеи торжественно снял
Образ распятого бога
И, покрестившись, сказал:
"Днесь я со всем примирился,
Что потерпел на веку!.."
Сын пред отцом преклонился,
Ноги омыл старику;
Белые кудри чесала
Дедушке Сашина мать,
Гладила их, целовала,
Сашу звала целовать.

Правой рукою мамашу
Дед обхватил, а другой
Гладил румяного Сашу:
"Экой красавчик какой!"
Дедушку пристальным взглядом
Саша рассматривал, – вдруг
Слезы у мальчика градом
Хлынули, к дедушке внук
Кинулся: "Дедушка! где ты
Жил-пропадал столько лет?
Где же твои эполеты,
Что не в мундир ты одет?
Что на ноге ты скрываешь?
Ранена, что ли, рука?.." –
"Вырастешь, Саша, узнаешь.
Ну, поцелуй старика!.."

5

Повеселел, оживился,
Радостью дышит весь дом.
С дедушкой Саша сдружился,
Вечно гуляют вдвоем.
Ходят лугами, лесами,
Рвут васильки среди нив;
Дедушка древен годами,
Но еще бодр и красив,
Зубы у дедушки целы,
Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и белы,
Как серебро борода;
Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски просто,
Ровно всегда говорит...

6

Выйдут на берег покатый
К русской великой реке –
Свищет кулик вороватый,
Тысячи лап на песке;
Барку ведут бечевою,
Чу, бурлаков голоса!
Ровная гладь за рекою –
Нивы, покосы, леса.
Легкой прохладой дует
С медленных, дремлющих вод..
Дедушка землю целует,
Плачет – и тихо поет..
"Дедушка! что ты роняешь
Крупные слезы, как град?.." –
"Вырастешь, Саша, узнаешь!
Ты не печалься – я рад.."

7

Рад я, что вижу картину
Милую с детства глазам.
Глянь-ка на эту равнину –
И полюби ее сам!
Две-три усадьбы дворянских,
Двадцать господних церквей,
Сто деревенок крестьянских
Как на ладони на ней!
У лесу стадо пасется –
Жаль, что скотинка мелка;
Песенка где-то поется –
Жаль – неисходно горька!
Ропот: "Подайте же руку
Бедным крестьянам скорей!"
Тысячелетнюю муку,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Саша, ты слышишь ли в ней?..

Надо, чтоб были здоровы
Овцы и лошади их,
Надо, чтоб были коровы
Толще московских купчих, -
Будет и в песне отрада,
Вместо унынья и мук.
Надо ли?"- "Дедушка, надо!"
- "То-то! попомни же, внук!.."

8

Озими пышному всходу,
Каждому цветику рад,
Дедушка хвалит природу,
Гладит крестьянских ребят.
Первое дело у деда
Потолковать с мужиком,
Тянется долго беседа,
Дедушка скажет потом:
"Скоро вам будет не трудно,
Будете вольный народ!"
И улыбнется так чудно,
Радостью весь расцветет.
Радость его разделяя,
Прыгало сердце у всех.
То-то улыбка святая!
То-то пленительный смех!

9

"Скоро дадут им свободу, -
Внуку старик замечал: -
Только и нужно народу.
Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь, за раскол,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Волю да землю им дали;

Год незаметно прошел –
Едут туда комиссары,
Глядь – уж деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,
Мельницу выстроят скоро.
Уж запаслись мужики
Зверем из темного бора,
Рыбой из вольной реки.
Вновь через год побывали,
Новое чудо нашли:
жители хлеб собирали
С прежде бесплодной земли.
Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы;
Гуси кричат, поросята
Тычут в корыто носы...

10

Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад –
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!
Всё принялось, раздобрело!
Сколько там, Саша, свиней,
Перед селением бело
На полверсты от гусей;
Как там возделаны нивы,
Как там обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда,
Видно – ведется копейка!
Бабу там холит мужик:
В праздник на ней душегрейка –

11

Дети до возраста в неге,
Конь – хоть сейчас на завод –
В кованой, прочной телеге
Сотню пудов увезет...
Сыты там кони-то, сыты,
Каждый там сыто живет,
Тесом там избы-то крыты,
Ну уж зато и народ!
Взросшие в нравах суровых,
Сами творят они суд,
Рекрутов ставят здоровых,
Трезво и честно живут,
Подати платят до срока,
Только ты им не мешай".
– "Где ж та деревня?" – "Далеко,
Имя ей: Тарбагатай,
Страшная глушь, за Байкалом...
Так-то, голубчик ты мой,
Ты еще в возрасте малом,
Вспомнишь, как будешь большой..

12

Ну... а покуда подумай,
То ли ты видишь кругом:
Вот он, наш пахарь угрюмый,
С темным, убитым лицом:
Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя; едва
Тянет косулю клячонка,
С голоду еле жива!
Голоден труженик вечный,
Голоден тоже, божусь!

Эй! отдохни-ка, сердечный!
я за тебя потружусь!"
Глянул крестьянин с испугом,
Барину плуг уступил,
Дедушка долго за плугом,
Пот отирая, ходил;
Саша за ним торопился,
Не успевал догонять:
"Дедушка! где научился
Ты так отлично пахать?
Точно мужик, управляешь
Плугом, а был генерал!"
– "Вырастешь, Саша, узнаешь,
Как я работником стал!

13

Зрелище бедствий народных
Невыносимо, мой друг,
Счастье умов благородных
Видеть довольство вокруг.
Нынче полегче народу:
Стих, притаился в тени
Барин, прослышав свободу..
Ну, а как в наши-то дни!

.....

Словно как омут, усадьбу
Каждый мужик объезжал.
Помню ужасную свадьбу,
Поп уже кольца менял,
Да на беду помолиться
В церковь помещик зашел:
"Кто им позволил жениться?
Стой!" – и к попу подошел..
Остановилось венчанье!

Отдал наглец приказанье
В рекруты сдать жениха,
В девичью – бедную Грушу!
И не перечил никто!..
Кто же имеющий душу
Мог это вынести?.. кто?

14

Впрочем, не то еще было!
И не одни господа,
Сок из народа давила
Подлых подьячих орда.
Что ни чиновник – стяжатель,
С целью добычи в поход
Вышел... а кто неприятель?
Войско, казна и народ!
Всем доставалось исправно.
Стачка, порука кругом:
Смелые грабили явно,
Труссы тащили тайком.
Непроницаемой ночи
Мрак над страню висел...
Видал – имеющий очи
И за отчизну болел.
Стоны рабов заглушая
Лестью да свистом бичей,
Хищников алчная стая
Гибель готовила ей...

15

Солнце не вечно сияет,
Счастье не вечно везет:
Каждой стране наступает
Рано иль поздно черед,

Дружная сила нужна;
Грянет беда роковая –
Скажется мигом страна.
Единодушие и разум
Всюду дадут торжество,
Да не придут они разом,
Вдруг не создашь ничего, –
Красноречивым воззванием
Не разогреешь рабов,
Не озаришь пониманьем
Темных и грубых умов.
Поздно! Народ угнетенный
Глух перед общей бедой.
Горе стране разоренной!
Горе стране отсталой!..
Войско одно – не защита.
Да ведь и войско, дитя,
Было в то время забито,
Лямку тянуло кряхтя..."

16

Дедушка кстати солдата
Встретил, вином угостил,
Поцеловавши как брата,
Ласково с ним говорил:
"Нынче вам служба не бремя –
Кротко начальство теперь..
Ну, а как в наше-то время!
Что ни начальник, то зверь!
Душу вколачивать в пятки
Правилом было тогда.
Как ни трудись, недостатки
Сыщет начальник всегда:
"Есть в маршировке старанье,

Стойка исправна совсем,
Только заметно дыханье..."
Слышишь ли?.. дышат зачем!

17

А не доволен парадом,
Ругань польется рекой,
Зубы посыплются градом,
Порет, гоняет сквозь строй!
С пеною у рта обрыщет
Весь перепуганный полк,
Жертв покрупнее поищет
Остервенившийся волк:
"Франтики! подлые души!
Под караулом сгною!"
Слушал – имеющий уши,
Думушку думал свою.
Брань пострашней караула,
Пуль и картечи страшней..
Кто же, в ком честь не уснула,
Кто примирился бы с ней?.." –
"Дедушка! ты вспоминаешь
Страшное что-то?.. скажи!"
– "Вырастешь, Саша, узнаешь,
Честью всегда дорожи..
Взрослые люди – не дети,
Трус – кто сторицей не мстит!
Помни, что нету на свете
Неотразимых обид".

18

Дед замолчал и уныло
Голову свесил на грудь.
"Мало ли, друг мой, что было!..
Лучше пойдем отдохнуть".

Отдых недолог у деда –
Жить он не мог без труда:
Гряды копал до обеда,
Переплетал иногда;
Вечером шилом, иголкой
Что-нибудь бойко тачал,
Песней печальной и долгой
Дедушка труд сокращал.
Внук не проронит ни звука,
Не отойдет от стола:
Новой загадкой для внука
Дедова песня была...

19

Пел он о славном походе
И о великой борьбе;
Пел о свободном народе
И о народе-рабе;
Пел о пустынях безлюдных
И о железных цепях;
Пел о красавицах чудных
С ангельской лаской в очах;
Пел он об их увяданьи
В дикой, далекой глуши
И о чудесном влияньи
Любящей женской души...
О Трубецкой и Волконской
Дедушка пел – и вздыхал,
Пел – и тоской вавилонской
Келью свою оглашал...
"Дедушка, дальше!.. А где ты
Песенку вызнал свою?
Ты повтори мне куплеты –
Я их мамаше спою.

Ты иногда по ночам..."

- "Вырастешь, Саша, узнаешь -

Всё расскажу тебе сам:

Где научился я пенью,

С кем и когда я певал..."

- "Ну! приучусь я к терпению!" -

Саша уныло сказал...

20

Часто каталися летом

Наши друзья в челноке,

С громким, веселым приветом

Дед приближался к реке:

"Здравствуй, красавица Волга!

С детства тебя я любил".

- "Где ж пропадал ты так долго?" -

Саша несмело спросил.

"Был я далеко, далеко..."

- "Где же?.." Задумался дед.

Мальчик вздыхает глубоко,

Вечный предвидя ответ.

"Что ж, хорошо ли там было?"

Дед на ребенка глядит:

"лучше не спрашивай, милый!

(Голос у деда дрожит.)

Глухо, пустынно, безлюдно,

Степь полумертвая сплошь.

Трудно, голубчик мой, трудно!

По году весточки ждешь,

Видишь, как тратятся силы -

Лучшие божьи дары,

Близким копаешь могилы,

Ждешь и своей до поры...

Медленно-медленно таешь..."

– "Что ж ты там, дедушка, жил?.."

– "Вырастешь, Саша, узнаешь!"

Саша слезу уронил...

21

"Господи! слушать наскучит!

"Вырастешь!" – мать говорит,

Папочка любит, а мучит:

"Вырастешь", – тоже твердит!

То же и дедушка... Полно!

Я уже вырос – смотри!..

(Стал на скамеечку челна.)

Лучше теперь говори!.."

Деда целует и гладит:

"Или вы все заодно?.."

Дедушка с сердцем не сладит,

Бьется как голубь оно.

"Дедушка, слышишь? хочу я

всё непременно узнать!"

Дедушка, внука целуя,

шепчет: "Тебе не понять.

Надо учиться, мой милый!

Всё расскажу, погоди!

Пособерись – ка ты с силой,

Зорче кругом погляди.

Умник ты, Саша, а всё же

Надо историю знать

и географию тоже".

– "долго ли, дедушка, ждать?"

– "Годик, другой, как случится".

Саша к мамаше бежит:

"Мама! хочу я учиться!" –

издали громко кричит.

22

Время проходит. Исправно
Учится мальчик всему –
Знает историю славно
(Лет уже десять ему),
Бойко на карте покажет
и Петербург, и Читту,
Лучше большого расскажет
Многое в русском быту.
Глупых и злых ненавидит,
Бедным желает добра,
Помнит, что слышит, что видит...
Дед примечает: пора!
Сам же он часто хворает,
Стал ему нужен костыль...
Скоро уж, скоро узнает
Саша печальную быль...

(30 июля-август 1870)

90. Недавнее время
А. Н. Еракову

1

Нынче скромн наш клуб именитый,
Редки в нем и не громки пиры.
Где ты, время ухи знаменитой?
Где ты, время безумной игры?
Воротили бы, если б могли мы,
Но, увы! не воротись ты!
Прежде были легко уловимы
Характерные клуба черты:
В молодом поколении – фатство,
В стариках, если смею сказать,
Застарелой тоски тунеядства,
Самодурства и лени печать.
А теперь элемент старобарский

Уж лакеи не спят по стенам;
Изменились и люди, и нравы,
Только старые наши уставы
Неизменны, назло временам.
Да Крылов роковым переменам
Не подвергся (во время оно
Старый дедушка был у нас членом,
Бюст его завели мы давно)...

Прежде всякая новость отсюда
Разносилась в другие кружки,
Мы не знали, что думать, покуда
Не заявят тузы-старики,
Как смотреть на такое-то дело,
На такую-то меру; ключом
Самобытная жизнь здесь кипела,
Клуб снабжал всю Россию умом...

Не у нас ли впервые раздался
Слух (то было в тридцатых годах),
Что в Совете вопрос обсуждался:
Есть ли польза в железных путях?
"Что ж, признали?"- до новостей лаком,
Я спросил у туза-старика.
"Остается покрытая лаком
Резолюция в тайне пока..."

Крепко в душу запавшее слово
Также здесь услышал я впервой:
"Привезли из Москвы Полевого..."
Возвращаясь в тот вечер домой,
Думал я невеселые думы
И за труд неохотно я сел.
Тучи на небе были угрюмы,
Ветер что-то насмешливо пел.

Напевал он тогда, без сомненья:

"Не такие еще поощренья
Встретишь ты на пути роковом".
Но не понял я песенки спросту,
У Цепного бессмертного мосту
Мне ее объяснили потом...

Получив роковую повестку,
Сбрил усы и пошел я туда.
Сняв с седой головы своей феску
И почтительно стоя, тогда
Князь Орлов прочитал мне бумагу..
Я в ответ заикнулся сказать:
"Если б даже имел я отвагу
Столько дерзких вещей написать,
То цензура..." – "К чему оправданья?
Император помиловал вас,
Но смотрите!!.. Какого вы званья?"
– "Дворянин". – "Пробегал я сейчас
Вашу книгу: свободы крестьянства
Вы хотите? На что же тогда
Пригодится вам ваше дворянство?..
Завираетесь вы, господа!
За опасное дело беретесь,
Бросьте! бросьте!.. Ну, бог вас прости!
Только знайте: еще попадетесь,
Я не в силах вас буду спасти..."

Помню я Петрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.
Молодежь оно сильно пугнуло,
Поседели иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло

На людей, переживших террор.
Вряд ли были тогда демагоги,
Но сказать я обязан, что всё ж
Приговоры казались нам строги,
Мы жалели тогда молодежь.

А война? До царя не скорее
Доходили известья о ней:
Где урон отзывался сильнее?
Кто победу справлял веселей?
Прискакавшего прямо из боя
Здесь не раз мы видали героя
В дни, как буря кипела в Крыму.
Помню, как мы внимали ему:
Мы к рассказчику густо теснились,
И героев войны имена
В нашу память глубоко ложились,
Впрочем, нам изменила она!
Замечательно странное свойство
В нас суровый наш климат развил –
Забываем явивших геройство,
Помним тех, кто себя посрамил:
Кто нагрел свои гнусные руки,
У солдат убавляя паек,
Кто, внимая предсмертные муки,
Прятал русскую корпию впрок
И потом продавал англичанам, –
Всех и мелких, и крупных воров,
Отдыхающих с полным карманом,
Не забудем во веки веков!

Все, кем славилась наша столица,
Здесь бывали; куда ни взгляни –
Именитые, важные лица.

Здесь, я помню, в парадные дни

Странен был среди знати высокой
Человек без звезды на груди.
Гость-помещик из глуши далекой
Только рот разевай да гляди:
Здесь посланники всех государей,
Здесь банкиры с тугим кошельком,
Цвет и соль министерств, канцелярий,
Откупные тузы, - и притом
Симметрия рассчитана строго:
Много здесь и померкнувших звезд,
Говоря прозаичнее: много
Генералов, лишившихся мест...

Зажигались сотнями свечи,
Накрывались пышно столы,
Говорились парадные речи...
Говорили министры, послы,
Наши фоксы и Роберты Пили
Здесь за благо отечества пили,
Здесь бывали интимны они...

Есть и нынче парадные дни,
Но пропала их важность и сила.
Время нашего клуба прошло,
Жизнь течение свое изменила,
Как река изменяет русло...

2

Очень жаль, что тогдашних обедов
Не могу я достойно воспеть,
Тут бы нужен второй Грибоедов...
Впрочем, Муза! не будем робеть!
Начинаю.

(Москва. День субботний.)

(Петербург не лишен едоков,

Но в Москве грандиозней, животней
Этот тип.) Среди полных столов
Вот рядом старики-объедалы:
Впятером им четыреста лет,
Вид их важен, чины их немалы,
Толщиною же равных им нет.
Раздражаясь из каждой безделки,
Порицают неловкость слуги,
И от жадности, вместо тарелки,
На салфетку валят пироги;
Шевелясь как осенние мухи,
Льют, роняют, - беспамятны, глухи;
Взор их медлен, бесцветен и туп.
Скушав суп, старина засыпает
И, проснувшись, слугу вопрошает:
"Человек! подавал ты мне суп?.."
Впрочем, честь их чужда укоризны:
Добывали места для родни
И в сенате на пользу отчизны
Подавали свой голос они.
Жаль, уж их потеряла Россия
И оплакал москвич от души:
Подкосила их "ликантропия",
Их заели подкожные вши...

Петербург. Вот питух престарелый,
Я так живо припомнил его!
Окружен батареею целой
Разных вин, он не пьет ничего.
Пить любил он; я думаю, море
Выпил в долгую жизнь; но давно
Пить ему запретили (о горе!..).
Старый грешник играет в вино:
Наслажденье его роковое

И раз двадцать вино дорогое
Из стакана в стакан перелить.
Перельет – и воды подмешает,
Поглядит и опять перельет;
Кто послушает, как он вздыхает,
Тот мучения старца поймет.
"Выпить, что ли?" – "Опаснее яда
Вам вино! "- закричал ему врач..
Ну, не буду! не буду, палач!"
Это сцена из Дантова "Ада"...

Рядом юноша стройный, красивый,
Схожий в профиль с великим Петром,
Наблюдает с усмешкой ленивой
За соседом своим чудаком.
Этот юноша сам возбуждает
Много мыслей: он так еще млад,
Что в приемах большим подражает:
Приправляет кайеном салат,
Портер пьет, объедается мясом;
Наливая с эффектом вино,
Замечает искусственным басом:
"Отчего перегрето оно?"

Очень мил этот юноша свежий!
Меток на слово, в деле удал,
Он уж был на охоте медвежьей,
И медведь ему ребра помял,
Но Сережа осилил медведя.
Кстати тут он узнал и друзей:
Убежали и Миша и Федя,
Не бежал только егерь – Корней.
Это в нем скептицизм породило:
"Люди – свиньи!" – Сережа решил

Всех знакомых своих окрестил.

Знаменит этот юноша русский:

Отчеканено имя его

На подарках всей труппы французской!

(Говорят, миллион у него.)

Признак русской широкой природы –

Жажду выдвинуть личность свою –

Насыщает он в юные годы

Удальством в рукопашном бою,

Гомерической, дикой попойкой,

Приводящей в смятенье трактир,

Да игрой, да отчаянной тройкой.

Он своей молодежи кумир,

С ним хорошее общество дружно,

И он счастлив, доволен собой,

Полагая, что больше не нужно

Ничего человеку. Друг мой!

Маловато прочесть два романа

Да поэму "Монго" изучить

(Эту шалость поэта-улана),

Чтоб разумно и доблестно жить!

Недостаточно ухарски править,

Мчась на бешеной тройке стремглав,

Двадцать тысяч на карту поставить

И глазком не моргнуть, проиграв, –

Есть иное величие в мире,

И не торный ведет к нему путь,

Человеку прекрасней и шире

Можно силы свои развернуть!

Если гордость, похвальное свойство,

Ты насытишь рутинным путем

И недремлющий дух беспокойства

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Разрешится одним кутежом;

Если с жизни получишь ты мало –
Не судьба тому будет виной:
Ты другого не знал идеала,
Не провидел ты цели иной!

Впрочем, быть генерал-адъютантом,
Украшенья носить на груди –
С меньшим званием, с меньшим талантом
Можно... Светел твой путь впереди!
Не одно, целых три состоянья
На своем ты веку проживешь:
Как не хватит отцов достоянья,
Ты жену с миллионом возьмешь;
А потом ты повысишься чином –
Подоспеет казенный оклад.
По таким-то разумным причинам
Твоему я бездействию рад!

Жаль одно: на пустые приманки,
Милый юноша! ловишься ты,
Отвратительны эти цыганки,
А друзья твои – точно скоты.
Ты, чей образ в порыве желанья
Ловит женщина страстной мечтой,
Ищешь ты покупного лобзанья,
Ты бежишь за продажной красой!
Ты у старцев, чьи икры на вате,
У кого разжижение в крови,
Отбиваешь с оркестром кровати!
Ты – не знаешь блаженства любви?..

Очень милы балетные феи,
Но не стоят хороших цветов,
Украшать скаковые трофеи
Годны только твоих кучеров.

Те же деньги и то же здоровье
Мог бы ты поумнее убить,
Не хочу я впадать в пустословье
И о честном труде говорить.
Не ленив человек современный,
Но на что расточается труд?
Чем работать для цели презренной,
Лучше пусть эти баловни пьют...

.....

Знал я юношу: в нем сочетались
Дарованье, ученость и ум,
Сочиненья его покупались,
А одно даже сделало шум.
Но, к несчастью, был он помешан
На комфорте – столичный недуг, –
Каждый час его жизни был взвешен,
Вечно было ему недосуг:
Чтоб приставить кушетку к камину,
Чтоб друзей угощать за столом,
Он по месяцу сгорбивши спину
Изнывал за постылым трудом.
"Знаю сам, – говорил он частенько, –
Что на лучшее дело гожусь,
Но устроюсь сперва хорошенько,
А потом и серьезно займусь".

Суетился, спешил, торопился,
В день по несколько лекций читал;
Секретарствовал где-то, учился
В то же время; статейки писал...
Так трудясь неразборчиво, жадно,
Ничего он не сделал изрядно,
Да и сам-то пожить не успел,
Не потешил ни бога, ни черта,

Не увлекся ничем никогда
и бессмысленной жертвой комфорта
Пал – под игом пустого труда!

Знал я мужа: командой пожарной
и больницу он заправлял,
К дыму, к пламени в бане угарной
Он нарочно солдат приучал.
Вечно ревностный, вечно неспящий,
Столько делал фальшивых тревог,
что случится пожар настоящий –
Смотришь, лошади, люди без ног!
"Смирно! кутай башку в одеяло!" –
В лазарете кричат фельдшера
Настежь форточки – ждут генерала, –
вся больница в тревоге с утра.
Генерал на минуту приедет,
Смотришь: к вечеру в этот денек
десять новых горячечных бредит,
А иной и умрет под шумок...

Знал я старца: в душе его бедной
Поселился панический страх,
что погубит нас Запад зловерный.
Бледный, худенький, в синих очках,
Он недавно еще попадался
В книжных лавках, в кофейных домах,
На журналы, на книги бросался,
С карандашиком вечно в руках:
Пояснения, заметки, запросы
Составлял трудолюбец старик,
Он на вывески даже доносы
Сочинял, если не было книг.
Все его инстинктивно дичились,
Был он грязен, жил в крайней нужде,

И зловещие слухи носились
Об его бескорыстном труде.

Взволновали Париж беспокойный,
Наступили февральские дни,
Сам ты знаешь, читатель достойный,
Как у нас отразились они.
Подоспело удобное время,
И в комиссию мрачный донос
На погибшее блудное племя
В три приема доносчик принес.
И вещал он властям предержавшим:
"Многолетний сей труд рассмотри
И мечом правосудья разящим
Буесловия гидру сотри!.."
Суд отказом его не обидел,
Но старик уже слишком наврал:
Демагога в Булгарине видел,
Робеспьером Сенковского звал.
Возвратили!.. В тоске безысходной
Старец скорбные очи смежил,
И Линяев, сатирик холодный,
Эпитафию старцу сложил:
"Здесь обрел даровую квартиру
Муж злокачествен, подл и плешив,
И оставил в наследие миру
Образцовых доносов архив".
Так погиб бесполезно, бесследно
Труд почтенный; не правда ли, жаль?

"Иногда и лениться не вредно", -
Такова этих притчей мораль...

3

Время в клуб воротиться, к обеду...

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Нет, уж поздно! Обед при конце,

Слишком мы протянули беседу
О Сереже, лихом молодце.
Стариков полусонная стая
С мест своих тяжело поднялась,
Животами друг друга толкая,
До диванов кой-как доплелась.
Закупив дорогие сигары,
Неиграющий люд на кружки
Разделился; пошли тары-бары..
(Козыряют давно игроки.)

Нынче множество тем для витийства,
Утром только газеты взгляни -
Интересные кражи, убийства,
Но газеты молчали в те дни.
Никаких "современных вопросов",
Слухов, толков, живых новостей,
Исключенье одно: для доносов
Допускалось. Доносчик Авдей
Представлялся исчадием ада
В добродушные те времена,
Вообще же в стенах Петрограда
По газетам, была тишина.
В остальной необъятной России
И подавно! Своим чередом
Шли дожди, бунтовали стихии,
А народ... мы не знали о нем.
Правда, дикие, смутные вести
Долетали до нас иногда
О мужицкой расправе, о мести,
Но не верилось как-то тогда
Мрачным слухам. Покой нарушался
Только голодом, мором, войной,
Да случайно впросак попадался

Колоссальный ворище порой –
Тут молва создавала поэмы,
Оживало всё общество вдруг...
А затем обиходные темы
Сокращали наш мирный досуг.

Две бутылки бордо уничтожа,
Не касаясь общественных дел,
О борзых, о лоретках Сережа
Говорить бесподобно умел:
Берты, Мины и прочие... дуры
В живописном рассказе его
Соблазнительней самой природы
Выходили. Но лучше всего
Он дразнил петербургских актеров
И жеманных французских актрис.
Темой самых живых разговоров
Были скачки, парад, бенефис.
В офицерском кругу говорили
О тугом производстве своем
И о том, чьи полки победили
На маневрах под Красным Селом:
"Верно, явится завтра в приказе
Благодарность войскам, господа:
Сам фельдмаршал воскликнул в экстазе:
"подавайте Европу сюда!..."
Тут же шли бесконечные споры
О дуэли в таком-то полку
Из-за Клары, Арманс или Лоры,
А меж тем где-нибудь в уголку
Звуки грязно настроенной лиры
Костя Бурцев ("поэт не для дам",
Он же член "Комитета Земфиры")
Сообщал потихоньку друзьям.

Безобидные, мирные темы!
Не озлят, не поспорят они...
Интересами личными все мы
Занимались больше в те дни.
Впрочем, были у нас русофилы
(Те, что видели в немцах врагов),
Наезжали к нам славянофилы,
Светский тип их тогда был таков:
В Петербурге шампанское с квасом
Попивали из древних ковшей,
А в Москве восхваляли с экстазом
Допетровский порядок вещей,
Но, живя за границей, владели
Очень плохо родным языком,
И понятия они не имели
О славянском призвании своем.
Я однажды смеялся до колик,
Слыша, как князь говорил:
"Я, душа моя, славянофил".
– "А религия ваша?" – "Католик".

Не задеты ничем за живое,
Всякий спор мы бросали легко,
Вот за картами, – дело другое! –
Волновались мы тут глубоко.
Чу! какой-то игрок крутонравный,
Проклиная несчастье, гремит.
Чу! наш друг, путешественник славный,
Моноotonно и дерзко ворчит:
Дух какой-то враждой непонятной
За игрой омрачается в нем;
Человек он весьма деликатный,
С добрым сердцем, с развитым умом;
Несомненным талантом владея,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Он прославился книгой своей,

Он из Африки негра-лакея
Вывез (очень хороший лакей,
Впрочем, смысла в подобных затеях
я не вижу: по воле судеб
Петербург недостатка в лакеях
Никогда не имел)... Но свиреп
Он в игре, как гиена: осадок
От сибирских лихих непогод,
От египетских злых лихорадок
И от всяких житейских невзгод
Он бросает в лицо партнера
Так язвительно, тонко и зло,
Что игра прекращается скоро,
Как бы жертве его ни везло...

Генерал с поврежденной рукою
Также здесь налицо; до сих пор
От него еще дышит войною,
Пахнет дымом Федюхиных гор.
В нем героя война отличила,
Но игрок навсегда пострадал:
Пуля пальцы ему откусила...
Праздно бродит седой генерал!

В тесноте, доходящей до давки,
Весь в камнях, подрумянен, завит,
Принимающий всякие ставки
За столом миллионщик сидит:
Тут идут смертоносные схватки.
От надменных игорных тузов
До копеечных трех игроков
(Называемых: терц от девятки)
Все участвуют в этом бою,
Горячась и волнуясь немало...

и пытаю фортуны, бывало...)

При счастливой игре не хорош,
Жаден, дерзок, богач старичишка
Придирается, спорит за грош,
Рад удаче своей, как мальчишка,
Но зато при несчастьи он мил!
Он, бывало, нас много смешил...
При несчастьи вздыхал он нервически,
Потирал покрасневшийся нос
И певал про себя иронически:
"Веселись, храбрый росс!..."

Бой окончен, старик удаляется,
Взяв добычи порядочный пук...
За три комнаты слышно: стук! стук!
То не каменный гость приближается...
Стук! стук! стук! – равномерно стучит
Словно ступа, нога деревянная:
Входит старый седой инвалид,
Тоже личность престранная...

.....

Муза! ты отступаешь от плана!
Общий очерк затеяли мы,
Так не тронь же, мой друг, ни Ивана,
Ни Луки, ни Фомы, ни Кузьмы!
Дорисуй впечатленье – и мирно
Удались, не задев единиц!
Да, играли и кушали жирно,
Много было типических лиц, –
Но приспевшие дружно реформы
Дали обществу новые формы...

4

Благодатное время надежд!

Да! прошедшим и ты уже стало!
К удовольствию диких невежд,
Ты обетов своих не сдержало.
Но шумя и куда-то спеша
И как будто оковы сбивая,
Русь! была ты тогда хороша!
(Разуметь надо: Русь городская.)
Как невольник, покинув тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхает
И, не веря себе самому,
Богатырскую мощь ощущает,
Ты казалась сильна, молода,
К Правде, к Свету, к Свободе стремилась,
В прегрешениях тяжких тогда,
Как блудница, ты громко винулась,
И казалось нам в первые дни:
Повториться не могут они...

Приводя наше прошлое в ясность,
Проклиная бесправье, безгласность,
Произвол и господство бича,
Далеко мы зашли сгоряча!
Между тем, как народ неразвитый
Ел кору и молчал как убитый,
Мы сердечно болели о нем,
Мы взывали: "даруйте свободу
Угнетенному нами народу,
Мы прошедшее сами клянем!
Посмотрите на нас: мы обжоры,
Мы ходячие трупы, гробы,
Казнокрады, народные воры,
Угнетатели, трусы, рабы!"
Походя на толпу сумасшедших,
На самих себя вьющих бичи,

Были мы до того горячи,
Что превысили всякую меру...
Крылось что-то неладное тут,
Но не вдруг потеряли мы веру...
Призывая на дело, на труд,
Понял горькую истину сразу
Только юноша гений тогда,
Произнесший бессмертную фразу:
"В настоящее время, когда..."

Дело двинулось... волею власти...
И тогда-то во всей наготе
Обнаружились личные страсти
И слышались речи – не те:
"Это яд, уж давно отравлявший
Наше общество, силу забрал!" –
Воскликнул, словно с неба упавший,
Суясь всюду, сморчок генерал
(Как цветы, что в ночи распускаются,
Эти люди в чинах повышаются
В строгой тайне – и в жизни потом
С непонятным апломбом являются
В роковом ореоле своем).
"Со времен Петрашевского строго
За развитием его я следил,
Я наметил поборников много,
Но... напрасно я труд погубил!
Горе! горе! Имею сынишку,
Тяжкой службой, бессонным трудом
Приобрел я себе деревнишку...
Что ж... пойду я теперь нагишом?..
Любо вам рисоваться, мальчишки!
А со мной-то что сделали вы?.."

Порицали реформу... увы!
Радикалы вчерашние тоже
Восклицали: "что будет?.. о боже!.."
Уступать не хотели земли...
(Впрочем, надо заметить, не много,
Разбирая прошедшее строго,
Мы бы явных протестов начли:
По обычаю мудрых холопов,
Мы держали побольше подкопов
или рабски за временем шли...)

Некто, слывший по службе за гения,
Генерал Фердинанд фон дер Шпехт
(Об отводе лесов для сечения
подававший обширный проект),
Нам предсказывал бунты народные
("что, не прав я?.." – потом он кричал).
"Всё они! всё мальчишки негодные!" –
Негодующий хор повторял.

Та вражда к молодым поколениям
Здесь начальные корни взяла,
Что впоследствии диким явленьем
В нашу жизнь так глубоко вошла.
Учрежденным тогда комитетам
Потерявшие ум старики
Посылали, сердясь не по летам,
Брань такую: "мальчишки! щенки!.."
(Там действительно люди засели
С средним чином, без лент и без звезд,
А иные тузы полетели
в то же время с насиженных мест.)
Не щадя даже сына родного,
Уничтожить иной был готов

Безбородых, безусых бойцов;
Их ошибки встречались шипеньем,
Их несчастье – скаканьем и пеньем:
"Ну! теперь-то припрут молодцов!
Лезут на стену, корчат Катонов,
Посевают идеи Прудонов,
А пугни – присмиреет любой,
Станет петь превосходство неволи..."

Правда, правда! народ молодой
Брал подчас непосильные роли.
Но молчать бы вам лучше, глупцы,
Да решеньем вопроса заняться:
Таковы ли бывают отцы,
От которых герои рождаются?..

--

Клубу нашему тоже на долю
Неприятностей выпало вволю.
Чуть тронулся крестьянский вопрос
И порядок нарушился древний,
Стали "плохо писать из деревни".
"Не сыграть ли в картишки?" – "На что-с? –
Отвечал вопрошаемый грубо. –
Своротили вы, сударь, с ума!.."
Члены мирно дремавшего клуба
Разделились; пошла кутерьма:
Крепостник, находя незаконной,
Откровенно реформу бранил,
А в ответ якобинец салонный
Говорил, говорил, говорил...

Сам себе с наслажденьем внимая,
Формируя парламентский слог,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Всем недугам родимого края

Подводил он жестокий итог;
Человеком идей прогрессивных
Не без цели стараясь прослыть,
Убеждал старикашек наивных
Встрепенуться и Русь полюбить!
Всё отдать для отчизны священной,
Умереть, если так суждено!..
Ты не пой, соловей современный!
Эту песню мы знаем давно!
Осуждаешь ты старое смело,
Недоволен и новым слегка,
Ты способен и доброе дело
Между фразами сделать пока;
Ты теперь еще шуткою дерзкой
Иногда подлеца оборвешь,
Но получишь ты ключ камергерской –
И уста им навеки запрешь!
Пуще тех "гуртовых" генералов,
Над которыми ныне остришь,
Станешь ты нажимать либералов,
С ними всякую связь прекратишь, –
Этим ты стариков успокоишь,
И помогут тебе старики.
Ловко ты свое здание строишь,
Мастерски расставляешь силки!..

Словом, мирные дни миновали,
Много выбыло членов тогда,
А иные ходить перестали,
Остальных разделяла вражда.
Хор согласный – стал дик и нестроен,
Ни игры, ни богатых пиров!
Лишь один оставался спокоен –
Это дедушка медный Крылов:

Не бездушным глядел истуканом,
Он лукавым сатиром глядел,
Игрокам, бюрократам, дворянам
Он, казалось, насмешливо пел:

"Полно вам – благо сами вы целы –
О наделах своих толковать,
Смерть придет – уравниет наделы!
Если вам мудрено уравниять...

Полно вам враждовать меж собою
За чины, за места, за кресты –
Смерть придет и отнимет без бою
И чины, и места, и кресты!..

Пусть вас минус в игре не смущает,
Игроки! пусть не радует плюс,
Смерть придет – все итоги сравнивает:
Будет, будет у каждого плюс!.."

Губернаторы, места лишённые,
Земледельцы – дворяне стеснённые,
Откупные тузы разорённые,
Игроки, прогоревшие в прах,
Генерал, проигравший сражение,
Адмирал, потерпевший крушение, –
Находили ли вы утешение
В этих кратких и мудрых словах?..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С плеч упало тяжелое бремя,
Написал я четыре главы.
"Почему же не новое время,
А недавнее выбрали вы? –
Замечает читатель, живущий
Где-нибудь в захолустной дали. –

Мы бы с большей охотой прочли.
Ваши книги расходятся худо!
А зачем же вчерашнее блюдо,
Вместо свежего, ставить на стол?
Чем в прошедшем упорно копать,
Не гораздо ли лучше касаться
Новых язв, народившихся зол?"

Для людей, в захолустьи живущих,
Мы действительно странны, смешны,
Но, читатель! в вопросах текущих
Права голоса мы лишены,
Прикасаться к ним робко, несмело –
Значит пуще запутывать их,
Шить на мертвых не трудное дело,
Нам желательнее шить на живых.
Устарелое вымерло племя,
Вообще устоялись умы,
Потому-то недавнее время,
Государь мой, и тронули мы
(да и то с подобающим тактом)...
Погоди, если мы поживем,
Дав назад отодвинуться фактам, –
И вперед мы рассказ поведем, –
Мы коснемся столичных пожаров
И волнений в среде молодой,
Понесенных прогрессом ударов
И печальных потерь... Да и той
Злополучной поры не забудем,
Что прогресс повернула вверх дном,
И всегда по возможности будем
Верны истине – задним числом...

(1863 – 1871)

1. КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

(1826 год)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок;

Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.

Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость в ноги стлал,

Творя молитву, образок
Повесил в правый уголок

И – зарыдал... Княгиня-дочь
Куда-то едет в эту ночь...

1

"Да, рвем мы сердце пополам
Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?

Поможешь ли тоской!

Один, кто мог бы нам помочь

Теперь... Прости, прости!

Благослови родную дочь

И с миром отпусти!

2

Бог весть, увидимся ли вновь,

Увы! надежды нет.

Прости и знай: твою любовь,

Последний твой завет

В далекой стороне...

Не плачу я, но не легко

С тобой расстаться мне!

3

О, видит бог!.. Но долг другой,

И выше и трудней,

Меня зовет... Прости, родной!

Напрасных слез не лей!

Далек мой путь, тяжел мой путь,

Страшна судьба моя,

Но сталью я одела грудь...

Гордись – я дочь твоя!

4

Прости и ты, мой край родной,

Прости, несчастный край!

И ты... о город роковой,

Гнездо царей... прощай!

Кто видел Лондон и Париж,

Венецию и Рим,

Того ты блеском не прельстишь,

Но был ты мной любим –

5

Счастливо молодость моя

Прошла в стенах твоих,

Твои балы любила я,

Катанья с гор крутых,

Любила блеск Невы твоей

В вечерней тишине,

И эту площадь перед ней

С героем на коне...

6

Мне не забыть... Потом, потом
Расскажут нашу быль...
А ты будь проклят, мрачный дом,
Где первую кадрили
Я танцевала... Та рука
Досель мне руку жжет...
Ликуй.....
..... "

-- --

Покоен, прочен и легок,
Катится городом возок.

Вся в черном, мертвенно бледна,
Княгиня едет в нем одна,

А секретарь отца (в крестах,
Чтоб наводить дорогой страх)

С прислугой скачет впереди...
Свища бичом, крича: "Пади!"

Ямщик столицу миновал...
Далек княгине путь лежал,

Была суровая зима...
На каждой станции сама

Выходит путница: "Скорей
Перепрягайте лошадей!"

И сыплет щедрою рукой
Червонцы челяди ямской.

Но труден путь! В двадцатый день
Едва приехали в Тюмень,

Еще скакали десять дней,
"Увидим скоро Енисей, -

Сказал княгине секретарь, -
Не ездит так и государь!.."

- - -

Вперед! Душа полна тоски,
Дорога всё трудней,
Но грезы мирны и легки -
Приснилась юность ей.
Богатство, блеск! Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом львы,
Изящно убран пышный зал,
Огнями весь горит.
О радость! нынче детский бал,
Чу! музыка гремит!
Ей ленты алые вплели
В две русые косы,
Цветы, наряды принесли
Невиданной красы.
Пришел папаша - сед, румян,-
К гостям ее зовет.
"Ну, Катя! чудо сарафан!
Он всех с ума сведет!"
Ей любо, любо без границ.
Кружится перед ней
Цветник из милых детских лиц,
Головок и кудрей.
Нарядны дети, как цветы,
Нарядней старики:
Плюмажи, ленты и кресты,

Танцует, прыгает дитя,
Не мысля ни о чем,
И детство резвое шутя
Проносится... Потом
Другое время, бал другой
Ей снится: перед ней
Стоит красавец молодой,
Он что-то шепчет ей...
Потом опять балы, балы...
Она – хозяйка их,
У них сановники, послы,
Весь модный свет у них...
"О милый! что ты так угрюм?
Что на сердце твоём?"
– "Дитя! мне скучен светский шум,
Уйдем скорей, уйдем!"

И вот уехала она
С избранником своим.
Пред нею чудная страна,
Пред нею – вечный Рим...
Ах! чем бы жизнь нам помянуть –
Не будь у нас тех дней,
Когда, урвавшись как-нибудь
Из родины своей
И скучный север миновав,
Примчимся мы на юг.
До нас нужды, над нами прав
Ни у кого... Сам-друг
Всегда лишь с тем, кто дорог нам,
Живем мы, как хотим;
Сегодня смотрим древний храм,
А завтра посетим
Дворец, развалины, музей...

Как весело притом
Делиться мыслию своей
С любимым существом!

Под обаяньем красоты,
Во власти строгих дум,
По Ватикану бродишь ты
Подавлен и угрюм;
Отжившим миром окружен,
Не помнишь о живом.
Зато как страшно поражен
Ты в первый миг потом,
Когда, покинув Ватикан,
Вернешься в мир живой,
Где ржет осел, шумит фонтан,
Поет мастеровой;
Торговля бойкая кипит,
Кричат на все лады:
"Кораллов! раковин! улит!
Мороженой воды!"
Танцует, ест, дерется голь,
Довольная собой,
И косу черную как смоль
Римлянке молодой
Старуха чешет... Жарок день,
Несносен черни гам,
Где нам найти покой и тень?
Заходим в первый храм.

Не слышен здесь житейский шум,
Прохлада, тишина
И полусумрак... Строгих дум
Опять душа полна.
Святых и ангелов толпой
Вверху украшен храм,

Порфир и яшма под ногой
И мрамор по стенам...

Как сладко слушать моря шум!
Сидишь по часу нем,
Неугнетенный, бодрый ум
Работает меж тем...
До солнца горною тропой
Взберешься высоко –
Какое утро пред тобой!
Как дышится легко!
Но жарче, жарче южный день,
На зелени долин
Росинки нет... Уйдем под тень
Зонтообразных пинн...

Княгине памятны те дни
Прогулок и бесед,
В душе оставили они
Неизгладимый след.
Но не вернуть ей дней былых,
Тех дней надежд и грез,
Как не вернуть потом о них
Пролитых ею слез!..

Исчезли радужные сны,
Пред нею ряд картин
Забитой, загнанной страны:
Суровый господин
И жалкий труженик-мужик
С понурой головой...
Как первый властвовать привык!
Как рабствует второй!
Ей снятся группы бедняков
На нивах, на лугах,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Ей снятся стоны бурлаков

На волжских берегах...
Наивным ужасом полна,
Она не ест, не спит,
Засыпать спутника она
Вопросами спешит:
"Скажи, ужель весь край таков?
Довольства тени нет?.."
– "Ты в царстве нищих и рабов!" –
Короткий был ответ...

Она проснулась – в руку сон!
Чу, слышен впереди
Печальный звон – кандалный звон!
"Эй, кучер, погоди!"
То ссыльных партия идет,
Больней заныла грудь.
Княгиня деньги им дает, –
"Спасибо, добрый путь!"
Ей долго, долго лица их
Мерещатся потом,
И не прогнать ей дум своих,
Не позабыться сном!
"И та здесь партия была...
Да... нет других путей...
Но след их вьюга замела.
Скорей, ящик, скорей!.."

– --

Мороз сильней, пустыней путь,
Чем дале на восток;
На триста верст какой-нибудь
Убогий городок,
Зато как радостно глядишь
На темный ряд домов,

Но где же люди? Всюду тишь,
Не слышно даже псов.
Под кровлю всех загнал мороз,
Чаек от скуки пьют.
Прошел солдат, проехал воз,
Куранты где-то бьют.
Замерзли окна... огонек
В одном чуть-чуть мелькнул...
Собор... на выезде острог...
Ящик кнутом махнул:
"Эй вы!" – и нет уж городка,
Последний дом исчез...
Направо – горы и река,
Налево темный лес...

Кипит больной, усталый ум,
Бессонный до утра,
Тоскует сердце. Смена дум
Мучительно быстра:
Княгиня видит то друзей,
То мрачную тюрьму,
И тут же думается ей –
Бог знает почему, –
Что небо звездное – песком
Посыпанный листок,
А месяц – красным сургучом
Оттиснутый кружок...

Пропали горы; началась
Равнина без конца.
Еще мертвей! Не встретит глаз
Живого деревца.
"А вот и тундра!" – говорит
Ящик, бурят степной.
Княгиня пристально глядит

И думает с тоской:

Сюда-то жадный человек
За золотом идет!
Оно лежит по руслу рек,
Оно на дне болот.
Трудна добыча на реке,
Болота страшны в зной,
Но хуже, хуже в руднике,
Глубоко под землей!..
Там гробовая тишина,
Там безрассветный мрак...
Зачем, проклятая страна,
Нашел тебя Ермак?..

--

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжелых дум полна...
Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоит;
Знакомый город перед ней
Волнуется, шумит;
К обширной площади бегут
Несметные толпы:
Чиновный люд, торговый люд,
Разносчики, попы;
Пестреют шляпки, бархат, шелк,
Тулупы, армяки...
Стоял уж там какой-то полк,
Пришли еще полки,
Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они "ура!" кричат,
Они чего-то ждут...

Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал,
Что делается тут...
Зато посмеивался в ус,
Лукаво щуря взор,
Знакомый с бурями француз,
Столичный куафер...

Приспели новые полки:
"Сдавайтесь!"- тем кричат.
Ответ им – пули и штыки,
Сдаваться не хотят.
Какой-то бравый генерал,
Влетев в каре, грозиться стал –
С коня снесли его.
Другой приблизился к рядам:
"Прощенье царь дарует вам!"
Убили и того.

Явился сам митрополит
С хоругвями, с крестом:
"Покайтесь, братия! – гласит, –
Падите пред царем!"
Солдаты слушали, крестясь,
Но дружен был ответ:
"Уйди, старик! молись за нас!
Тебе здесь дела нет..."

Тогда-то пушки навели,
Сам царь скомандовал: "па-ли!.."
Картечь свистит, ядро ревет,
Рядами валится народ..
"О, милый! жив ли ты?.."
Княгиня, память потеряв,
Вперед рванулась и стремглав

Пред нею длинный и сырой
Подземный коридор,
У каждой двери часовой,
Все двери на запор.
Прибою волн подобный плеск
Снаружи слышен ей;
Внутри – бряцанье, ружей блеск
При свете фонарей;
Да отдаленный шум шагов
И долгий гул от них,
Да перекрестный бой часов,
Да крики часовых...

С ключами, старый и седой,
Усатый инвалид.
"Иди, печальница, за мной! –
Ей тихо говорит. –
я проведу тебя к нему,
Он жив и невредим..."
Она доверилась ему,
Она пошла за ним...

Шли долго, долго... Наконец
Дверь взвизгнула – и вдруг
Пред нею он... живой мертвец..
Пред нею – бедный друг!
Упав на грудь ему, она
Торопится спросить:
"Скажи, что делать? Я сильна,
Могу я страшно мстить!
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо?.." – "Не ходи,
Не тронешь палача!"

– "О милый! Что сказал ты? Слов
Не слышу я твоих.
То этот страшный бой часов,
То крики часовых!
Зачем тут третий между нас?.." –
– "Наивен твой вопрос".

"Пора! пробил урочный час!" –
Тот "третий" произнес...

– --

Княгиня вздрогнула, – глядит
Испуганно кругом,
Ей ужас сердце леденит:
Не всё тут было сном!..

Луна плыла среди небес
Без блеска, без лучей,
Налево был угрюмый лес,
Направо – Енисей.
Темно! навстречу ни души,
Ямщик на козлах спал,
Голодный волк в лесной глуши
Пронзительно стонал,
Да ветер бился и ревел,
Играя на реке,
Да инородец где-то пел
На странном языке.
Суровым пафосом звучал
Неведомый язык
И пуще сердце надрывал,
Как в бурю чайки крик...

Княгине холодно; в ту ночь
Мороз был нестерпим,

Бороться больше с ним.
Рассудком ужас овладел,
Что не доехать ей.
Ямщик давно уже не пел,
Не понукал коней,
Передней тройки не слышать.
"Эй! жив ли ты, ямщик?
Что ты замолк? не вздумай спать!"
– "Не бойтесь, я привык..."

Летят... Из мерзлого окна
Не видно ничего,
Опасный гонит сон она,
Но не прогнать его!
Он волю женщины больной
Мгновенно покорил
И, как волшебник, в край иной
Ее переселил.
Тот край – он ей уже знаком, –
Как прежде неги полн,
И теплым солнечным лучом
И сладким пеньем волн
Ее приветствовал, как друг...
Куда ни поглядит:
"Да, это – юг! да, это юг!" –
Всё взору говорит...

Ни тучки в небе голубом,
Долина вся в цветах,
Всё солнцем залито, – на всем,
Внизу и на горах,
Печать могучей красоты,
Ликует всё вокруг;
Ей солнце, море и цветы

В долине между цепью гор
И морем голубым
Она летит во весь опор
С избранником своим.
Дорога их – роскошный сад,
С деревьев льется аромат,
На каждом дереве горит
Румяный, пышный плод;
Сквозь ветви темные сквозит
Лазурь небес и вод;
По морю реют корабли,
Мелькают паруса,
А горы, видные вдали,
Уходят в небеса.
Как чудны краски их! За час
Рубины рдели там,
Теперь заискрился топаз
По белым их хребтам...
Вот вьючный мул идет шажком,
В бубенчиках, в цветах,
За мулом – женщина с венком,
С корзиною в руках.
Она кричит им: "Добрый путь!" –
И, засмеявшись вдруг,
Бросает быстро ей на грудь
Цветок... да! это юг!
Страна античных, смуглых дев
И вечных роз страна...
Чу! мелодический напев,
Чу! музыка слышна!..
"Да, это юг! да, это юг!
(Поет ей добрый сон.)
Опять с тобой любимый друг,

Опять свободен он!.."

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути

На диво слаженный возок,
А всё конец пути далек!

Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал.

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...

Ее в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи сух, как палка прям,
Высокий и седой.

Сползла с плеча его доха,
Под ней – кресты, мундир,
На шляпе – перья петуха.

Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ящика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил...

<< КНЯГИНЯ >>

<<(входит в станционный дом

В Нерчинск! Закладывать скорей!

<< ГУБЕРНАТОР >>

Пришел я – встретить вас.

<< КНЯГИНЯ >>

Велите ж дать мне лошадей!

<< ГУБЕРНАТОР >>

Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть...

<< КНЯГИНЯ >>

Благодарю вас! Я сильна...
Уж недалек мой путь...

<< ГУБЕРНАТОР >>

Всё ж будет верст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже там пойдет,
Опасная езда!..
Два слова нужно вам сказать
По службе, – и притом
Имел я счастье графа знать,
Семь лет служил при нем.
Отец ваш редкий человек
По сердцу, по уму,
Запечатлев в душе навек
Признательность к нему,
К услугам дочери его
Готов я... весь я ваш...

<< КНЯГИНЯ >>

Но мне не нужно ничего!

<<(Отворяя дверь в сени.)>>

Готов ли экипаж?

<< ГУБЕРНАТОР >>

Покуда я не прикажу,
Его не подадут...

<< КНЯГИНЯ >>

Так прикажите ж! Я прошу...

<< ГУБЕРНАТОР >>

Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага...

<< КНЯГИНЯ >>

Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?

<< ГУБЕРНАТОР >>

Да-с, было бы верней.

<< КНЯГИНЯ >>

Да кто ж прислал вам и о чем
Бумагу? что же – там
Шутили, что ли, над отцом?
Он всё устроил сам!

<< ГУБЕРНАТОР >>

Нет... не решусь я утверждать...
Но путь еще далек...

<< КНЯГИНЯ >>

Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

<< ГУБЕРНАТОР >>

Нет! я еще не приказал...

Княгиня! здесь я – царь!
Садитесь! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил,
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил...
Вернитесь поскорей!

<< КНЯГИНЯ >>

Нет! что однажды решено –
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
И выше и святей,
Меня зовет. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

<< ГУБЕРНАТОР >>

Позвольте–с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та – еще бедней,
Короче нашей там весна,
Зима – еще длинней.
Да–с, восемь месяцев зима
Там – знаете ли вы?
Там люди редки без клейма,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки;
Ужасен там тюремный дом,

Глубоки рудники.

Вам не придется с мужем быть

Минуты глаз на глаз:

В казарме общей надо жить,

А пища: хлеб да квас.

Пять тысяч каторжников там,

Озлоблены судьбой,

Заводят драки по ночам,

Убийства и разбой;

Короток им и страшен суд,

Грознее нет суда!

И вы, княгиня, вечно тут

Свидетельницей... Да!

Поверьте, вас не пощадят,

Не сжалится никто!

Пускай ваш муж – он виноват...

А вам терпеть... за что?

<< КНЯГИНЯ >>

ужасно будет, знаю я,

Жизнь мужа моего.

Пускай же будет и моя

Не радостней его!

<< ГУБЕРНАТОР >>

Но вы не будете там жить:

Тот климат вас убьет!

я вас обязан убедить,

Не ездите вперед!

Ах! вам ли жить в стране такой,

Где воздух у людей

Не паром – пылью ледяной

Выходит из ноздрей?

Где мрак и холод круглый год,

А в краткие жары –
непросыхающих болот
Зловредные пары?
Да... Страшный край! Оттуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

<< КНЯГИНЯ >>

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя...

<< ГУБЕРНАТОР >>

Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!
Здесь мать – водицей снеговой,
Родив, омоет дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пурга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою,
А вы?..

<< КНЯГИНЯ >>

Пусть смерть мне суждена –
Мне нечего жалеть!..
я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

<< ГУБЕРНАТОР >>

Да, вы умрете, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Прийти в свою тюрьму,
Прийти – и лечь на голый пол
И с черствым сухарем
Заснуть... а добрый сон пришел –
И узник стал царем!
Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснется он, к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих,
А с вами?... с вами не знавать
Ему счастливых грез,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слез.

<< КНЯГИНЯ >>

Ах!.. Эти речи побережь
Вам лучше для других.
Всем вашим пыткам не извлечь
Слезу из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг, – я слез не принесу
В проклятую тюрьму –

я гордость, гордость в нем спасу,
я силы дам ему!
Презренье к нашим палачам,
Сознание правоты
Опорой верной будет нам.

<< ГУБЕРНАТОР >>

Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь черствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнет,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почет.
Как знать? Быть может, бог судил..
Понравится другой,
Закон вас права не лишил..

<< КНЯГИНЯ >>

Молчите!.. Боже мой!..

<< ГУБЕРНАТОР >>

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

<< КНЯГИНЯ >>

Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.

Там люди заживо гниют –
Ходячие гробы,
Мужчины – сборище Иуд,
А женщины – рабы.
Что там найду я? Ханжество,
Поруганную честь,
Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А ныне пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забыть того, кто нас любил,
Вернуться – всё простя?

<< ГУБЕРНАТОР >>

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?

<< КНЯГИНЯ >>

Молчите, генерал!

<< ГУБЕРНАТОР >>

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас – я б молчал.

Но если рветесь вы вперед,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасет..
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что станется с женой,
Увлекся призраком пустым
И – вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

<< КНЯГИНЯ >>

Нет! я не жалкая раба,
я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба –
я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

--

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
"Ну что ж? велите, генерал,
Готовить мой возок?"
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,

Потом в раздумьи произнес:

"До завтра" – и ушел...

--

Назавтра тот же разговор,

Просил и убеждал,

Но получил опять отпор

Почтенный генерал.

Все убежденья истощив

И выбившись из сил,

Он долго, важен, молчалив,

По комнате ходил

И наконец сказал: "Быть так!

Вас не спасешь, увы!..

Но знайте: сделав этот шаг,

Всего лишитесь вы!.."

– "Да что же мне еще терять?"

– "За мужем поскакав,

Вы отречение подписать

Должны от ваших прав!"

Старик эффектно замолчал,

От этих страшных слов

Он, очевидно, пользы ждал,

Но был ответ таков:

"У вас седая голова,

А вы еще дитя!

Вам наши кажутся права

Правами – не шутя.

Нет! ими я не дорожу,

Возьмите их скорей!

Где отречение? Подпишу!

И живо – лошадей!.."

<< ГУБЕРНАТОР >>

Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажите прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва -
Зайду я к вам опять!..

- - -

Ушел и не был целый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пошла к нему сама.
Ее не принял генерал:
Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло,
А на шестой пришел он сам
И круто молвил ей:
"Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем..."

<< КНЯГИНЯ >>

Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут

<< ГУБЕРНАТОР >>

Да, весной
В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.
Навряд версты четыре в час
Закованный идет;
Посередине дня – привал,
С закатом дня – ночлег,
А ураган в степи застал –
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб...

<< КНЯГИНЯ >>

Не хорошо я поняла –
Что значит ваш этап?

<< ГУБЕРНАТОР >>

Под караулом казаков
С оружием в руках,
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалют,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу – и ведут
Трудненок путь! Да вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
И трети не дойдет!
Они как мухи мрут в пути,
Особенно зимой...

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
И вам, княгиня, так идти?..

Вернитесь-ка домой!

<< КНЯГИНЯ >>

О нет! я этого ждала...

Но вы, но вы... злодей!..

Неделя целая прошла...

Нет сердца у людей!

Зачем бы разом не сказать?..

Уж я бы шла давно...

Велите ж партию собирать -

Иду! мне всё равно!..

- - -

"Нет! вы поедете!..- вскричал

Нежданно старый генерал,

Закрыв рукой глаза.-

Как я вас мучил... Боже мой!..

(Из-под руки на ус седой

Скатилась слеза.)

Простите! да, я мучил вас,

Но мучился и сам,

Но строгий я имел приказ

Преграды ставить вам!

И разве их не ставил я?

Я делал всё, что мог,

Перед царем душа моя

Чиста, свидетель бог!

Острожным жестким сухарем

И жизнью взаперти,

Позором, ужасом, трудом

Этапного пути

Я вас старался напугать.

Не испугались вы!

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
И хоть бы мне не удержать

На плечах головы,
я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
я вас в три дня туда домчу...

Отворяя дверь, кричит

Эй! запрягать, сейчас!.."

(лето 1871)

2. Княгиня М. Н. Волконская

(бабушкины записки)

(1826–27 г.)

Глава 1

Проказники внуки! Сегодня они
С прогулки опять воротились:
"Нам, бабушка, скучно! В ненастные дни,
когда мы в портретной садились
и ты начинала рассказывать нам,
так весело было!.. Родная,
еще что-нибудь расскажи!.." По углам
уселись. Но их прогнала я:
"Успеете слушать; рассказов моих
достанет на целые томы,
но вы еще глупы: узнаете их,
как будете с жизнью знакомы!
я всё рассказала, доступное вам
по вашим ребяческим летам:
идите гулять по полям, по лугам!
идите же... пользуйтесь летом!"

И вот, не желая остаться в долгу
у внуков, пишу я записки;
для них я портреты людей берегу,
которые были мне близки,

Я им завещаю альбом – и цветы
С могилы сестры – Муравьевой,
Коллекцию бабочек, флору Читы
И виды страны той суровой;
Я им завещаю железный браслет...
Пускай берегут его свято:
В подарок жене его выковал дед
Из собственной цепи когда-то...

--

Родилась я, милые внуки мои,
Под Киевом, в тихой деревне;
Любимая дочь я была у семьи.
Наш род был богатый и древний,
Но пуще отец мой возвысил его:
Заманчивей славы героя,
Дороже отчизны – не знал ничего
Боец, не любивший покоя.
Творя чудеса, девятнадцати лет
Он был полковым командиром,
Он мужество добыл и лавры побед
И почести, чтимые миром.
Воинская слава его началась
Персидским и шведским походом,
Но память о нем нераздельно слилась
С великим двенадцатым годом:
Тут жизнь его долгим сраженьем была.
Походы мы с ним разделяли,
И в месяц иной не запомним числа,
Когда б за него не дрожали.
"Защитник Смоленска" всегда впереди
Опасного дела являлся...
Под Лейпцигом раненный, с пулей в груди,
Он вновь через сутки сражался,

Так летопись жизни его говорит:

В ряду полководцев России,
Покуда отечество наше стоит,
Он памятен будет! Витии
Отца моего осыпали хвалой,
Бессмертным его называя;
Жуковский почтил его громкой строфой,
Российских вождей прославляя:
Под Дашковой личного мужества жар
И жертву отца-патриота
Поэт воспевает. Воинственный дар
Являя в сраженьях без счета,
Не силой одною врагов побеждал
Ваш прадед в борьбе исполинской:
О нем говорили, что он сочетал
С отвагою гений воинский.

Войной озабочен, в семействе своем
Отец ни во что не мешался,
Но крут был порою; почти божеством
Он матери нашей казался,
И сам он глубоко привязан был к ней.
Отца мы любили – в героя,
Окончив походы, в усадьбе своей
Он медленно гас на покое.
Мы жили в большом подгородном доме.
Детей поручив англичанке,
Старик отдыхал. Я училась всему,
Что нужно богатой дворянке.
А после уроков бежала я в сад
И пела весь день беззаботно,
Мой голос был очень хорош, говорят,
Отец его слушал охотно;
Записки свои приводил он к концу,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Читал он газеты, журналы,

Пиры задавал; наезжали к отцу
Седые, как он, генералы,
И шли бесконечные споры тогда;
Меж тем молодежь танцевала.
Сказать ли вам правду? была я всегда
В то время царицею бала:
Очей моих томных огонь голубой
И черная с синим отливом
Большая коса, и румянец густой
На личике смуглом, красивом,
И рост мой высокий, и гибкий мой стан,
И гордая поступь – пленяли
Тогдашних красавцев: гусаров, улан,
Что близко с полками стояли.
Но слушала я неохотно их лесть...
Отец за меня постарался:
"Не время ли замуж? Жених уже есть,
Он славно под Лейпцигом дрался,
Его полюбил государь, наш отец,
И дал ему чин генерала.
Постарше тебя... а собой молодец,
Волконский! Его ты видала
На царском смотре... и у нас он бывал,
По парку с тобой всё шатался!"
– "Да, помню! Высокий такой генерал..."
– "Он самый!" – старик засмеялся..
"Отец, он так мало со мной говорил!" –
Заметила я, покраснела..
"Ты будешь с ним счастлива!" – круто решил
Старик, – возражать я не смела...

Прошло две недели – и я под венцом
С Сергеем Волконским стояла,
Не много я знала его женихом,

Не много и мужем узнала, –
Так мало мы жили под кровлей одной,
Так редко друг друга видали!
По дальним селеньям, на зимний постой,
Бригаду его разбросали,
Ее объезжал беспрестанно Сергей.
А я между тем расхворалась;
В Одессе потом, по совету врачей,
Я целое лето купалась;
Зимой он приехал за мною туда,
С неделю я с ним отдохнула
При главной квартире... и снова беда!
Однажды я крепко уснула.
Вдруг слышу я голос Сергея (в ночи,
Почти на рассвете то было):
"Вставай! Поскорее найди мне ключи!
Камин затопи!" Я вскочила...
Взглянула: встревожен и бледен он был.
Камин затопила я живо.
Из ящичков муж мой бумаги сносил
К камину – и жег торопливо.
Иные прочитывал бегло, спеша,
Иные бросал не читая.
И я помогала Сергею, дрожа
И глубже в огонь их толкая...
Потом он сказал: "Мы поедem сейчас",
Волос моих нежно касаясь.
Всё скоро уложено было у нас,
И утром, ни с кем не прощаясь,
Мы тронулись в путь. Мы скакали три дня,
Сергей был угрюм, торопился,
Довез до отцовской усадьбы меня
И тотчас со мною простился.

"Уехал!.. Что значила бледность его
и всё, что в ту ночь совершилось?
Зачем не сказал он жене ничего?
Недоброе что-то случилось!"
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнения душу терзали:
"Уехал, уехал! опять я одна!.."
Родные меня утешали,
Отец торопливость его объяснял
Каким-нибудь делом случайным:
"Куда-нибудь сам император послал
Его с поручением тайным,
Не плачь! Ты походы делила со мной,
Превратности жизни военной
Ты знаешь; он скоро вернется домой!
Под сердцем залог драгоценный
Ты носишь: теперь ты беречься должна!
Всё кончится ладно, родная;
Жена муженька проводила одна,
А встретит, ребенка качая!.."

Увы! предсказанье его не сбылось!
Увидеться с бедной женою
И с первенцем сыном отцу довелось
Не здесь – не под кровлей родною!

Как дорого стоил мне первенец мой!
Два месяца я прохворала.
Измучена телом, убита душой,
Я первую няню узнала.
Спросила о муже. – "Еще не бывал!"
– "Писал ли?" – "И писем нет даже".
– "А где мой отец?" – "В Петербург ускакал".
– "А брат мой?" – "Уехал туда же".

"Мой муж не приехал, нет даже письма,
И брат и отец ускакали, –
Сказала я матушке: – Еду сама!
Довольно, довольно мы ждали!"
И как ни старалась упрашивать дочь
Старушка, я твердо решилась;
Припомнила я ту последнюю ночь
И всё, что тогда совершилось,
И ясно сознала, что с мужем моим
Недоброе что-то творится...

Стояла весна, по разливам речным
Пришлось черепахой тащиться.

Доехала я чуть живая опять.
"Где муж мой" – отца я спросила.
"В Молдавию муж твой ушел воевать".
– "Не пишет он?.." Глянул уныло
И вышел отец... Недоволен был брат,
Прислуга молчала, вздыхая.
Заметила я, что со мною хитрят,
Заботливо что-то скрывая;
Ссылаясь на то, что мне нужен покой,
Ко мне никого не пускали,
Меня окружили какой-то стеной,
Мне даже газет не давали!
Я вспомнила: много у мужа родных,
Пишу – отвечать умоляю.
Проходят недели, – ни слова от них!
Я плачу, я силы теряю...

Нет чувства мучительней тайной грозы.
Я клятвой отца уверяла,
Что я не пролью ни единой слезы, –
И он, и кругом всё молчало!

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Любя, меня мучил мой бедный отец;

Жалея, удвоивал горе...

Узнала, узнала я всё наконец!..

Прочла я в самом приговоре,

Что был заговорщиком бедный Сергей:

Стояли они настороже,

Готовя войска к низверженью властей.

В вину ему ставилось тоже,

Что он... Закружилась моя голова...

Я верить глазам не хотела...

"Ужели?.." В уме не вязались слова:

Сергей – и бесчестное дело!

Я помню, сто раз я прочла приговор,

Вникая в слова роковые.

К отцу побежала, – с отцом разговор

Меня успокоил, родные!

С души словно камень тяжелый упал.

В одном я Сергея винила:

Зачем он жене ничего не сказал?

Подумав, и то я простила:

"Как мог он болтать? Я была молода,

Когда ж он со мной расставался,

Я сына под сердцем носила тогда:

За мать и дитя он боялся!–

Так думала я. – Пусть беда велика,

Не всё потеряла я в мире.

Сибирь так ужасна, Сибирь далека,

Но люди живут и в Сибири!.."

Всю ночь я горела, мечтая о том,

Как буду лелеять Сергея.

Под утро глубоким, крепительным сном

Уснула, – и встала бодрее.

Поправилось скоро здоровье мое,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Приятелиниц я повидала,

Нашла я сестру, – расспросила ее
и горького много узнала!
Несчастные люди!.. "Всё время Сергей
(Сказала сестра) содержался
в тюрьме; не видал ни родных, ни друзей..
Вчера только с ним повидался
Отец. Повидаться с ним можешь и ты:
Когда приговор прочитали,
Одели их в рубище, сняли кресты,
Но право свиданья им дали!.."

Подробностей ряд пропустила я тут..
Оставив следы роковые,
Доныне о мщеньи они вопиют..
Не найдите их лучше, родные.

я в крепость поехала к мужу с сестрой,
Пришли мы сперва к "генералу",
Потом нас привел генерал пожилой
в обширную, мрачную залу.
"Дождитесь, княгиня! мы будем сейчас!"
Раскланявшись вежливо с нами,
Он вышел. С дверей не спускала я глаз.
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдали,
За ними я мыслью летела.
Мне чудилось: связку ключей принесли,
И ржавая дверь заскрипела.
В угрюмой каморке с железным окном
Измученный узник томился.
"Жена к вам приехала!.." Бледным лицом,
Он весь задрожал, оживился:
"Жена!.." Коридором он быстро бежал,
Довериться слуху не смея..

"Вот он!" – громогласно сказал генерал,
И я увидела Сергея...

Недаром над ним пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно бледно, глаза
Не так уже ярко светились,
Но больше в них было, чем в прежние дни,
Той тихой, знакомой печали;
С минуту пытливо смотрели они
И радостно вдруг заблистали,
Казалось он в душу мою заглянул..
Я горько, припав к его груди,
Рыдала... Он обнял меня и шепнул:
"Здесь есть посторонние люди".
Потом он сказал, что полезно ему
Узнать добродетель смиренья,
Что, впрочем, легко переносит тюрьму,
И несколько слов одобренья
Прибавил... По комнате важно шагал
Свидетель – нам было неловко..
Сергей на одежду свою показал:
"Поздравь меня, Маша, с обновкой, –
И тихо прибавил: – Пойми и прости", –
Глаза засверкали слезою,
Но тут соглядатай успел подойти,
Он низко поник головою.
Я громко сказала: "Да, я не ждала
Найти тебя в этой одежде".
И тихо шепнула: "Я всё поняла.
Люблю тебя больше, чем прежде.."
– "Что делать? И в каторге буду я жить
(Покуда мне жизнь не наскучит)".
– "Ты жив, ты здоров, так о чем же тужить?"

"Так вот ты какая!" – Сергей говорил,
Лицо его весело было..
Он вынул платок, на окно положил,
И рядом я свой положила,
Потом, расставаясь, Сергеев платок
Взяла я – мой мужу остался..
Нам после годичной разлуки часок
Свиданья короток казался,
Но что ж было делать! Наш срок миновал –
Пришлось бы другим дожидаться..
В карету меня посадил генерал,
Счастливо желал оставаться..

Великую радость нашла я в платке:
Целуя его, увидала
Я несколько слов на одном уголке;
Вот что я, дрожа, прочитала:
"Мой друг, ты свободна. Пойми – не пеняй!
Душевно я бодр и – желаю
Жену мою видеть такой же. Прощай!
Малютке поклон посылаю.."

Была в Петербурге большая родня
У мужа; всё знать – да какая!
Я ездила к ним, волновалась три дня,
Сергея спасти умоляя.
Отец говорил: "что ты мучишься, дочь?
я всё испытал – бесполезно!"
И правда: они уж пытались помочь,
Моля императора слезно,
Но просьбы до сердца его не дошли..,
я с мужем еще повидалась,
И время пришло: его увезли!..
Как только одна я осталась,

я тотчас послышала в сердце моем,
что надо и мне торопиться,
Мне душен казался родительский дом,
и стала я к мужу проситься.

Теперь расскажу вам подробно, друзья,
мою роковую победу.

Вся дружно и грозно восстала семья,
когда я сказала: "я еду!"

Не знаю, как мне удалось устоять,
чего натерпелась я... Боже!..

Была из-под Киева вызвана мать,
и братья приехали тоже:

отец "образумить" меня приказал.

они убеждали, просили.

но волю мою сам господь подкреплял,
их речи ее не сломили!

а много и горько поплакать пришлось...

когда собрались мы к обеду,

отец мимоходом мне бросил вопрос:

"на что ты решилась?" – "я еду!"

отец промолчал... промолчала семья...

я вечером горько всплакнула,

качая ребенка, задумалась я...

вдруг входит отец, – я вздрогнула.

ждала я грозы, но, печален и тих,

сказал он сердечно и кротко:

"за что обижаешь ты кровных родных?

что будет с несчастным сироткой?

что будет с тобою, голубка моя?

там нужно не женскую силу!

напрасна великая жертва твоя,

найдешь ты там только могилу!"

и ждал он ответа, и взгляд мой ловил,

"Я сам виноват! я тебя погубил! -
Воскликнул он вдруг, негодуя. -
Где был мой рассудок? Где были глаза!
Уж знала вся армия наша..."
И рвал он седые свои волоса:
"Прости! не казни меня, Маша!
Останься!.." И снова молил горячо..
Бог знает, как я устояла!
Припав головою к нему на плечо,
"Поеду!" - я тихо сказала...

"Посмотрим!.." И вдруг распрявился старик,
Глаза его гневом сверкали:
"Одно повторяет твой глупый язык:
"Поеду!" Сказать не пора ли,
Куда и зачем? Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!
Умеет ли думать твоя голова?
Врагами ты, что ли, считаешь
И мать, и отца? Или глупы они..
Что споришь ты с ними, как с ровней?
Поглубже ты в сердце свое загляни,
Вперед посмотри хладнокровней,
Подумай!.. Я завтра увижусь с тобой..."

Ушел он, грозящий и гневный,
А я, чуть жива, пред иконой святой
Упала - в истоме душевной...

Глава 3

"Подумай!.." Я целую ночь не спала,
Молилась и плакала много.
Я божию мать на помощь звала,
Совета просила у бога,
Я думать училась: отец приказал

Подумать... нелегкое дело!

Давно ли он думал за нас – и решал,

И жизнь наша мирно летела?

Училась я много; на трех языках

читала. Заметна была я

В парадных гостиных, на светских балах,

Искусно танцуя, играя;

Могла говорить я почти обо всем,

Я музыку знала, я пела,

Я даже отлично скакала верхом,

Но думать совсем не умела.

Я только в последний, двадцатый мой год

Узнала, что жизнь не игрушка,

Да в детстве, бывало, сердечко вздрогнет,

Как грянет нечаянно пушка.

Жилось хорошо и привольно; отец

Со мной не говаривал строго;

Осьмнадцати лет я пошла под венец

И тоже не думала много...

В последнее время моя голова

Работала сильно, пылала;

Меня неизвестность томила сперва.

Когда же беду я узнала,

Бессменно стоял предо мною Сергей,

Тюрьмою измученный, бледный,

И много неведомых прежде страстей

Посеял в душе моей бедной.

Я всё испытала, а больше всего

жестокое чувство бессилья.

Я небо и сильных людей за него

Молила – напрасны усилья!

И гнев мою душу больную палил,

И я волновалась нестройно,

Рвалась, проклинала... но не было сил
Ни времени думать спокойно.

Теперь непременно я думать должна –
Отцу моему так угодно.
Пусть воля моя неизменно одна,
Пусть всякая дума бесплодна,
Я честно исполнить отцовский приказ
Решилась, мои дорогие.

Старик говорил: "Ты подумай о нас,
Мы люди тебе не чужие:
И мать, и отца, и дитя, наконец, –
Ты всех безрассудно бросаешь,
За что же?" – "Я долг исполняю, отец!"
– "За что ты себя обрекаешь
На муку?" – "Не буду я мучиться там!
Здесь ждет меня страшная мука.
Да если останусь, послушная вам,
Меня истерзает разлука.
Не зная покою ни ночью, ни днем,
Рыдая над бедным сироткой,
Всё буду я думать о муже моем
Да слышать упрек его кроткий.
Куда ни пойду я – на лицах людей
Я свой приговор прочитаю:
В их шепоте – повесть измены моей.
В улыбке укор угадаю:
Что место мое не на пышном балу,
А в дальней пустыне угрюмой,
Где узник усталый в тюремном углу
Терзается лютою думой,
Один... без опоры... Скорее к нему!
Там только вздохну я свободно.
Делила с ним радость, делить и тюрьму

Должна я... Так небу угодно!..

Простите, родные! Мне сердце давно

Мое предсказало решение.

И верю я твердо: от бога оно!

А в вас говорит – сожаленье.

Да, ежели выбор решить я должна

Меж мужем и сыном – не боле,

Иду я туда, где я больше нужна,

Иду я к тому, кто в неволе!

Я сына оставлю в семействе родном,

Он скоро меня позабудет.

Пусть дедушка будет малютке отцом,

Сестра ему матерью будет.

Он так еще мал! А когда подрастет

И страшную тайну узнает,

Я верю: он матери чувство поймет

И в сердце ее оправдает!

Но если останусь я с ним... и потом

Он тайну узнает и спросит:

"Зачем не пошла ты за бедным отцом?.." –

И слово укора мне бросит?

О, лучше в могилу мне заживо лечь,

Чем мужа лишить утешенья

И в будущем сына презренье навлечь. ..

Нет, нет! не хочу я презренья!..

А может случиться – подумать боюсь! –

я первого мужа забуду,

Условиям новой семьи подчинюсь

И сыну не матерью буду,

А мачехой лютой?.. Горю от стыда. ..

Прости меня, бедный изгнанник!

Тебя позабыть! никогда! никогда!

Отец! ты не знаешь, как дорог он мне!

Его ты не знаешь! Сначала,
В блестящем наряде, на гордом коне,
Его пред полком я видала;
О подвигах жизни его боевой
Рассказы товарищей боя
Я слушала жадно – и всею душой
Я в нем полюбила героя. ..

Позднее я в нем полюбила отца
Малютки, рожденного мною.
Разлука тянулась меж тем без конца.
Он твердо стоял под грозой. ..
Вы знаете, где мы увиделись вновь –
Судьба свою волю творила! –
Последнюю, лучшую сердца любовь
В тюрьме я ему подарила!

Напрасно чернила его клевета,
Он был безупречней, чем прежде,
И я полюбила его, как Христа. ..
В своей арестантской одежде
Теперь он бесслезно стоит предо мной,
Величием кротким сияя.
Терновый венец над его головой,
Во взоре любовь неземная..

Отец мой! должна я увидеть его..
Умру я, тоскуя по муже..
Ты, долгу служа, не щадил ничего
И нас научил ты тому же. ..
Герой, выводивший своих сыновей
Туда, где смертельней сраженье, –
Не верю, чтоб дочери бедной своей

--

Вот что я подумала в долгую ночь,
И так я с отцом говорила...
Он тихо сказал: "Сумасшедшая дочь! " -
И вышел: молчали уныло
И братья, и мать... Я ушла наконец...
Тяжелые дни потянулись:
Как туча ходил недовольный отец,
Другие домашние дулись.
Никто не хотел ни советом помочь,
Ни делом; но я не дремала,
Опять провела я бессонную ночь:
Письмо к государю писала
(В то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую
С дороги велел государь. Испытать
Боялась я участь такую,
Но слух был неверен). Письмо отвезла
Сестра моя, Катя Орлова.
Сам царь отвечал мне... Спасибо, нашла
В ответе я доброе слово!
Он был элегантен и мил (Николай
Писал по-французски). Сначала
Сказал государь, как ужасен тот край,
Куда я поехать желала,
Как грубы там люди, как жизнь тяжела,
Как возраст мой хрупок и нежен;
Потом намекнул (я не вдруг поняла)
На то, что возврат безнадежен;
А дальше – изволил хвалою почтить
Решимость мою, сожалея,
Что, долгу покорный, не мог пощадить

Противиться чувствам высоким таким,
Давал он свое позволение;
Но лучше желал бы, чтоб с сыном моим
Осталась я дома...

Волненье
Меня охватило. "Я еду!" Давно
Так радостно сердце не билось..
"Я еду! я еду! Теперь решено!.."
Я плакала, жарко молилась...

В три дня я в далекий мой путь собралась,
Всё ценное я заложила,
Надежную шубой, бельем запаслась,
Простую кибитку купила.
Родные смотрели на сборы мои,
Загадочно как-то вздыхая;
Отъезду не верил никто из семьи..
Последнюю ночь провела я
С ребенком. Нагнувшись над сыном моим,
Улыбку малютки родного
Запомнить старалась; играла я с ним
Печатью письма рокового.
Играла и думала: "Бедный мой сын!
Не знаешь ты, чем ты играешь!
Здесь участь твоя: ты проснешься один,
Несчастный! Ты мать потеряешь!"
И в горе упав на ручонки его
Лицом, я шептала, рыдая:
"Прости, что тебя, для отца твоего,
Мой бедный, покинуть должна я..."

А он улыбался: не думал он спать,
Любуясь красивым пакетом;
Большая и красная эта печать

С рассветом

Спокойно и крепко заснуло дитя,

И щечки его заалели.

С любимого личика глаз не сводя,

Молясь у его колыбели,

Я встретила утро...

Я вмиг собралась.

Сестру заклинала я снова

Быть матерью сыну... Сестра поклялась...

Кибитка была уж готова.

Сурово молчали родные мои,

Прощание было немое.

Я думала: "Я умерла для семьи,

Всё милое, всё дорогое

Теряю... нет счета печальных потерь!.."

Мать как-то спокойно сидела,

Казалось, не веря еще и теперь,

Чтоб дочка уехать посмела,

И каждый с вопросом смотрел на отца.

Сидел он поодаль понуро,

Не молвил словечка, не поднял лица, -

Оно было бледно и хмуро.

Последние вещи в кибитку снесли,

Я плакала, бодрость теряя,

Минуты мучительно медленно шли...

Сестру наконец обняла я

И мать обняла. "Ну, господь вас хранит!" -

Сказала я, братьев целуя.

Отцу подражая, молчали они...

Старик поднялся, негодуя,

По сжатым губам, по морщинам чела

Ходили зловещие тени...

Я молча ему образок подала

и стала пред ним на колени:

"Я еду! хоть слово, хоть слово, отец!

Прости свою дочь, ради бога!.."

Старик на меня поглядел наконец

Задумчиво, пристально, строго

И, руки с угрозой подняв надо мной,

Чуть слышно сказал (я дрожала):

"Смотри, через год возвращайся домой,

Не то – прокляну!.."

Я упала...

Глава 4

"Довольно, довольно объятий и слез!"

Я села – и тройка помчалась.

"Прощайте, родные!" В декабрьский мороз

Я с домом отцовским рассталась

И мчалась без отдыху с лишком три дня;

Меня быстрота увлекала,

Она была лучшим врачом для меня...

Я скоро в Москву прискакала,

К сестре Зинаиде. Мила и умна

Была молодая княгиня,

Как музыку знала! Как пела она!

Искусство ей было святыня.

Она нам оставила книгу новелл,

Исполненных грации нежной,

Поэт Веневитинов стансы ей пел,

Влюбленный в нее безнадежно;

В Италии год Зинаида жила

И к нам – по сказанью поэта –

"Цвет южного неба в очах принесла".

Царица московского света,

Она не чуждалась артистов, – житье

Им было у Зины в гостинной;

И Северной звали Коринной...

Поплакали мы. По душе ей была
Решимость моя роковая:
"Крепись, моя бедная! будь весела!
Ты мрачная стала такая.
Чем мне эти темные тучи прогнать?
Как мы распростимся с тобою?
А вот что! ложись ты до вечера спать,
А вечером пир я устрою.
Не бойся! всё будет во вкусе твоём,
Друзья у меня не повесы,
Любимые песни твои мы споем,
Сыграем любимые пьесы..."
И вечером весть, что приехала я,
В Москве уже многие знали.
В то время несчастные наши мужья
Вниманье Москвы занимали:
Едва огласилось решение суда,
Всем было неловко и жутко,
В салонах Москвы повторялась тогда
Одна ростопчинская шутка:
"В Европе сапожник, чтоб барином стать,
Бунтует, – понятное дело!
У нас революцию сделала знать:
В сапожники, что ль, захотела?..."
И сделалась я "героинею дня".
Не только артисты, поэты –
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадные, цугом кареты
Гремели; напудрив свои парики,
Потемкину ровня по летам,
Явились былые тузы-старики

Старушки, статс-дамы бывшего двора,
В объятья меня заключали:
"Какое геройство!.. Какая пора!.." –
И в такт головами качали.

Ну, словом, что было в Москве повидней,
Что в ней мимоездом гостило,
Всё вечером съехалось к Зине моей:
Артистов тут множество было,
Певцов-итальянцев тут слышала я,
Что были тогда знамениты,
Отца моего сослуживцы, друзья
Тут были, печалью убиты.
Тут были родные ушедших туда,
Куда я сама торопилась,
Писателей группа, любимых тогда.
Со мной дружелюбно простилась:
Тут были Одоевский, вяземский; был
Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кухни, что рано почил,
Безвременно взятый могилой.
И Пушкин тут был... Я узнала его..
Он другом был нашего детства,
В Юрзуфе он жил у отца моего,
В ту пору проказ и кокетства
Смеялись, болтали мы, бегали с ним,
Бросали друг в друга цветами.
Всё наше семейство поехало в Крым,
И Пушкин отправился с нами.
Мы ехали весело. Вот наконец
И горы, и Черное море!
Велел постоять экипажам отец,
Гуляли мы тут на просторе.

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Тогда уже был мне шестнадцатый год.

Гибка, высока не по летам,
Покинув семью, я стрелюю вперед
Умчалась с курчавым поэтом;
Без шляпки, с распущенной длинной косой;
Полуденным солнцем палима,
Я к морю летела, – и был предо мной
Вид южного берега Крыма!
Я радостным взором глядела кругом,
Я прыгала, с морем играла;
Когда удалялся прилив, я бегом
До самой воды добегала,
Когда же прилив возвращался опять
И волны грядой подступали,
От них я спешила назад убежать,
А волны меня настигали!..

И Пушкин смотрел... и смеялся, что я
Ботинки мои промочила.
"Молчите! идет гувернантка моя!" –
Сказала я строго. (Я скрыла,
Что ноги промокли)... Потом я прочла
В "Онегине" чудные строки.
Я вспыхнула вся – я довольна была...
Теперь я стара, так далеки
Те красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкин в то время казался
Влюбленным в меня... но, по правде сказать,
В кого он тогда не влюблялся!
Но, думаю, он не любил никого
Тогда, кроме музыки: едва ли
Не больше любви занимали его
Волнения ее и печали...
Юрзуф живописен: в роскошных садах
Долины его потонули,

У ног его море, вдали Аюдаг...
Татарские хижины льнули
К подножию скал; виноград выбегал
На кручу лозой отягченной,
И тополь местами недвижно стоял
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт наверху приютился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,
Что в море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по дням
И были всегда одиноки,
Он у моря часто бродил по ночам.
По-английски брал он уроки
У Лены, сестры моей: Байрон тогда
Его занимал чрезвычайно.
Случалось сестре перевести иногда
Из Байрона что-нибудь – тайно;
Она мне читала попытки свои,
А после рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэт подобрал лоскутки под окном
И вывел всё дело на сцену.
Хваля переводы, он долго потом
Конфузил несчастную Лену...
Окончив занятия, спускался он вниз
И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом,
Под ним заставлял его часто рассвет,
Он с ним, уезжая, прощался...
И мне говорили, что Пушкина след
В туземной легенде остался:

"К поэту летал соловей по ночам,
Как в небо луна выплывала,
И вместе с поэтом он пел – и, певцам
Внимая, природа смолкала!
Потом соловей – повествует народ –
Летал сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовет
К забытому другу поэта!
Но умер поэт – прилетать перестал
Пернатый певец... Полный горя,
С тех пор кипарис сиротою стоял,
Внимая лишь ропоту моря.."
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,
Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают...

Печальна была наша встреча. Поэт
подавлен был истинным горем.
Припомнил он игры ребяческих лет
в далеком Юрзуфе, над морем.
Покинув привычный насмешливый тон,
С любовью, с тоской бесконечной,
С участием брата напутствовал он
Подругу той жизни беспечной!
Со мной он по комнате долго ходил,
Судьбой озабочен моею,
Я помню, родные, что он говорил,
Да так передать не сумею:
"Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смелым терпением богаты,
Пусть мирно свершится ваш путь роковой,
Пусть вас не смущают утраты!
Поверьте, душевной такой чистоты

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Не стоит сей свет ненавистный!

Блажен, кто меняет его суеты
На подвиг любви бескорыстной!
Что свет? опостылевший всем маскарад!
В нем сердце черствеет и дремлет,
В нем царствует вечный, рассчитанный хлад
И пылкую правду объемлет...

Вражда умирится влияньем годов,
Пред временем рухнет преграда,
И вам возвратятся пенаты отцов
И сени домашнего сада!
Целебно вольется в усталую грудь
Долины наследственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.
Да, верю! не долго вам горе терпеть,
Гнев царский не будет же вечным..
Но если придется в степи умереть,
Помянут вас словом сердечным:
Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу
И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу!

Умрете, но ваших страданий рассказ
Пойдется живыми сердцами,
И за полночь правнуки ваши о вас
Беседы не кончат с друзьями.
Они им покажут, вздохнув от души,
Черты незабвенные ваши,
И в память прабабки, погибшей в глуши,
Осушатся полные чаши!..
Пускай долговечнее мрамор могил,
Чем крест деревянный в пустыне,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Но мир Долгорукой еще не забыл,

А Бирона нет и в помине.

Но что я?.. Дай бог вам здоровья и сил!

А там и увидеться можно:

Мне царь "Пугачева" писать поручил,

Пугач меня мучит безбожно,

Расправиться с ним я на славу хочу,

Мне быть на Урале придется.

Поеду весной, поскорей захвачу,

Что путного там соберется,

Да к вам и махну, переехав Урал..."

Поэт написал "Пугачева",

Но в дальние наши снега не попал.

Как мог он сдержать это слово?

--

я слушала музыку, грусти полна,

я пению жадно внимала;

Сама я не пела, - была я больна,

я только других умоляла:

"Подумайте: я уезжаю с зарей...

О, пойте же, пойте! играйте!...

Ни музыки я не услышу такой,

Ни песни... Наслушаться дайте!..."

И чудные звуки лились без конца!

Торжественной песней прощальной

Окончился вечер, - не помню лица

Без грусти, без думы печальной!

Черты неподвижных, суровых старух

Утратили холод надменный,

И взор, что, казалось, навеки потух,

Светиться слезой умиленной...

Артисты старались себя превзойти,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Не знаю я песни прелестней

Той песни-молитвы о добром пути,
Той богословляющей песни...
О, как вдохновенно играли они!
Как пели!.. и плакали сами...
И каждый сказал мне: "Господь вас храни!" -
Прощаясь со мной со слезами...

Глава 5

Морозно. Дорога бела и гладка,
Ни тучи на всем небосклоне...
Обмерзли усы, борода ямщика,
Дрожит он в своем балахоне.
Спина его, плечи и шапка в снегу,
Хрипит он, коней понукая,
И кашляют кони его на бегу,
Глубоко и трудно вздыхая...

Обычные виды: былая краса
Пустынного русского края,
Угрюмо шумят строевые леса,
Гигантские тени бросая;
Равнины покрыты алмазным ковром,
Деревни в снегу потонули,
Мелькнул на пригорке помещичий дом,
Церковные главы блеснули...

Обычные встречи: обоз без конца,
Толпа богомолков старушек,
Гремящая почта, фигура купца
На груди перин и подушек;
Казенная фура! с десятков подвод:
Навалены ружья и ранцы.
Солдатики! Жидкий, безусый народ,
Должно быть, еще новобранцы;
Сынков провожают отцы-мужики

Да матери, сестры и жены.

"Уводят, уводят сердечных в полки!" –

Доносятся горькие стоны...

Подняв кулаки над спиной ямщика,

Неистово мчится фельдъегерь.

На самой дороге догнав русака,

Усатый помещичий егерь

Махнул через ров на проворном коне,

Добычу у псов отбивает.

Со всей своей свитой стоит в стороне

Помещик – борзых подзывает...

Обычные сцены: на станциях ад –

Ругаются, спорят, толкуются.

"Ну, трогай!" Из окон ребята глядят,

Попы у харчевни дерутся;

У кузницы бьется лошадка в станке,

Выходит весь сажей покрытый

Кузнец с раскаленной подковой в руке:

"Эй, парень, держи ей копыты!.."

В Казани я сделала первый привал,

На жестком диване уснула;

Из окон гостиницы видела бал

И, каюсь, глубоко вздохнула!

Я вспомнила: час или два с небольшим

Осталось до Нового года.

"Счастливые люди! как весело им!

У них и покой, и свобода,

Танцуют, смеются!... а мне не знавать

Веселья... я еду на муки!.."

Не надо бы мыслей таких допускать,

Да молодость, молодость, внуки!

Здесь снова пугали меня Трубецкой,

что будто ее воротили:

"Но я не боюсь – позволение со мной!"

Часы уже десять пробили.

Пора! я оделась. "Готов ли ящик?"

– "Княгиня, вам лучше дождаться

Рассвета, – заметил смотритель-старик. –

Метель начала подыматься!"

– "Ах, то ли придется еще испытать!

Поеду. Скорей, ради бога!.."

Звенит колокольчик, ни зги не видать,

что дальше, то хуже дорога,

Поталкивать начало сильно в бока,

Какими-то едем грядями,

Не вижу я даже спины ящика:

Бугор намело между нами.

Чуть-чуть не упала кибитка моя,

Шарахнулась тройка и стала.

Ящик мой заохал: "Докладывал я:

Пождать бы! дорога пропала!..."

Послала дорогу искать ящика,

Кибитку рогожей закрыла,

Подумала: верно, уж полночь близка,

Пружинку часов подавила:

Двенадцать ударило! Кончился год,

и новый успел народиться!

Откинув циновку, гляжу я вперед –

По-прежнему вьюга крутится.

Какое ей дело до наших скорбей,

до нашего нового года?

и я равнодушна к тревоге твоей

и к стонам твоим, непогода!

Своя у меня роковая тоска,

и с ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ямщика.
"Зимовка тут есть недалеко, –
Сказал он, – рассвета дождемся мы в ней!"
Подъехали мы, разбудили
Каких-то убогих лесных сторожей,
Их дымную печь затопили.
Рассказывал ужасы житель лесной,
Да я его сказки забыла..
Согрелись мы чаем. Пора на покой!
Метель всё ужаснее выла.
Лесник покрестился, ночник погасил
И с помощью пасынка Феди
Огромных два камня к дверям привалил.
"Зачем?" – "Одолели медведи!"

Потом он улегся на голом полу,
Всё скоро уснуло в сторожке,
Я думала, думала... лежа в углу
На мерзлой и жесткой рогожке..
Сначала веселые были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цветы,
Подарки, задравные чаши,
И шумные речи, и ласки... кругом
Всё милое, всё дорогое –
Но где же Сергей?.. И подумав о нем,
Забыла я всё остальное!

Я живо вскочила, как только ямщик
Продрогший в окно постучался.
Чуть свет на дорогу нас вывел лесник,
Но деньги принять отказался.
"Не надо, родная! Бог вас защити,
Дороги-то дальше опасны!"

И сделались скоро ужасны.
Совсем я закрыла кибитку мою –
И темно, и страшная скука!
Что делать? Стихи вспоминаю, пою,
Когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет
И путь мой заносят метели,
А все-таки я продвигаюсь вперед!
Так ехала я три недели...

Однажды, заслышав какой-то содом,
Циновку мою я открыла,
Взглянула: мы едем обширным селом,
Мне сразу глаза ослепило:
Пылали костры по дороге моей..
Тут были крестьяне, крестьянки,
Солдаты и – целый табун лошадей..
"Здесь станция: ждут серебрянки, –
Сказал мой ящик, – Мы увидим ее,
Она, чай, идет недалече..."

Сибирь высылала богатство свое,
Я рада была этой встрече:
"Дождись серебрянки! Авось что-нибудь
О муже, о наших узнаю.
При ней офицер, из Нерчинска их путь..."
В харчевне сижу, поджидаю..
Вошел молодой офицер; он курил,
Он мне не кивнул головою,
Он как-то надменно глядел и ходил,
И вот я сказала с тоскою:
"Вы видели, верно... известны ли вам
Те... жертвы декабрьского дела..
Здоровы они? Каково-то им там?"

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
О муже я знать бы хотела..."

Нахально ко мне повернул он лицо –
Черты были злы и суровы –
И, выпустив изо рту дыму кольцо,
Сказал: "Несомненно здоровы,
Но я их не знаю – и знать не хочу,
Я мало ли каторжных видел!.."
Как больно мне было, родные! Молчу...
Несчастный! меня же обидел!
Я бросила только презрительный взгляд,
С достоинством юноша вышел...
У печки тут грелся какой-то солдат,
Проклятье мое он услышал
И доброе слово – не варварский смех –
Нашел в своем сердце солдатском:
"Здоровы! – сказал он, – я видел их всех,
Живут в руднике Благодатском!.."
Но тут возвратился надменный герой,
Поспешно ушла я в кибитку.
"Спасибо, солдатик! спасибо, родной!
Недаром я вынесла пытку!"

Поутру на белые степи гляжу,
Послышался звон колокольный,
Тихонько в убогую церковь вхожу,
Смешалась с толпой богомольной.
Отслушав обедню, к попу подошла,
Молебен служить попросила...
Всё было спокойно – толпа не ушла...
Совсем меня горе сломило!
За что мы обижены столько, Христос?
За что поруганьем покрыты?
И реки давно накопившихся слез
Упали на жесткие плиты!

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Казалось, народ мою грусть разделял,

Молясь молчаливо и строго,
и голос священника скорбью звучал,
Прозя об изгнанниках бога...
Убогий, в пустыне затерянный храм!
В нем плакать мне было не стыдно,
Участье страдальцев, молящихся там,
Убитой душе необходимо...

(Отец Иоанн, что молебен служил
и так непритворно молился,
Потом в каземате священником был
и с нами душой породнился.)

А ночью ямщик не сдержал лошадей,
Гора была страшно крутая,
и я полетела с кибиткой моей
С высокой вершины Алтая!

В Иркутске проделали то же со мной,
Чем там Трубецкую терзали...
Байкал. Переправа – и холод такой,
что слезы в глазах замерзали.
Потом я рассталась с кибиткой моей
(Пропала санная дорога).
Мне жаль ее было: я плакала в ней
и думала, думала много!

Дорога без снегу – в телеге! Сперва
Телега меня занимала,
Но вскоре потом, ни жива, ни мертва,
я прелесть телеги узнала.
Узнала и голод на этом пути.
К несчастью, мне не сказали,
что тут ничего невозможно найти,
Тут почту бурята держали.

Да греются чаем кирпичным,
И тот еще с салом! Господь сохрани
Попробовать вам, непривычным!
Зато под Нерчинском мне задали бал:
Какой-то купец тороватый
В Иркутске заметил меня, обогнал
И в честь мою праздник богатый
Устроил... Спасибо! я рада была
И вкусным пельменям, и бане...
А праздник как мертвая весь проспала
В гостиной его на диване...

Не знала я, что впереди меня ждет!
Я утром в Нерчинск прискакала,
Не верю глазам, – Трубецкая идет!
"Догнала тебя я, догнала!"
– "Они в Благодатске!" – я бросилась к ней,
Счастливые слезы роняя...
В двенадцати только верстах мой Сергей,
И Катя со мной Трубецкая!

Глава 6

Кто знал одиночество в дальнем пути,
Чьи спутники – горе да вьюга,
Кому провиденьем дано обрести
В пустыне нежданно друга,
Тот нашу взаимную радость поймет...
"Устала, устала я, Маша!"
– "Не плачь, моя бедная Катя! Спасет
Нас дружба и молодость наша!
Нас жребий один неразрывно связал,
Судьба нас равно обманула,
И тот же поток твое счастье умчал,
В котором мое потонуло.

Пойдем же мы об руку трудным путем,
Как шли зеленеющем лугом,
И обе достойно свой крест понесем,
И будем мы сильны друг другом.
Что мы потеряли? подумай, сестра!
Игрушки тщеславья... Не много!
Теперь перед нами дорога добра,
Дорога избранников бога!
Найдем мы униженных, скорбных мужей,
Но будем мы им утешеньем,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страданье осилим терпеньем.
Опорою гибнущим, слабым, больным
Мы будем в тюрьме ненавистной,
И рук не положим, пока не свершим
Обета любви бескорыстной!..
Чиста наша жертва, – мы всё отдаем
Избранникам нашим и богу.
И верю я: мы невредимо пройдем
Всю трудную нашу дорогу..."

Природа устала с собой воевать –
День ясный, морозный и тихий.
Снега под Нерчинском явились опять,
В санях покатали мы лихо...
О ссыльных рассказывал русский ямщик
(Он знал по фамилии даже):
"На этих конях я возил их в рудник,
Да только в другом экипаже.
Должно быть, дорога легка им была:
Шутили, смешили друг дружку;
На завтрак ватрушку мне мать испекла,
Так я подарил им ватрушку,
Двугривенный дали – я брать не хотел:
– "Возьми, паренек, пригодится...""

Болтая, он живо в село прилетел.

"Ну, барыни, где становиться?"

– "Вези нас к начальнику прямо в острог".

– "Эй, други, не дайте в обиду!"

Начальник был тучен и, кажется, строг,

Спросил, по какому мы виду?

"В Иркутске читали инструкцию нам

И выслать в Нерчинск обещали..."

– "Застряла, застряла, голубушка, там!"

"Вот копия, нам ее дали..."

– "Что копия? с ней попадешься впросак!"

– "Вот царское вам позволение!"

Не знал по-французски упрямый чудак,

Не верил нам, – смех и мученье!

"Вы видите подпись царя: Николай?"

До подписи нет ему дела,

Ему из Нерчинска бумагу подай!

Поехать за ней я хотела,

Но он объявил, что отправится сам

И к утру бумагу добудет.

"Да точно ли?.." – "Честное слово! А вам

Полезнее выспаться будет!.."

И мы добрались до какой-то избы,

О завтрашнем утре мечтая;

С оконцем из слюды, низка, без трубы,

Была наша хата такая,

что я головою касалась стены,

А в дверь упиралась ногами;

Но мелочи эти нам были смешны,

Не то уж случилось с нами.

Мы вместе! теперь бы легко я снесла

И самые трудные муки...

Проснулась я рано, а Катя спала,
Пошла по деревне от скуки:
Избушки такие ж, как наша, числом
До сотни, в овраге торчали,
А вот и кирпичный с решетками дом!
При нем часовые стояли.
"Не здесь ли преступники?" – "Здесь, да ушли".
– "Куда?" – "На работу, вестимо!"
Какие-то дети меня повели...
Бежали мы все – нестерпимо
Хотелось мне мужа увидеть скорей;
Он близко! Он шел тут недавно!
"Вы видите их?" – я спросила детей.
"Да, видим! Поют они славно!
Вон дверца... Гляди же! Пойдем мы теперь,
Прощай!.." Убежали ребята...

И словно под землю ведущую дверь
Увидела я – и солдата.
Сурово смотрел часовой, – наголо
В руке его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здесь помогло,
Хоть золото я предлагала!
Быть может, вам хочется дальше читать,
Да просится слово из груди!
Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!
В дороге, в изгнанье, где я ни была,
Всё трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,

Ты любишь несчастного, русский народ!

Страдания нас породнили...

"Вас в каторге самый закон не спасет!"-

На родине мне говорили;

Но добрых людей я встречала и там,

На крайней ступени паденья,

Умели по-своему выразить нам

Преступники дань уваженья;

Меня с неразлучною Катей моей

Довольной улыбкой встречали:

"Вы – ангелы наши!" За наших мужей

Уроки они исполняли.

Не раз мне украдкой давал из полы

Картофель колодник клейменный:

"Покушай! горячий, сейчас из золы!"

Хорош был картофель печеный,

Но грудь и теперь занывает с тоски,

Когда я о нем вспоминаю...

Примите мой низкий поклон, бедняки!

Спасибо вам всем посылаю!

Спасибо!.. Считали свой труд ни во что

Для нас эти люди простые,

Но горечи в чашу не подлил никто,

Никто – из народа, родные!..

Рыданьям моим часовой уступил,

Как бога его я просила!

Светильник (род факела) он засветил,

В какой-то подвал я вступила

И долго спускались всё ниже; потом

Пошла я глухим коридором,

Уступами шел он; темно было в нем

И душно; где плесень узором

Лежала; где тихо струилась вода

И лужами книзу стекала.

Я слышала шорох; земля иногда
Комками со стен упала;
Я видела страшные ямы в стенах;
Казалось, такие ж дороги
От них начинались. Забыла я страх,
Проворно несли меня ноги!

И вдруг я услышала крики: "Куда,
Куда вы? Убиться хотите?
Ходить не позволено дамам туда!
Вернитесь скорей! Погодите!"
Беда моя! видно, дежурный пришел
(Его часовой так боялся)
Кричал он так грозно, так голос был зол,
Шум скорых шагов приближался..
Что делать? Я факел задула. Вперед
Впотьмах наугад побежала..
Господь, коли хочет, везде проведет!
Не знаю, как я не упала,
Как голову я не оставила там!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасных расселин, провалов и ям
Бог вывел меня невредимо:
Я скоро увидела свет впереди,
Там звездочка словно светилась..
И вылетел радостный крик из груди:
"Огонь!" я крестом осенилась..
Я сбросила шубу... Бегу на огонь,
Как бог уберег во мне душу!
Попавший в трясины испуганный конь
Так рвется, завидевши сушу..
И стало, родные, светлей и светлей!
Увидела я возвышенья:

Какая-то площадь... и тени на ней...
Чу... молот! работа, движенье...
Там люди! Увидят ли только они?
Фигуры отчетливей стали...
Всё ближе, сильней замелькали огни.
Должно быть, меня увидали...
И кто-то стоявший на самом краю
Воскликнул: "Не ангел ли божий?
Смотрите, смотрите!" – "Ведь мы не в раю:
Проклятая шахта похожей
На ад!" – говорили другие, смеясь.
И быстро на край выбегали,
И я приближалась поспешно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.

"Волконская!" – вдруг закричал Трубецкой
(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу; я поднялася стрелой!
Всё люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,
Борисовы, князь Оболенский...
Потоком сердечных, восторженных слов,
Похвал моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицам их, полным участия...
Но где же Сергей мой? "За ним уж пошли,
Не умер бы только от счастья!
Кончает урок: по три пуда руды
Мы в день достаем для России,
Как видите, нас не убили труды!"
Веселые были такие,
Шутили, но я под веселостью их
Печальную повесть читала
(Мне новостью были оковы на них

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
что их закуют – я не знала)...

Известьем о Кате, о милой жене,
утешила я Трубецкого;
Все письма, по счастью, были при мне,
С приветом из края родного
Спешила я их передать. Между тем,
Внизу офицер горячился:
"Кто лестницу принял? Куда и зачем
Смотритель работ отлучился?
Сударыня! Вспомните слово мое,
убьетесь!.. Эй, лестницу, черти!
живей!.." (но никто не подставил ее...)
"Убьетесь, убьетесь до смерти!
Извольте спуститься! да что ж вы?.." Но мы
всё в глубь уходили... Отсюда
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мне путь впереди,
Носилки свои предлагали...

Орудья подземных работ на пути,
Провалы, бугры мы встречали.
Работа кипела под звуки оков,
Под песни, – работа над бездной!
Стучались в упругую грудь рудников
И заступ и молот железный.
Там с ношею узник шагал по бревну,
Невольно кричала я: "Тише!"
Там новую мину вели в глубину,
Там люди карабкались выше
По шатким подпоркам... Какие труды!
Какая отвага!... Сверкали
Местами добытые глыбы руды
И щедрую дань обещали...

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Вдруг кто-то воскликнул: "Идет он! идет!"

Окинув пространство глазами,
я чуть не упала, рванувшись вперед, -
канавы была перед нами.
"Потише, потише! ужели затем
Вы тысячи верст пролетели, -
Сказал Трубецкой, - чтоб на горе нам всем
в канаве погибнуть - у цели?"
И за руку крепко меня он держал:
"что б было, когда б вы упали?"
Сергей торопился, но тихо шагал.
Оковы уныло звучали.
Да, цепи! Палач не забыл никого
(О, мстительный трус и мучитель!), -
Но кроток он был, как избравший его
Орудьем своим искупитель.
Пред ним расступались, молчанье храня,
Рабочие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: "маша!"
И стал, обессиленный словно, вдали...
Два ссыльных его поддержали.
По бледным щекам его слезы текли,
Простертые руки дрожали...

Душе моей милого голоса звук
Мгновенно послал обновленье,
Отраду, надежду, забвение мук,
Отцовской угрозы забвенье!
И с криком "иду!" я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом
Навстречу призывному звуку...
"Иду!.." посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое...

И я побежала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки,
И силу его... и готовность страдать!
Невольно пред ним я склонила
Колени, – и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

И тихого ангела бог ниспослал
В подземные копи, – в мгновенье
И говор, и грохот работ замолчал,
И замерло словно движенье,
Чужие, свои – со слезами в глазах,
Взволнованны, бледны, суровы,
Стояли кругом. На недвижных ногах
Не издали звука оковы,
И в воздухе поднятый молот застыл..
Всё тихо – ни песни, ни речи..
Казалось, что каждый здесь с нами делил
И горечь, и счастье встречи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна.

"Да где же вы все запропали?" –
Вдруг снизу донесся неистовый крик.
Смотритель работ появился.
"Уйдите! – сказал со слезами старик. –
Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранят!
Начальники люди крутые..."
И словно из рая спустилась я в ад..

И только... и только, родные!

По-русски меня офицер обругал

Внизу, ожидавший в тревоге,

А сверху мне муж по-французски сказал:

"Увидимся, Маша, – в остроге!.."

лето 1872

93. УТРО

Ты грустна, ты страдаешь душою:

Верю – здесь не страдать мудрено.

С окружающей нас нищетой

Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унылы и жалки

Эти пастбища, нивы, луга,

Эти мокрые, сонные галки,

Что сидят на вершине стога;

Эта кляча с крестьянином пьяным,

Через силу бегущая вскачь

В даль, сокрытую синим туманом,

Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и город богатый:

Те же тучи по небу бегут;

Жутко нервам – железной лопатой

Там теперь мостовую скребут.

Начинается всюду работа;

Возвестили пожар с каланчи;

На позорную площадь кого-то

Повезли – там уж ждут палачи.

Проститутка домой на рассвете

Поспешает, покинув постель;

Офицеры в наемной карете

Скачут за город: будет дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:
Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

Чу! из крепости грянули пушки!
Наводнение столице грозит...
Кто-то умер: на красной подушке
Первой степени Анна лежит.

Дворник вора колотит – попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем этаже раздался
Выстрел – кто-то покончил собой...

(1872 или 1873)

94. ДЕТСТВО
НЕОКОНЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

1

В первые годы младенчества
Помню я церковь убогую,
Стены ее деревянные,
Крышу неровную, серую,
Мохом зеленым поросшую.
Помню я горе отцовское:
Толки его с прихожанами,
Что угрожает обрушиться
Старое, ветхое здание.
Часто они совещались,
Как обновить отслужившую
Бедную церковь приходскую;
Поговорив, расходились,
Храм окружали подпорками,
И продолжалось служение.
В ветхую церковь бестрепетно
В праздники шли православные, –

Шли старики престарелые,
Шли малолетки беспечные,
Бабы с грудными младенцами.
В ней причащались, венчались,
В ней отпевали покойников...

Синее небо виднелось
В трещины старого купола,
Дождь иногда в эти трещины
Падал: по лицам молящихся
И по иконам угодников
Крупные капли струились.
Ими случайно омытые,
Обыкновенно чуть видные,
Темные лики святителей
Вдруг выступали... Боялась я, -
Словно в семью нашу мирную
Люди вошли незнакомые
С мрачными, строгими лицами...

То растворялось нечаянно
Ветром окошко непрочное,
И в заунывно-печальное
Пение гимна церковного
Звонкая песня вторгалась,
Полная горя житейского, -
Песня сурового пахаря!..

Помню я службу последнюю:
Гром загремел неожиданно,
Всё сотрясенное здание
Долго дрожало, готовое
Рухнуть: лампы горящие,
Паникадилы качались,
С звоном упали тяжелые

И растворилась безвременно
Дверь алтаря. Православные
В ужасе ниц преклонилися –
Божьего ждали решения!..

2

Ближе к дороге красивая,
Новая церковь кирпичная
Гордо теперь возвышается
И заслоняет развалины
Старой. Из ветхого здания
Взяли убранство убогое,
Вынесли утварь церковную,
Но до остатков строения
Руки мирян не коснулись.
Словно больной, от которого
Врач отказался, оставлено
Времени старое здание.
Ласточки там поселилися –
То вылетали оттудова,
То возвращались стремительно,
Громко приветствуя птенчиков
Звонким своим щебетанием...

В землю вращая медлительно,
Эти остатки убогие
Преобразились в развалины
Странные, чудно красивые.
Дверь завалилась, обрушился
Купол; оторваны бурею,
Ветхие рамы попадали;
Травами густо проросшие,
В зелени стены терялися,
И простирали в раскрытые

Ветви свои многолистые...

Их семена, занесенные
Ветром на крышу неровную,
Дали отростки: любила я
Эту березку кудрявую,
Что возвышалась там, стройная,
С бледно-зелеными листьями,
Точно вчера только ставшая
На ноги резвая девочка,
Что уж сегодня вскарабкалась
На высоту, – и бестрепетно
Смотрит оттуда, с смеющимся,
Смелым и ласковым личиком...

Птицы носились там стаями,
Там стрекотали кузнечики,
Да деревенские мальчики
И русокудрые девочки
Живмя там жили: по тропочкам
Между высокими травами
Бегали, звонко аукались,
Пели веселые песенки.
Так мое детство беспечное
Мирно летело... Играла я,
Помню, однажды с подругами
И набежала нечаянно
На полусгнившее дерево.
Пылью обдав меня, дерево
Вдруг подо мною рассыпалось:
Я провалилась в развалины,
Внутрь запустелого здания,
Где не бывала со времени
Службы последней...

Объятая

Трепетом, я огляделася:

Гнездышек ряд под карнизами,

Ласточки смотрят из гнездышек,

Словно кивают головками,

А по стенам молчаливые,

Строгие лица угодников...

Перекрестилась неволью я, -

Жутко мне было! дрожала я,

А уходить не хотелось.

Чудилось мне: наполняется

Церковь опять прихожанами;

Голос отца престарелого,

Пение гимнов божественных,

Вздохи и шепот молитвенный

Слышались мне, - простояла бы

Долго я тут неподвижная,

Если бы вдруг не услышала

Криков: "Параша! да где же ты ?.."

Я отозвалась; нахлынули

Дети гурьбой, - и наполнились

Звуками жизни развалины,

Где столько лет уж не слышались

Голос и шаг человеческий...

(19 марта 1873)

95-100. СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

1. ДЯДЮШКА ЯКОВ

Дом - не тележка у дядюшки Якова.

Господи боже! чего-то в ней нет!

Седенький сам, а лошадка каракова;

Вместе обоим сто лет.

Ездит старик, продает понемногу,

Рады ему, да и он-то того:

Выпито вечно и сыт, слава богу.

Пусто в деревне, ему ничего,
Знает, где люди: и куплю, и мену
На полосах поведет старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрену,
Он тебе всё, что полюбится, – на!
Бог, видно, дал ему добрую душу.
Ездит – кричит то и знай:

"По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!"

"У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома –
На грош два кома!
Девкам утехи –
Рожки, орехи!
Эй! малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:
Окуни, щуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь – любы,
Раскусишь – сладки,
Оближешь губы!.."

"Стой, старина!" Старика обступили
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все наменяли сластей, накопили –
То-то была суета, кутерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь – загляденье, и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!
Жалко девочку сиротку Феклушу:

"По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!"

"У дядюшки у Якова
Про баб товару всякого.
Ситцу хорошего –
Нарядно, дешево!
Эй! молодежи!
Красны девицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Всё – чего надо!.."

Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен, и полотна, и пряжу несут.
"Стойте, не вдруг! белены вы объелись?
Тише! поспеете!.. " Так вот и рвут!
Зорок торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчат, ласкаются, только держись:
"Цвет ты наш маков,
Дядюшка Яков,
Не дорожись!"
– "Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь бери, а не хочешь – прощай!"

"По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!"

"У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.

Новы коврижки,
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки неценны;
По гривне штука -
Деткам наука!
Для ребятишек,
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...
Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток - полтина,
Глянь - и картина!
Ей-ей утеха!
Умен с ним будешь,
Денег добудешь...
По буквари!
По буквари!
Хватай - бери!
Читай - смотри!"
И букварей таки много купили -
"Будет вам пряников: нате-ка вам!"
Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось уж так старикам.
Книжки с картинками, писаны четко -
То-то дойти бы, что писано тут!
Молча крепилась Феклуша-сиротка,
Глядя, как пряники дети жуют,

А как увидела в книжках картинки,
Так на глазах навернулись слезинки.
Сжалился, дал ей букварь старина:
"коли бедна ты, так будь ты умна!"
Экой старик! видно добрую душу!
Будь же ты счастлив! Торгуй, наживай!

"По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!"

1867

2. ПЧЕЛЫ

"Натко медку! с караваем покушай,
Притчу про пчелок послушай!

Нынче не в меру вода разлилась,
Думали, просто идет наводнение,
Только и сухо, что наше селение
По огороды, где ульи у нас.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видит и лес, и луга вдалеке,
Ну и летит, – ничего налегке,
А как назад полетит нагруженная,
Сил не хватает у милой. Беда!
Пчелами вся запестрела вода,
Тонут работницы, тонут сердечные!
Горю помочь мы не чаяли, грешные,
Не догадаться самим бы вовек!
Да нанесло человека хорошего,
Под благовещенье помнишь прохожего?
Он надоумил, христов человек!

Слушай, сынок, как мы пчелок избавили:
Я при прохожем тужил-тосковал;
"Вы бы им до суши вехи поставили", –

Верись: чуть первую вежу зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Так и валят и валят отдыхать!
Как богомолки у церкви на лавочке,
Сели – сидят.

На бугре-то ни травочки,
Ну, а в лесу и в полях благодать:
Пчелкам не страшно туда залетать.
Всё от единого слова хорошего!
Кушай на здоровье, будем с медком.
Благослови бог прохожего!"

Кончил мужик, осенился крестом;
Мед с караваем парнишка докушал,
Тятину притчу тем часом прослушал
И за прохожего низкий поклон
Господу богу отвесил и он.

(15 марта 1867)

3. ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Мужичок обратный:
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка –
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщикок
Вожака с медведем:
"Посади нас, паренек,

веселей поедем!"

– "Что ты? с мишкой?" – "Ничего!

Он у нас смиренный,

Лишний шкалик за него

Поднесу, почтенный!"

– "Ну садитесь!" – Посадил

Бородач медведя,

Сел и сам – и потрусил

Полегоньку Федя...

Видит Трифон кабачок,

Приглашает Федю.

"Подожди ты нас часок!" –

Говорит медведю.

И пошли. Медведь смирен,

Видно, стар годами,

Только лапу лижет он

Да звенит цепями...

Час проходит; нет ребят,

То-то выпьют лихо!

Но привычные стоят

Лошаденки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,

Стужа злее на ночь;

Заворочался в санях

Михайло Иваныч,

Кони дернули; стряслась

Тут беда большая –

Рявкнул мишка! – понеслась

Тройка как шальная!

Колокольчик услышал,

Выбежал Федюха,

Да напрасно – не догнал!

Быстро, бешено неслась
Тройка – и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
"Очищай дорогу!
Сам Топтыгин-генерал
Едет на берлогу!"
Вздрагнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх –
Не передохнули!
Верст пятнадцать на весь мах
Бедные отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая;
Ладит вывернуть кольцо
Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо
Выбегает бойко;
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом губа,
Не подумал: где ящик
От коней гуляет?
Видит – барин материк,
"Генерал", – смекает.

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Поспешил фуражку снять:

"Здравия желаю!
Что угодно приказать,
водки или чаю?.."
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
"Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих,
А такого не видал,
Господи исусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!.."

Прибежали ящики
Подивились тоже:
Видят – дело не с руки,
Что-то тут негоже!
Собрался честной народ,
Всё село в тревоге;
"Генерал в санях ревет,
Как медведь в берлоге!"
Трус бежит, а кто смелей,
Те – потехе ради –
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:
"В избу не хотите ль?"

Мишка вновь как зарычит...

Убежал смотритель!

Оробел и убежал,

И со всюю свитой...

Два часа в санях лежал

Генерал сердитый.

Прибежали той порой

Ямщик и вожатый;

Вразумил народ честной

Трифон бородатый

И Топтыгина прогнал

Из саней дубиной...

А смотритель обругал

Ямщика скотиной...

1867

4. ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

1

В августе, около Малых Вежей,

С старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,

На небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нем,

А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,

В землю вонзались струи дождевые

С силой стремительной... Я и Мазай,

Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.

Каждое лето домой приезжая,

я по недели гощу у него.

Нравится мне деревенька его:

Летом ее убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весной всплывает,

Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему – скука!

За сорок верст в Кострому напрямиком
Сбегать лесами ему нипочем:

"Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно". – "А леший?" – "Не верю!

Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь, – никого не видал!

За день грибов насбираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поет,
Словно как в бочку пустую удов

Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рисованы очи.

Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо как в церкви, когда отслужили

Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит..."

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять.

Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалит дедушка, – заяц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
"Врешь – упадешь!" – добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,

Сядет за кустом – тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит – и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

"Что ты таскаешь горшок с угольками?"
– "Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружье положу,

Над уголочками руки погрею,
Да уж потом и палю по злодею!"

"Вот так охотник! " – Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

(Чем они хуже, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слышал.

Дети, для вас я один записал...

2

Старый Мазай разболтался в сарае:

"В нашем болотистом, низменном крае

Впятеро больше бы дичи велось,

Кабы сетями ее не ловили,

Кабы силками ее не давили;

Зайцы вот тоже, – их жалко до слез!

Только весенние воды нахлынут,

и без того они сотнями гинут, –

Нет! еще мало! бегут мужики,

Ловят, и топят, и бьют их баграми.

Где у них совесть?.. Я раз за дровами

В лодке поехал – их много с реки

К нам в половодье весной нагоняет, –

Еду, ловлю их. Вода прибывает.

Вижу один островок небольшой –

Зайцы на нем собралися гурьбой.

С каждой минутой вода подбиралась

К бедным зверькам; уж под ними осталось

Меньше аршина земли в ширину,

Меньше сажени в длину.

Тут я подъехал: лопочут ушами,

Сами ни с места; я взял одного,

Прочим скомандовал: прыгайте сами!

Прыгнули зайцы мои, – ничего!

Только уселась команда косяя,

Весь островочек пропал под водой.

" То-то! – сказал я, – не спорьте со мной!

Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!"

Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его – тягота невелика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха –
Еле жива, а толста как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном –
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Зайцев с десятков спасалось на нем.
"Взял бы я вас – да потопите лодку!"
Жаль их, однако, да жаль и находку –
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
"Глянь-ко: что делает старый мазай!"
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил – и "с богом!" сказал...

И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: "У-х!"
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,

А чур зимой
Не попадайся!
Прицелюсь – бух!
И ляжешь... Ууу-х!.."
Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось –
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклат – и домой приволок,
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выпались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул – и дали стречка!
Я проводил их всё тем же советом:
"Не попадайся зимой!"
Я их не бью ни весной, ни летом,
Шкура плохая, – линяет косою.. "

(1870)

5. СОЛОВЬИ

Качая младшего сынка,
Крестьянка старшим говорила:
"Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас буренку обряжу,
Коня навяжем травку кушать,
И вас в ту рожицу свожу –
Пойдем соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей, –
Да не мешай же мне, проказник! –
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
И стар и молод. На поляне

Девицы красные поют,
Гуторят пьяные крестьяне.

А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа
Поют и свищут соловьи
Звончей и слаще хоровода!

И хорошо и любо всем..
да только (Клим, не трогай Сашу!)
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлюбили рощу нашу:

Ведь наш-то курский соловей
В цене, – тут много их ловили,
Ну, испугались сетей,
Да мимо нас и прокатили!

Пришла, рассказывал ваш дед,
Весна, а роща как немая
Стоит – гостей залетных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

Уж вот и праздник наступил
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!
Крестьяне бороды чесали.

И положили меж собой –
Умел же бог на ум наставить –
На той поляне, в роще той
Сетей, силков вовек не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще нашей,
И нынче, милые мои,
Им места нет любей и краше!

Туда с сетями сколько лет
никто и близко не подходит,
и строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит.

Зато весной весь лес гремит!
Что день, то новый хор прибудет...
Под песни их деревня спит,
Их песня нас поутру будит...

Запомнить надобно и вам:
Избави бог тут ставить сети!
Ведь надо ж бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети..."

Середний сын кота дразнил,
Меньшой полз матери на шею,
А старший с важностью спросил,
Кубарь пуская перед нею:

"А есть ли, мама, для людей
Такие рощицы на свете?"
– "Нет, мест таких... без податей
и без рекрутчины нет, дети.

А если б были для людей
Такие рощи и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки..."

(1870)

6. НАКАНУНЕ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА

1

Я ехал к Ростову
Высоким холмом,

Тянулся на нем;

Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слева – долина,
Как скатерть ровна.

Пестрел деревнями,
Дорогами дол,
Он всё понижался
И к озеру шел,

Ни озера, дети
Забывать не могу,
Ни церкви на самом
Его берегу:

Тут чудо картину
Я видел тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда...

2

Начну по порядку:
Я ехал весной,
В страстную субботу,
Пред самой Святой.

Домой поспешая
С тяжелых работ,
С утра мне встречался
Рабочий народ;

Скучая смертельно,
Решал я вопрос:
Кто плотник, кто слесарь,

Нетрудное дело!

Идут кузнецы –

кто их не узнает?

Они молодцы

И петь, и ругаться,

Да – день не такой!

Идет кривоногий

Гуляка-портной:

В одном сертучишке,

Фуражка как блин, –

Гармония, трубка,

Утюг и аршин!

Смотрите – красильщик!

Узнаешь сейчас:

Нос выпачкан охрой

И суриком глаз;

Он кисти и краски

Несет за плечом,

И словно ландкарта

Передник на нем.

Вот пильщики: сайку

Угрюмо жуют

И словно солдаты

Все в ногу идут,

А пилы стальные

У добрых ребят,

Как рыбы живые,

На плечах дрожат!

Я доброго всем им

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Желаю пути;

В родные деревни

Скорее прийти,

Омыть с себя копоть

И пот трудовой

И встретить Святую

С веселой душой...

З

Стемнело. Болтая

С моим ящиком,

Я ехал всё тем же

Высоким холмом,

Взглянул на долину,

Что к озеру шла,

И вижу – долина

Моя ожила:

На каждой тропинке,

Ведущей к селу,

Толпы появились;

Вечернюю мглу

Огни озарили

Куда-то идет

С пучками горячей

Соломы народ.

Куда? Я подумать

О том не успел,

Как колокол громко

Ответ прогудел!

У озера ярко

Горели костры, –

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Туда направлялись,

Нарядны, пестры,

При свете горящей

соломы, – толпы...

У божьего храма

Сходились тропы, –

Народная масса

Сдвигалась, росла.

Чудесная, дети,

Картина была!...

(20 марта 1873)

101. НАД ЧЕМ МЫ СМЕЕМСЯ..
Раз сказал я за пирушкой:

"До свидания, друзья!

Вечер с матушкой–старушкой

Проведу сегодня я:

Нездорова – ей не спится,

надо бедную занять..."

С той поры, когда случится

Мне с друзьями пировать,

Как запас вестей иссякнет

И настанет тишина,

Кто-нибудь наверно брякнет:

"Человек! давай вина!

Выпьем мы еще по чаше

И – туда... живей, холоп!

Ну... а ты – иди к мамаше!

Ха! ха! ха!..." Хоть пулю в лоб!..

Водовоз воды бочонок

В гололедицу тащил;

Стар и слаб, как щепка тонок,

Бедный выбился из сил.

Я усталому салазки

На бугор помог ввезти.
На беду, в своей коляске
Мчался Митя по пути –
Как всегда, румян и светел,
Он рукою мне послал
Поцелуй – он всё заметил
И друзьям пересказал.
С той поры мне нет проходу:
Филантроп да филантроп!
"Что, возил сегодня воду?..
Ха! ха! ха!.." Хоть пулю в лоб!..

(1874)

102–104. Три элегии
А. Н. Плещееву

1

Ах! что изгнанье, заточенье!
Захочет – выручит судьба!
Что враг!– возможно примиренье,
Возможна равная борьба;

Как гнев его ни беспределен,
Он промахнется в добрый час...
Но той руки удар смертелен,
Которая ласкала нас!..

Один, один!.. А ту, кем полны
Мои ревнивые мечты,
Умчали роковые волны
Пустой и милой суеты.

В ней сердце жаждет жизни новой,
Не сносит горестей оно
И доли трудной и суровой
Со мной не делит уж давно...

Она сокрыла глубоко?
Или решилась на разлуку
Благоразумно и легко?

Кто скажет мне?.. Молчу, скрываю
Мою ревнивую печаль,
И столько счастья ей желаю
Чтоб было прошлого не жаль!

Что ж, если сбудется желанье?..
О, нет! живет в душе моей
Неотразимое сознание,
Что без меня нет счастья ей!

Всё, чем мы в жизни дорожили,
Что было лучшего у нас, -
Мы на один алтарь сложили,
И этот пламень не угас!

У берегов чужого моря,
Вблизи, вдали он ей блеснет
В минуту сиротства и горя,
И – верю я – она придет!

Придет... и, как всегда, стыдлива,
Нетерпелива и горда,
Потупит очи молчаливо.
Тогда... Что я скажу тогда?..

Безумец! для чего тревожишь
Ты сердце бедное свое?
Простить не можешь ты ее -
И не любить ее не можешь!..

2

Бьется сердце беспокойное,
Отуманились глаза.

Дуновенье страсти знойное
Налетело, как гроза.

Вспоминаю очи ясные
Дальней странницы моей,
повторяю стансы страстные,
Что сложил когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
Улетим с тобою вновь
В ту страну обетованную,
Где венчала нас любовь!

Розы там цветут душистые,
Там лазурней небеса,
Соловьи там голосистее,
Густолиственной леса...

З

Разбиты все привязанности, разум
Давно вступил в суровые права,
Гляжу на жизнь неверующим глазом...
Всё кончено! Седеет голова.

Вопрос решен: трудись, пока годишься,
И смерти жди! Она недалека...
Зачем же ты, о сердце! не миришься
С своей судьбой?.. О чем твоя тоска?..

Непрочно всё, что нами здесь любимо,
Что день – сдаем могиле мертвеца,
Зачем же ты в душе неистребима,
Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... умри!..

(1874)

105. СТРАШНЫЙ ГОД

Страшный год! Газетное витийство
и резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня!

О, любовь! – где все твои усилья?
Разум! – где плоды твоих трудов?
Жадный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков!

Этот год готовит и для внуков
Семена раздора и войны.
В мире нет святых и кротких звуков,
Нет любви, свободы, тишины!

Где вражда, где трусость роковая,
Мстящая – купаются в крови,
Стон стоит над миром не смолкая;
Только ты, поэзия святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голос твой, увы, бессилен ныне!
Сгибнет он, ненужный никому,
Как цветок, потерянный в пустыне,
Как звезда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь! сомненья роковые,
Как прийти могли вы на уста?
Верю, есть еще сердца живые,
Для кого поэзия свята.

Но гремел, когда они родились,
Тот же гром, ручьями кровь лила;
Эти души кроткие смутились
И, как птицы в бурю, притаились
В ожиданьи света и тепла.

(Между 1872 и 1874)

106.

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнузданы страсти жестокие.

Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная.
Всё живое, всё доброе косится..
Слышно только, о ночь безрассветная!

Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются..

(Между 1872 и 1874)

107. УНЫНИЕ

1

Сгорело ты, гнездо моих отцов!
Мой сад заглох, мой дом бесследно сгинул,
Но я реки любимой не покинул.
Вблизи ее песчаных берегов
Я и теперь на лето укрываюсь
И, отдохнув, в столицу возвращаюсь
С запасом сил и ворохом стихов.
Мой черный конь, с Кавказа приведенный
Умен и смел, – как вихорь он летит,
Еще отцом к охоте приученный,
Как вкопанный при выстреле стоит.
Когда кадо бежит опушкой леса
И глухаря нечаянно спугнет,
На всем скаку остановив Черкеса,
Спусти курок – и птица упадет.

2

Какой восторг! За перелетной птицей
Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
Сметает сор, навеянный столицей,
С души моей. Я духом бодр и жив,
Я телом здрав. Я думаю.. мечтаю..
Не чувствовать над мыслью молотка
Я не могу, как сильно ни желаю,
Но если он приподнят хоть слегка,
Но если я о нем позабываю
На полчаса, – и тем я дорожу.
Я сам себя, читатель, нахожу,
А это всё, что нужно для поэта.
Так шли дела; но нынешнее лето
Не задалось: не заряжал ружья
И не писал еще ни строчки я.

3

Мне совестно признаться: я томлюсь,
Читатель мой, мучительным недугом.
Чтоб от него отделаться, делюсь
Я им с тобой: ты быть умеешь другом,
Довериться тебе я не боюсь.
Недуг не нов (но сила вся в размере),
Его зовут уныньем; в старину
Я храбро с ним выдерживал войну,
Иль хоть смягчал трудом по крайней мере,
А нынче с ним не оберусь хлопот.
Быть может, есть причина в атмосфере,
А может быть, мне знать себя дает,
Друзья мои, пятидесятый год.

4

Да, он настал – и требует отчета!
Когда зима нам кудри убелит,
Приходит к нам нежданная забота
Свести итог... О юноши! грозит
Она и вам, судьба не пощадит:
Наступит час рассчитывать строго
За каждый шаг, за целой жизни труд,
И мстящего, зовущего на суд
В душе своей вы ощутите бога.
Бог старости – неуголимый бог,
(От юности готовьте ваш итог!)

5

Приходит он к прожившему полвека
И говорит: "Оглянемся назад,
Поищем дел, достойных человека..."
Увы! их нет! одних ошибок ряд!
Жестокий бог! он дал двойное зренье
Моим очам; пытливое волненье
Родил в уме, душою овладел.
"Я даром жил, забвенья мой удел", –
Я говорю, с ним жизнь мою читая.
Прости меня, страна моя родная:
Бесплоден труд, напрасен голос мой!
И вижу я, поверженный в смятенье,
В случайности несчастной – преступленье,
Предательство в ошибке роковой...

6

Измученный, тоскою удрученный,
Жестокостью судьбы неблагоприятной
Вины мои желаю объяснить,
Гоню врага, хочу его забыть,
Он тут как тут! В любимый труд, в забаву –

Мешает он во всё свою отраву,
И снова мы идем рука с рукой.
Куда? увы! опять я проверяю
Всю жизнь мою – найти итог желаю, –
Угодно ли последовать за мной?

7

Идем! Пути, утопанные гладко,
я пренебрег, я шел своим путем,
Со стороны блюстителей порядка
я, так сказать, был вечно под судом.
И рядом с ним – такая есть возможность! –
я знал другой недружелюбный суд,
Где трусостью зовется осторожность,
Где подлостью умеренность зовут.
То юношества суд неумолимый.
Меж двух огней я шел неутомимый.
Куда пришел? Клянусь, не знаю сам!
Решить вопрос предоставляю вам!

8

Враги мои решат его согласно,
Всех меряя на собственный аршин,
В чужой душе они читают ясно,
Но мой судья – читатель-гражданин.
Лишь в суд его храню слепую веру.
Суди же ты, кем взыскан я не в меру!
Еще мой труд тобою не забыт
И знаешь ты: во мне нет сил героя –
Тот не герой, кто лавром не увит
Иль на щите не вынесен из боя, –
я рядовой (теперь уж инвалид)...

9

Суди, решай! А ты, мечта больная,
Воспрянь и, мир бесстрашно облетая,
Мой ум к труду, к покою возврати!
Чтоб отдохнуть душою не свободной,
Иду к реке – кормилице народной..
С младенчества на этом мне пути
Знакомо всё... Знакомой грусти полны
Ленивые, медлительные волны..
О чем их грусть?... Бывало, каждый день
Я здесь бродил в раздумьи молчаливом
И слышал я в их ропоте тоскливом
Тоску и скорбь сплутных деревень..

10

Под берегом, где вечная прохлада
От старых ив, нависших над рекой,
Стоит в воде понуренное стадо,
Над ним шмелей неутомимый рой.
Лишь овцы рвут траву береговую,
Как рекруты острижены вплотную.
Не весел вид реки и берегов.
Свистит кулик, кружится рыболов,
Добычу карауля как разбойник;
Таинственно снастями шевеля.
Проходит барка; виден у руля
Высокий крест: на барке есть покойник..

11

Чу! конь заржал. Трава кругом на славу,
Но лошадям не весело пришлось,
И, позабыв зеленую атаву,
Под дым костра, спасающий от ос,
Сошлись они, поникли головами
И машут в такт широкими хвостами.

Лишь там, вдали, остался серый конь.
Он не бежит проворно на огонь,
Хоть и над ним кружится рой докучный,
Серко стоит понур и недвижим.
Несчастный конь, ненатурально тучный!
Ты поражен недугом роковым!

12

я подошел: алела бугорками
По всей спине, усыпанной шмелями,
Густая кровь... струилась из ноздрей...
я наблюдал жестокий пир шмелей,
А конь дышал всё реже, всё слабей.
Как вкопанный стоял он час – и боле
И вдруг упал. Лежит недвижим в поле...
Над трупом солнца раскаленный шар
Да степь кругом. Вот с вышины спустился
Степной орел; над жертвой покружился
И царственно уселся на стожар.
В досаде я послал ему удар.
Спугнул его, но он вернется к ночи
И выклюет ей острым клювом очи...

13

Иду на шелест нивы золотой.
Печальные, убогие равнины!
Недавние и страшные картины,
Стесняя грудь, проходят предо мной.
Ужели бог не сжалится над нами,
Сожженных нив дождем не оживит
И мельница с недвижными крылами
И этот год без дела простоит?

14

Ужель опять наградой будет плугу
Голодный год?... Чу! женщина поет!
Как будто в гроб кладет она подругу.
Душа болит, уныние растет.
Народ! народ! Мне не дано геройства
Служить тебе, плохой я гражданин,
Но жгучее, святое беспокойство
За жребий твой донес я до седин!
Люблю тебя, пою твои страданья,
Но где герой, кто выведет из тьмы
Тебя на свет?... На смену колебанья
Твоих судеб чего дождемся мы?...

15

День свечерел. Томим тоскою вялой,
То по лесам, то по лугу брожу.
Уныние в душе моей усталой,
Уныние – куда ни погляжу.
Вот дождь пошел и гром готов уж грянуть
Косцы бегут проворно под шатры,
А я дождем спасаюсь от хандры,
Но, видно, мне и нынче не воспрянуть!
Упала ночь, зажглись в лугах костры,
Иду домой, тоскуя и волнуясь,
Пишу стихи и, недовольный, жгу.
Мой стих уныл, как ропот на несчастье,
Как плеск волны в осеннее ненастье,
На северном пустынном берегу...

(5-12 июля 1874)

108. ПУТЕШЕСТВЕННИК
В городе волны по улицам бродят,
Ловят детей, гувернанток и дам,
Люди естественным это находят,
Сами они подражают волкам.

В городе волки, и волки на даче.
А уж какая их тьма на Руси!
Скоро уж там не останется клячи..
Ехать в деревню... теперь-то? Мерсі!

Прусский барон, опоясавши выю
Белым жабо в три вершка ширины,
Ездит один, изучая Россию,
По захолустьям несчастной страны:

"Как у вас хлебушко?" – "Нет ни ковриги!"
– "Где у вас скот?" – "От заразы подох!"
А заикнулся про школу, про книги –
Прочь побежали. "Помилуй нас бог!

Книг нам не надо – неси их к жандарму!
В прошлом году у прохожих людей
Мы их купили по гривне за пару,
А натерпелись на тыщу рублей!"

Думает немец: "Уж я не оглох ли?
К школе привешен тяжелый замок,
Нивы посохли, коровы подохли,
Как эти люди заплатят оброк?"

"Что наблюдать? что записывать в книжку?" –
В грусти барон сам с собой говорит..
Дай ты им гривну да хлеба коврижку
И наблюдай, немчура, аппетит..

(13 июля 1874)

109. ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ
Даже вполголоса мы не певали,
Мы горемыки-певцы!
Под берегами мы ведра прождали,
Словно лентяи-пловцы.

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Старость подходит – недуги да горе!

Жизнь бесполезно прошла.
Хоть на прощанье в открытое море,
В море царящего зла

Прямо и смело направить бы лодку.
Сунься-ко!... Сделаешь шаг,
А на втором перервут тебе глотку!
Друг моей юности (ныне мой враг)!

Я не дивлюсь, что отчизну любезную
Счел ты за лучшее кинуть.
Жить для нее – надо силу железную,
Волю железную – согнуть.

(23 июля 1874)

110. ГОРЕ СТАРОГО НАУМА
Волжская быль

1

Науму паточный завод
И дворик постоялый
Дают порядочный доход.
Наум – неглупый малый:

Задаром сняв клочок земли,
Крестьянину с охотой
В нужде ссужает он рубли,
А тот плати работой –

Так обращен нагой пустырь
В картофельное поле...
Вблизи – Бабайский монастырь,
Село Большие Соли,

Недалеко и Кострома.
Наум живет – не тужит,
И Волга-матушка сама

Питейный дом его стоит
На самом "перекате";
Как лето Волгу обмелит
К пустынной этой хате

Тропа знакома бурлакам:
Выходит много "чарки"..
Здесь ходу нет большим судам;
Здесь "паузятся" барки.

Купцы бегут: "Помогу дай!"
Наум купцов встречает,
Мигнет народу: не плошай!
И сам не оплошает..

Кипит работа до утра:
Всё весело, довольно.
Итак, нет худа без добра!
Подумаешь невольно,

что ты, жалея бедняка,
Мелеешь год от года,
Благословенная река,
Кормилица народа!

2

Люблю я краткой той поры
Случайные тревоги,
И труд, и песни, и костры.
С береговой дороги

Я вижу сотни рук и лиц,
Мелькающих красиво,
А паруса, что крылья птиц,
Колеблются лениво,

А месяц медленно плывет,
А Волга чуть лепечет.
Чу! резко свистнул пароход;
Бежит и искры мечет,

Ущелья темных берегов
Стогласым эхом полны..
Не всё же песням бурлаков
Внимают эти волны.

Я слушал жадно иногда
И тот напев унылый,
Но гул довольного труда
Мне слышать слаще было.

Увы! я дожил до седин,
Но изменился мало.
Иных времен, иных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою..

3

Мечты!... Я верую в народ,

Хоть знаю: эта вера
К добру покамест не ведет.
Я мог бы для примера

Напомнить лица, имена.
Но это будет смело,
А смелость в наши времена –
Рискованное дело!

Пока над нами не висит
Ни тучки, солнце блещет, –
Толпа трусливого клеймит,
Отважным рукоплещет,

Но поднял бурю смелый шаг, –
Она же рада шикать,
Друзья попрячутся, а враг
Спешит беду накликать...

О Русь!...

.....

4

Науму с лишком пятьдесят,
А ни детей, ни женки.
Наум был сердцем суховат,
Любил одни деньжонки.

Он говорил: "жениться – взять
Обузу! А "сударки"
Еще тошней: и время трать,
И деньги на подарки".

Опровергать его речей
Тогда не приходилось,
Хоть, может быть, в груди моей
Иное сердце билось,

Хотя у нас, как лед и зной,
Причины были розны:
"Над одинокой головой
Не так и тучи грозны;

Пускай лентяи и рабы
Идут путем обычным,
Я должен быть своей судьбы
Царем единоличным!"

Я думал гордо. Кто не рад
Оставить миру племя?
Но я родился невпопад –
Лихое было время!

Забыло солнышко светить,
Погас и месяц ясный,
И трудно было отличить
От ночи день ненастный.

Гром непрестанно грохотал,
И вихорь был ужасен,
И человек под ним стоял
Испуган и безгласен.

Был краткий миг: заря зажгла
Роскошно край лазури,
И буря новая пришла
На смену старой бури.

И новым силам новый бой
Готовился... Усталый,
Поник я буйной головой.
Погибли идеалы,

Ушло и время... Места нет
Желанному союзу.

Умру – и мой исчезнет след!
Надежда вся на музу!

5

Судьба Наума берегла,
По милости господней
Что год – обширнее дела,
А сам сытей, дородней.

Он говорил: "Чего ж еще?
Хоть плавать я умею,
Купаюсь в Волге по плечо,
Не лезу я по шею!"

Стреляя серых куликов
На отмели песчаной,
Заслышу говор бубенцов,
И свист, и топот рьяный,

На кручу выбегу скорей:
Знакомая тележка,
Нарядны гривы у коней,
У седока – усмешка...

Лихая пара! На шлеях
И бляхи и чешуйки.
В личных высоких сапогах,
В солидной, синей чуйке,

В московском новом картузе,
Сам правя пристяжною,
Наум катит во всей красе.
Увидит – рад душою!

Кричит: "Довольно вам палить,
Пора чайку покушать!..."
Наум любил поговорить,

А я любил послушать.

Закуску, водку, самовар
Вносили по порядку
И Волги драгоценный дар –
Янтарную стерлядку.

Наум усердно предлагал
Рябиновку, вишневку.
А расходившись, обивал
"Смоленую головку".

"Ну, как делишки?" – "в барыше", –
С улыбкой отвечает.
Разговорившись по душе,
Подробно исчисляет,

Что дало в год ему вино
И сколько от завода.
"Накопчено, насолено –
Чай, хватит на три года!

Всё лето занято трудом,
Хлопот по самый ворот.
Придет зима – лежу сурком,
Не то поеду в город.

Начальство – други-кумовья,
Стряслась беда – поправят,
Работы много – свистну я:
Соседи не оставят;

Округа вся в горсти моей,
Казна – надежней цепи;
Уж нет помещичьих крепей,
Мои остались крепь.

Судью за денежки куплю,

Умилостивлю бога..."

(Русак природный – во хмелю

Он был хвастлив немного)...

6

Полвека прожил так Наум
И не тужил нимало,
Работал в нем житейский ум,
А сердце мирно спало.

Встречаясь с ним, я вспоминал
Невольно дуб красивый
В моем саду: там сети ткал
Паук трудолюбивый.

С утра спускался он не раз
По тонкой паутинке,
Как по канату водолаз,
К какой-нибудь личинке,

То комара подстерегал
И жадно влек в объятья.
А пообедав, продолжал
Обычные занятия.

И вывел, точно напоказ,
Паук мой паутину.
Какая ткань! Какой запас
На черную годину!

Там мошек целые стада
Нашли себе могилы,
Попали бабочки туда –
Летуны пестрокрылы;

Его сосед, другой паук,
Качался там, замучен.

А мой – отъелся вон из рук!
Доволен, гладок, тучен.

То мирно дремлет в уголку,
То мухую закусит...
Живется славно пауку:
Не тужит и не трусит!

С Наумом я давно знаком:
Еще как был моложе,
Наума с этим пауком
я сравнивал... И что же?

Уж округлился капитал,
В купцы бы надо вскоре,
А человек затосковал!
Пришло к Науму горе...

7

Сидел он поздно у ворот,
В расчеты погруженный;
Последний свистнул пароход
На Волге полусонной,

И потянулись на покой
И человек, и птица.
Зашли к Науму той порой
Молодчик да девица:

У Тани русая коса
и голубые очи.
У Вани вьются волоса.
"Укрой от темной ночи!"

– "А самоварчик надо греть?"

– "Пожалуй"... Ни минутки

Не могут гости посидеть:

У них и смех, и шутки,

Задеть друг дружку норовят
Ногой, рукой, плечами,
И так глядят... и так шалют,
Чуть отвернись, губами!

То вспыхнет личико у ней,
То белое, как сливки...
Поели гости калачей,
Отведали наливки:

"Теперь уснем мы до утра,
У вас покой, приволье!"
– "А кто вы?" – "Братец и сестра,
Идем на богомолье".

Он думал: "Врет! поди сманил
Купеческую дочку!
Да что мне? лишь бы заплатил!
Пускай ночуют ночку".

Он им подушек пару дал:
"Уснете на диване".
И доброй ночи пожелал
И молодцу и Тане.

В своей каморке на часах
Поддернул кверху гири
И утонул в пуховиках...
Проснулся: бьет четыре,

Еще темно; во рту горит.
Кваску ему желалось,
Да квас-то в горнице стоит,
Где парочка осталась.

"Жаль не пришло вчера на ум!

Да я пройду тихонько,
Добуду! (думает Наум)
Чай, спят они крепонько,

Не скоро их бы разбудил
Теперь и конский топот..."
Но только дверь приотворил,
Услышал тихий шепот:

"Покурим, Ваня!"- говорит
Молодчику девица.
И спичка чиркнула – горит...
Увидел он их лица:

Красиво Ванино лицо,
Красивее у Тани!
Рука, согнутая в кольцо,
Лежит на шее Вани,

Нагая, полная рука!
У Тани грудь открыта,
Как жар горит одна щека,
Косой другая скрыта.

Еще он видел на лету,
Как встретились их очи,
И вновь на юную чету
Спустился полог ночи.

Назад тихонько он ушел,
И с той поры Наума
Не узнают: он вечно зол,
Сидит один угрюмо,

или пойдет бродить окрест
И к ночи лишь вернется,
Соленых рыжиков не ест,

Забыл наливки настоять
Душистой поленикой.
Хозяйство стало упадать -
Грозит урон великой!

На счетах спутался не раз,
Хоть счетчик был отменный..
Две пары глаз, блаженных глаз,
Горят пред ним бессменно!

"Я сладко пил, я сладко ел, -
Он думает уныло, -
А кто мне в очи так смотрел?..."
И всё ему постыло...

(7-10 августа 1874)

111. ЭЛЕГИЯ
<< А.Н.Еракову >>

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая "страдания народа"
И что поэзия забыть ее должна.
Не верьте, юноши! не стареет она.
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвел бы божий мир!... Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!...
Толпе напоминать, что бедствует народ
В то время, как она ликует и поет,
К народу возбуждать вниманье сильных мира -
Чему достойнее служить могла бы лира?...

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,

Но я ему служил – и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...
Я видел красный день: в России нет раба!
И слезы сладкие я пролил в умиленьи...
"Довольно ликовать в наивном увлеченьи, –
Шепнула Муза мне. – Пора идти вперед:
Народ освобожден, но счастлив ли народ?.."

Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
Старик ли медленный шагает за сохою,
Бежит ли по лугу, играя и свистя,
С отцовским завтраком довольное дитя,
Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы –
Ответа я ищу на тайные вопросы,
Кипящие в уме: "В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долготу пришедшая на смену
Свобода, наконец, внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?.."

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье:
На сельские труды зову благословенье:
Народному врагу проклятие сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят доли, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзывы,
И лес откликнулся... Природа внимлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта,

Увы! не внемлет он – и не дает ответа...

(15–17 августа 1874)

112. ПРОРОК

Не говори: "Забыл он осторожность!

Он будет сам судьбы своей виной!.."

Не хуже нас он видит невозможность

Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенной и шире,

В его душе нет помыслов мирских.

"Жить для себя возможно только в мире,

Но умереть возможно для других!"

Так мыслит он – и смерть ему любезна.

Не скажет он, что жизнь ему нужна,

Не скажет он, что гибель бесполезна:

Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,

Но час придет – он будет на кресте;

Его послал бог Гнева и Печали

Рабам земли напомнить о Христе.

(Август 1874)

113. Поэту

Памяти Шиллера

Где вы – певцы любви, свободы, мира

И доблести?.. Век "крови и меча"!

На трон земли ты посадил банкира,

Провозгласил героем палача...

Толпа гласит: "Певцы не нужны веку!"

И нет певцов... Замолкло божество...

О, кто ж теперь напомнит человеку

Высокое призвание его?..

Прости слепцам, художник вдохновенный,

и возвратись!.. Волшебный факел свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Наш падший дух взнеси на высоту,
Чтоб человек не мертвыми очами
Мог созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убийство, святотатство!
Сорви венцы с предательских голов,
Увлечших мир с пути любви и братства,
Стяжанного усильями веков,

На путь вражды!.. В его дела и чувства
Гармонию внести лишь можешь ты.
В твоей груди, гонимый жрец искусства,
Трон истины, любви и красоты.

(6 сентября 1874)

114-116. НОЧЛЕГИ
1. НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Вступили кони под навес,
Гремя бесчеловечно.
Усталый, я с телеги слез,
Ночлегу рад сердечно.

Спрыгнули псы; задорный лай
Наполнил всю деревню;
Впустил нас дворник Николай
В убогую харчевню.

Усердно кушая леща,
Сидел уж там прохожий
В пальто с господского плеча.
"Спознились, сударь, тоже?" -

Он, низко кланяясь, сказал.

"Да, нынче дни коротки. –
Уселся я, а он стоял. –
Садитесь! выпьем водки!"

Прохожий выпил рюмки две
И разболтался сразу:
"Иду домой... а жил в Москве...
До царского указу

Был крепостной: отец и дед
Помещикам служили.
Мне было двадцать восемь лет,
Как волю объявили,

Наш барин стал куда как лих,
Сердился, придирался.
А перед самым сроком стих,
С рабами попрощался,

Сказал нам: "Вольны вы теперь, –
И очи помутились, –
Идите с богом!" Верь, не верь,
Мы тоже прослезились

И потянулись кто куда...
Пришел я в городишко,
А там уж целая орда
Таких же – нет местишка!

Решился я идти в Москву,
В конторе записался,
И вышло место к Покрову.
Не барин – клад попался!

Сначала, правда, злился он.
Чем больше угождаю,
Тем он грубей: прогонит вон...

Да с ним – как я смекнул поздней –

Знать надо было штучку:

Сплошал – сознайся поскорей,

Не лги, не чмокай в ручку!

Не то рассердишь: "Ермолай!

Опомнись! как не стыдно!

Привычки рабства покидай!

Мне за тебя обидно!

Ты человек! ты гражданин!

Знай: сила не в богатстве,

Не в том – велик ли, мал ли чин,

А в равенстве и братстве!

я раболепства не терплю,

Не льсти, не унижайся!

Случиться может: сам вспылю –

и мне не поддавайся!.."

Работы мало, да и той

Сам половину правил,

я захворал – всю ночь со мной

Сидел – пиявки ставил;

За каждый шаг благодарил.

С любовью, не со страхом

Три года я ему служил –

и вдруг пошло всё прахом!

Однажды он сердитый стал,

Порезался, как брился,

Всё не по нем! весь день ворчал

и вдруг совсем озлился.

Кастит!.. "Потише, господин!" –

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Сказал я, вспыхнув тоже.

"Как! что?.. Зазнался, хамов сын!"-

И хлоп меня по роже!

По старой памяти я прочь,

А он за мной – бедовый!..

"Так вот, – продумал я всю ночь, –

Каков он – барин новый!

Такие речи поведет,

Что слушать любо-мило,

А кончит тем же, что прибьет!

Нет, прежде проще было!"

Обидно! я его считал

Не барином, а братом..

Настало утро – не позвал.

Свернувшись под халатом,

Стонал как раненый весь день,

Не выпил чашки чаю..

А ночью барин словно тень

Прокрался к Ермолаю.

Вперед уставился лицом:

"Ударь меня скорее!

Мне легче будет!.." (Мертвецом

Глядел он, был белее

Своей рубахи.) "Мы равны,

Да я сплошал.. я знаю..

Как быть? сквитаться мы должны..

Ударь!.. Я позволяю.

Не так ли, друг? Скорее хлоп

И снова правы, святы.."

– "Не так! Вы барин – я холоп,

я беден, вы богаты!

(Сказал я.) Должен я служить,
Пока стает терпенья,
И я служить готов... а бить
Не буду... с позволенья!.."

Он всё свое, а я свое,
Спор долго продолжался,
Смекнул я: тут мне не житье!
И с барином расстался.

Иду покамест в Арзамас,
Там у меня невеста...
Нельзя ли будет через вас
Достать другое место?.."

(1874)

2. НА ПОГОРЕЛОМ МЕСТЕ

Славу богу, хоть ночь-то светла!
Увлекаться так глупо и стыдно.
Мы устали, промокли дотла,
А кругом деревеньки не видно.

Наконец увидал я бугор,
Там угрюмые сосны стояли,
И под ними дымился костер,
Мы с Трофимом туда побежали.

"Горевали, а вот и ночлег!"
– "Табор, что ли, цыганский там?" – "Нету!
Не видать ни коней, ни телег,
Не заметно и красного цвету.

У цыганок, куда ни взгляни,
Красный цвет – это первое дело!"
– "Косари?" – "Кабы были они,
Хоть одна бы тут женщина пела".

– "Пастухи ли огонь развели?.."

Через пни погорелого бора
К неширокой реке мы пришли
И разгадку увидели скоро:

Погорельцы разбили тут стан.
К нам навстречу ребята бежали:
"Не видали вы наших крестьян?
Побираться пошли – да пропали!"

– "Не видали!.." Весь табор притих...

Звучно щиплет траву лошаденка,
Бабы нянчат младенцев грудных,
Утешают ребят старушонка:

"Воля божья! усните скорей!
Эту ночь потерпите вы только!
Завтра вам накуплю калачей.
Вот и деньги... Глядите-ка сколько!"

– "Где ты, бабушка, денег взяла?"

– "У оконца, на месячном свете,
В ночи зимние пряжу пряла..."
Побренчали казной ее дети...

Старый дед, словно царь Соломон,
Роздал им кой-какую одежду.
Патриархом библейских времен
Он глядел, завернувшись в рогожу;

Величавая строгость в чертах,
Череп голый, нависшие брови,
На груди и на голых ногах
След недавних обжогов и крови.

Мой вожатый к нему подлетел:

"Здравствуй, дедко!" – "живите здоровы!"

– "Погорели? а хлеб уцелел?
Уцелели лошадки, коровы?.."

– "Хлебу было сгореть мудрено, –
Отвечал патриарх неохотно, –
Мы его не имели давно.
Спите, детки, окутавшись плотно!

А к костру не ложитесь: огонь
Подползет – опалит волосенки.
Уцелел – из двенадцати – конь,
Из семнадцати – три коровенки".

– "Нет и ваших дремучих лесов?
Век росли, а в неделю пропали!"
– "Соблазняли они мужиков,
Шутка! сколько у барина крали!"

Молча взял он ружье у меня,
Осмотрел, осторожно поставил.
Я сказал: "Беспощадней огня
Нет врага – ничего не оставил!"

– "Не скажи. Рассудила судьба,
Что нельзя же без древа-то в мире,
И оставила нам на гроба
Эти сосны..." (Их было четыре...)

3. У ТРОФИМА

Звезды осени мерцают
Тускло, месяц без лучей,
Кони бережно ступают,
Реки налило дождей.

Поскорей бы к самовару!
Нетерпением томим,
Жадно я курю сигару

Он сказал мне: "Месяц в небе
Словно сайка на столе"-
Значит: думает о хлебе,
Я мечтаю о тепле.

Едем... едем... Тучи вьются
И бегут... Конца им нет!
Если разом все прольются -
Поминай, как звали свет!

Вот и наша деревенька!
Встрепенулся спутник мой:
"Есть тут валенки, надень-ка!"
- "Чаю! рому!.. Всё долой!.."

Вот погашена лучина,
Ночь, но оба мы не спим.
У меня своя причина,
Но чего не спит Трофим?

"Что ты охашь, Степаныч?"
- "Страшно, барин! мочи нет.
Вспомнил то, чего бы на ночь
Вспоминать совсем не след!

И откуда черт приводит
Эти мысли? Бороню,
Управляющий подходит,
Низко голову клоню,

Поглядеть в глаза не смею,
Да и он-то не глядит -
Знай накладывает в шею.
Шея, веришь ли? трещит!

Только стану забываться,

Недоимку!" Кувыркатся
Начинаю перед ним..."

– "Страшно, видно, воротиться
К недалекой старине?"

– "Так ли страшно, что мутится
Вся утробушка во мне!

И теперь уйдешь весь в пятки,
Как посредник налетит,
Да с Трофима взятки гладки:
Пошумит – и укатит!

И теперь в квашне солома
Перемешана с мукой,
Да зато покойно дома,
А бывало – волком вой!

Дети были малолетки,
Я дрожал и за детей,
Как цыплят из-под наседки
Вырвет – пикнуть не посмей!

Как томили! Как пороли!
Сыну сказывать начну –
Сын не верит. А давно ли?..
Дочку барином пугну –

Девка прыснет, захохочет:
"Шутишь, батька!" – "погоди!
Если только бог захочет,
То ли будет впереди!""

– "Есть у вас в округе школы?"

– "Есть". – "Учите-ка детей!

Не беда, что люди голы,
Лишь бы были поумней.

Перестанет есть солому,
Трусу праздновать народ..
И твой внук отцу родному
Не поверит в свой черед".

(18 июля 1874)

117.
Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой своей не стяжал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал:.

Узы дружбы, союзов сердечных –
Всё порвалось: мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вещие их не допеты,
Пали жертвою злобы, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

(1874)

118. (в альбом О. С. Чернышевской)
Знаком с Вами будучи лично,
Я рад Вам всегда угождать.
Но в старости – вряд ли прилично
В альбомы писать.

Ах, младость! Ты – счастье, ты – радость,
С тобой и любовь и стихи!
А старость – ужасная гадость!

(1857)

119.

Всевышней волею Зевеса

Вдруг пробудившись ото сна,
Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна:

В печати уж давно не странность
Слова "прогресс" и "либерал",
И слово дикое -"гуманность"
Уж повторяет генерал.

То мало: вышел из под пресса
Уж третий томик Щедрина...
Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна!

На грамотность не без искусства
Накинулся почтенный Даль -
И обнаружил много чувства,
И благородство, и мораль.

По благородству, не из видов
Статьеку тиснул в пол-листа
Какой-то господин Давыдов
О пользе плети и кнута...

Убавленный процентик банка,
Весьма пониженный тариф,
Статьеки господина Бланка -
Всё это были, а не миф.

(Конец 1857- начало 1858)

120. Н. Ф. Крузе

В печальной стороне, где родились мы с вами,

Где всё разумное придавлено тисками,

Где всё безмозглое отмечено звездами,

Где силен лишь обман, –
В стране бесправия, невежества и дичи –
Не часто говорить приходится нам спичи
В честь доблестных граждан.

Прими простой привет, боец неустрашимый!
Луч света трепетный, сомнительный, чуть зримый,
Внезапно вспыхнувший над родиной любимой,
Ты не дал погасить, – ты объявил войну
Слугам не родины, а царского семейства,
Науку мудрую придворного лакейства
Изведавшим одну.

Впервые чрез тебя до бедного народа
Дошли великие слова:
Наука, истина, отечество, свобода,
Гражданские права.
Вступила родина на новую дорогу.
Господь! ее храни и укрепляй.
Отдай нам труд, борьбу, тревогу,
Ей счастье отдай.

(1858)

121. (В альбом С.Н. Степанову)
Пишите, други! Начат путь!
Наполним быстро том альбомный,
Но вряд ли скажет кто-нибудь
Умней того, что прозой скромной
Так поэтически сказать
Сумела любящая мать!..

(17 ноября 1859)

122. (А. Е. Мартынову)
Со славою прошел ты полдороги,
Полпоприща ты доблестно свершил,
Мы молим одного: чтоб даровали боги
Тебе надолго крепость сил!..

Чтоб в старости, бывшее вспоминая,
Могли мы повторять смеясь:
"А помнишь ли, гурьба какая
На этот праздник собралась?
Тут не было ни почестей народных,
Ни громких хвал, – одним он дорог был:
Свободную семью людей свободных
Мартынов вокруг себя в тот день соединил!
И чем же, чем? Ни подкупа, ни лести
Тут и следа никто не мог бы отыскать!"
Мы знаем все: ты стоишь большей чести,
Но мы даем, что можем дать.

(1859)

123. Замужние

Трагедия в трех действиях, с эпилогом, с национальными песнями и плясками и великолепным бенгальским огнем

Действующие лица:

Григорий, дьячок села Пьянова, 52 лет.

Михайло Триумвиратов, сын его, 19 лет, окончивший курс
в губернской гимназии.

Калистрат, второй сын Григория, 7 лет.

Константин Харчин, 20 лет, сын уездного приказного.

Александр Сергеевич Тузов, сын помещика села Пьянова,
20 лет.

Никандр Иванович Кадыков, профессор.

Девушки 1-я, 2-я и 3-я.

Без речей: охотники, поселяне, собаки и лошади.

Действие происходит в окрестностях села Пьянова.

Действие первое

Театр, представляющий обширный луг, скошенное сено частью поставлено
в стоги, частью просушивается. Местами разбросаны разные принадле-
жности сенокоса: грабли, косы; стоит отпряженная телега. Невда-
леке видна река.

Сцена 1

Григорий и Калистратка.

<< Григорий >>

бросая грабли

Трапезовать прилично человеку,
Егда почует некоторый глад.
Дай закушу. А ты беги на реку
Да зачерпни водицы, Калистрат!
Или домой – чтоб нацедили квасу.

Калистратка, живой мальчик, в халате, босиком, убегает с жбаном.

Велик господь! Подрезали траву –
И рожь поджали ко второму Спасу,
Там молотьбой займемся к Покрову,
А там простор крещенскому морозу,
Там Пост велик, а там опять весна,
Весна – пора свезения навозу
С двора на пашню. Чудно создана
Природа-мать! Я к "Таинствам природы"
Имел когда-то "Ключ", да затерял.
Там сказано...

Вздрагивает.

Сцена 2

Григорий и девушки 1-я, 2-я и 3-я.

Через сцену проходит несколько крестьянских девушек в чистых
белых рубашках и цветных платках, с песнею.

<< Григорий >>

Эк, как горланят дуры!

<< 1-я девушка >>

<< Григорий >>

Спасибо бы сказал,
Да испугали.

<< 2-я девушка >>

очень красивая

Мы не ведьмы, дядя.

<< Григорий >>

Не ведьмы-то не ведьмы, вижу я.

<< 3-я девушка >>

Пойдем, чего остановилась, Надя?
Смерть жарко... в воду так и брошусь я..

<< Григорий >>

Да видишь, я задумался... Парила
Бессмертная ко господе душа,
Главу мою внезапно озарила
Мысль некая... Я думал не спеша
В нее войти – вдруг пенье...

<< 3-я девушка >>

Ну, прощайте.

<< Григорий >>

Да вы куда?

<< 2-я девушка >>

Купаться.

Девушки уходят с песней; слышны их голоса, смех и через несколько

<< Григорий >>

С вами бог!
Играйте, смейтесь, песни распевайте..
Чу! бухаются в реку со всех ног!
Как тело-то с размаху молодое
Об воду ударяется... Эх-эх!

Сцена 3

Те же и Михайло Триумвиратов (в гимназическом старом
сюртуке, очень грустный)

<< Григорий >>

Ба! Миша! Ты откуда? Что такое?
Не выдержал?

<< Триумвиратов >>

Забраковали всех!

<< Григорий >>

в отчаянии, после минуты молчания
Не выдержал!.. Последние деньжонки
я на него лет десять убивал,
я покупал учебные книжонки,
Халаты шил и сапоги тачал!
Чтобы его в гимназию отправить,
я продал жеребенка-сосуна,
который мог со временем доставить
Мне денежки: резвее скакуна
Теперь на всем заводе у Тузова
Нет, говорят. Недавно вот на нем
Проехал барин: мещут огонь подковы!
А ты гляди да щелкай языком.

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Лишив меня сокровища такого,

Ты нежностью сыновней не умел
Родителя утешить: из Тамбова,
Припомни, как ты пеший прилетел –
"Я не могу в гимназии остаться:
И там посекли"; я еще побил
И приказал обратно отправляться,
Да сам пешком туда же поспешил.
Насилу всё уладил, награжденье
Единое имея впереди,
Что в высшее ты вступишь заведение
В столичном граде. Бог тебя суди!
Копя гроши в последнюю годину,
Я в путь тебя отправил наконец.
Но паки ты поверг меня в кручину –
Не выдержал экзамену, подлец!

<< Триумвиратов >>

Не я один. Вот тоже сын Тузова,
Сын нашего повытчика – Харчин
И многие.

<< Григорий >>

Не ты один? Ни слова!
Что выдумал еще – не он один!
Тузову всё простительно: богаты
Соседи наши; возвратился вспять –
И рад отец, и мать, и сестры рады,
И наши же поля начнет топтать
С отцовской стаей ветреный невежда.
Но ты, но ты... сын нищего дьячка,
Семьи своей единая надежда,
С тобой теперь разделка коротка!

Замахивается.

Что пялишься? Я выместить намерен
Отцовскую печаль свою
Немедленно... а завтра, будь уверен,
я абие тебя побью!

<< Триумвиратов >>

Отец! отец! оставь угрозы,
Напрасно сына не брани.
Я плачу, видишь эти слезы –
Уже не первые они.
Ребенком ветреным, с косичкой,
Когда еще, и глуп и мал,
Я гнался за невинной птичкой
И с грядок репу воровал, –
Уже тогда твой взор суровый
За мной заботливо следил:
Ты бил дубинкою сосновой,
Лапшой березовой кормил!
А в бурсе... Там, от боли воя,
К сеченью приводим был вновь
По суткам на горохе стоя,
Простаивал колени в кровь.
Ох! памятна мне эта бурса –
Вовек не позабыть о ней,
Но гимназического курса
Воспоминания свежей.
Что сделать розгой или палкой
Возможно – сделано давно.
В душе я трус какой-то жалкой:
Мне честь, бесчестье – всё равно;
что б предо мною ни творили –
Смотрю с безмыслием глупца:
Вот правого приговорили,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Вот оправдали подлеца,

Молчу – полнейшая безгласность!

как будто нет во мне души!

Над всем господствует опасность

Хватить березовой лапши.

Ну, словом, розочной науки

я всю исчерпал благодать.

Зачем же старческие руки

Тебе напрасно утруждать?

<< Григорий >>

А всё побью. Но изложи сначала

Причину – почему не принят?

<< Триумвиратов >>

Наступил

Век строгости какой-то небывалой...

Да вот Харчин: уж как прилежен был!

Он до того зазубривался часто,

что отливали мы его водой.

И что ж? увы!... Ну, уж пускай бы нас-то:

Нет, и его... пешком пошел домой...

Бедняжка! как он трусил! как боялся!

Отец сердит и беден. Что-то с ним?

я к Харчину душевно привязался:

Всегда задумчив, болен, нелюдим,

Боюсь, что он не выдержит печали.

<< Калистратка >>

за сценой

Вот батюшка... ах, братец!.. ты...

Действие второе

<< Триумвиратов >>

Откуда ты?

<< Калистратка >>

Да вот они искали:

Я встретил и привел...

Ласкается к брату.

<< Харчин >>

Один теперь, один

На целом свете! Батька рассердился

И выгнал!

<< Григорий >>

Благородный господин!

Кто ты такой? Откуда появился?

<< Харчин >>

Кто я? злосчастный Константин Харчин!

В последний раз узрев родную землю,

Готовлюсь к смерти я...

Да вот вам вся история мол,

Когда вы знать ее хотите.

<< Григорий >>

Внемлю.

<< Харчин >>

"Не спору – дело честное

Карать и обличать,

Но нужно знанье местное –

Вот мне так грех не брать!

Как черствым хлебом давится

Голодная семья,

Так бескорыстьем славиться
Позор – вот мысль моя!"
Такие рассуждения
Отец мой развивал
И кожу без зазрения
С живых и мертвых драл.
Он за дельца удалого
В уезде нашем слыл,
Но был чинишка малого
И очень бедно жил.
"Эх! доля неоплатная,
Ты долюшка моя!" –
Певал он: необъятная
Гнела его семья.
По счастью, отличная
Жена, детей штук пять,
Да теща параличная,
Да взбалмошная мать,
Да брат с ногой оторванной
Под Данцигом, да дед,
Прожорливый, оборванный,
Ста двадцати трех лет!
Такая уж живучая
Порода их была.
В отце судьба могучая
Кормильца им дала.
И он свершал призвание –
Безропотно кормил
И даже их ворчание
И злость переносил!
Крутенько приходилось:
Случалось – хлеба нет,
Семья вся притаилась,
Разбунтовался дед!

"Всех накормлю, родимые!" –

Промолвит – и уйдет

И вдруг непостижимые

Пути изобретет:

Глядишь, деньга явилась!

Утих задорный дед,

Семья одушевилась...

Так жил он сорок лет;

Не изменял обычая,

Кормил и холил нас,

Лишь в год до безъязычия

Пьян напивался раз.

Тут только маску чинную

Снимал он наконец:

Прибьет жену невинную,

Облает нас отец!

Рассказ враля досадного

О Данциге прервет

И мучит деда жадного –

Обедать не дает.

Помощником родителя

Лет с девяти я был:

У каждого просителя

Особо я просил

И матушке грошовые

Доходы отдавал...

Да, смолоду суровые

Картины я видал!

К чему о них рассказывать?

Но должен я сказать,

Что темных дел показывать,

В них сына посвящать –

Ни малого желанья

"Тебе тут не компания –
Иди!" – он замечал,
Когда к нему стекались
Сутяги и дельцы.
Но от меня старались
Напрасно скрыть концы:
Во все их тайны грязные
Чутьем я проникал..
В проделки безобразные
Как сам я не попал,
Не сделался воришкой –
То знает только мать,
Почти еще мальчишкой
Я начал понимать
Всё, что в семье творилось..
Желанье ей помочь
В душе моей родилось –
Я начал день и ночь
Учиться, чтоб отправиться
Весною далеко..
"Разбогатеть, прославиться
Там, дитяtko, легко!" –
С какой-то верой пламенной
Мне говорила мать,
Отец до Белокаменной
Решился провожать.
Пришла в смятенье чудное
Вся бедная семья,
И вдруг признание трудное
Свершила мать моя:
"Возьмите вот, касатики,
Скопила два рубля!
Смотри из математики

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Не получи нуля!"

Описывать не для чего,
Как мы без денег шли,
Способности подьячего
Отцу тут помогли:
В одном селе прикинулся
Лазутчиком – ему,
Чтоб только дальше двинулся,
Грошей собрали тьму.
У иверской свидетелем
Он руку приложил,
Что кто-то благодетелем
Своим засечен был.
Была еще история,
Но вспоминать зачем?–
И со стыда и с горя я
Сгорел тогда совсем...
Один, в погоду скверную
В столицу я вступил
И горечь непомерную
В ней бедности испил...
Питаясь чуть не жестию,
Я часто ощущал
Такую индигестию,
Что умереть желал.
А тут ходьба далекая...
Я по ночам зубрил;
Каморка невысокая,
Я в ней курил, курил!
Лежали книги кучею
Одни передо мной,
Да дым носился тучею
Над тусклою свечой.
Способности усталые

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Я утром освежал:

Без чаю с Охты Малыя
На Остров пробегал;
Как пеший-то по-конному
Верст восемь продерешь,
Так обаянью сонному
С трудом не подпадешь!
Тут голова беспутная
Начнет ходить кругом,
В ней безразличность мутная
И тупость и содом!
Для экстренной оказии
Уж съехались туда
Учителя гимназии...
... Запнулся – и беда!
Стоишь вороной жалкою,
А в голове стучит,
Как будто сзади скалкою
В затылок кто тузит!
В глазах снуют видения,
В ушах: лю-ли! лю-ли!
И нет тебе спасения –
Нули! Нули! Нули!..
За строгость не получите
Профессорский диплом,
Лишь бедняков отучите
За сотни верст пешком
Идти толпой голодною
На берега Невы
С надеждой благородною
К развитию головы...
Придешь домой – от сродников
Лежит уж письмецо:
"Моли, сынок, угодников,

Эх! что вы, мои милые!

Какое тут питье!

Измаял больно силы я –

Вот горюшко мое!

Измаял – и решение

Свершилось: мой язык,

Мой ум пришел в смятение –

Увы! я стал в тупик!..

Что толковать с невеждою?

Учитель нуль всучил...

С угаснувшей надеждою

Я вдруг лишился сил.

Сказались мне бессонные

Четырнадцать ночей

И похощенья конные

На паре на своей!

Смутил аудиторию –

Осмелился упасть,

И в новую историю

Не преминул попасть.

Сочли меня за пьяного,

В горячке я кричал...

У сторожа Иванова

Очнулся: смерть я звал –

Конец бы одинаковый!

Но жив я до сих пор,

Лишь с шеи крест тумпаковый

Стащил какой-то вор.

Падает в изнеможении на копну сена и остается с за –

крытыми глазами и бледным лицом.

Слышны звуки охотничьих рогов.

Действие третье

Те же и молодой Тузов, быстро въезжает верхом, окруженный
собаками.

<< Тузов >>

Что?.. Нет и здесь? Проклятый зверь!
Как будто в землю провалился!
Эй, Трошка! Да куда ж он скрылся?
Где мне искать его теперь?

Появляются еще охотники и собаки.

Подлец! надул моих проворных хватов,
Надул собак. Уж я ж тебя, косой!
Доеду... А, камрад, Триумвиратов!
Здорово, брат! Поедем-ка со мной!
Что горевать? Великое несчастье –
Не приняли! Я даже рад, ей-ей!
Мгновенно я почувствовал прирастье
К охоте псовой... Книги поскорей
Забросил... Целый день теперь ликую!
Здоров, как бык, и волен, как орел.
С собаками до сумерек гарцую.
А вечером вино, хороший стол
Да разговор про травлю, про угонки,
И мало ль что... я вас утешу вмиг:
Какие там чудесные девчонки
Купаются!.. Ну, отпусти, старик!
Сергей! Мирошка! кто-нибудь – слезайте.
Дай лошадь им...

<< Григорий >>

Когда угодно вам,
Ослушаться не смею. Поезжайте!
Что пятишься!

<< Триумвиратов >>

Не до охоты нам!

<< Григорий >>

Ученьем не хотел ты заниматься,
Так вот изволь за зайцами гоняться!

Вполголоса

А вечером напомни-ка ему:
Он обещал мне два куля мучицы.

<< Триумвиратов >>

шепотом

Нет, нет! избавь, родитель! Не возьму
Подобной роли...

Сцена 2

Толпа крестьянских девушек, возвращаясь с купанья, с песнями
переходит через сцену.

<< Тузов >>

Здравствуйте, девицы!
Куда спешите? спойте песню нам.

<< 1-я девушка >>

Изволь,- споем, а ты нам на орехи
Пожалуй, барин.

<< Тузов >>

Что хотите – дам!

<< 2-я девушка >>

Так мы попляшем для твоей потехи.

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Дивертисмент. Девушки поют и пляшут, Тузов слезает с лошади и

пристраивается к одной из них, которая покрасивее. Та довольно грубо отталкивает его локтем, так что он падает и остается на копне сена, лицом к небу; девушки продолжают плясать.

<< Тузов >>

впав в чувствительное настроение

В виду сих туч, при легком ветерке
По небесам бегущих так беспечно,
И этих женщин, только что в реке
Омывшихся, довольных бесконечно,
Вдыхая сена чистый аромат
И слушая простые хороводы,
Я чувствую, что я остаться рад
Под крылышком у матери-природы
Всю жизнь мою. Благословляю час,
Когда в виду судей моих суровых
Произнести я принужден был: пасс! –
По милости причин каких-то новых...
Как я был глуп, когда воображал,
Что я проникнул в таинства науки!
Да и к чему? Вот счастья идеал!
А впрочем, я готовился без скуки,
С любовью; я не был ни ленив,
Ни слишком туп; отец платил исправно,
Учитель был умен, красноречив,
Уж множество он приготовил славно, –
Да вдруг...

В толпе девушек раздаются внезапные крики. Во время пляски, достигнув до края реки, одна из них наступила на притаившегося в кусту зайца, который кинулся со всех ног в бегство.

<< Девушки >>

Ай, ай, ай, ай, ай, ай!

<< Тузов >>

Что там такое?

<< Девушки >>

Заяц косоглазый!

<< Тузов >>

Так вот где он укрылся! Подавай
Мне лошадь поскорее, черномазый!

Всеобщее смятение: собаки при первом появлении бросились за зай-
цем (гончие с лаем), охотники кинулись к лошадям; один из них
<< второпях оставил недокуренную трубку у стога, где сидел; сено за- >>
<< горелось в минуту. Охватив стог, пламя побежало в то же время по >>
<< разбросанному сено и мгновенно передалось другим стогам.

<< Григорий >>

Пожар! пожар!

При великолепном бенгальском огне охотники уезжают, девки разбегаются.

<< Триумвиратов >>

Пожар! пожар! спасите!
Да что же ты не встаешь, Харчин? Сгоришь!
Ба! умер он! Родитель мой! взгляните!
Был человек, и вдруг погиб, как мышь,
Я думал – он уснул; а он с землей расстался...

<< Григорий >>

Что, умер он?! Никак ты помешался!
Да, точно умер... Господи прости!
Сгорело сено, человек скончался,
и сбился сын с пути!

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Падает без чувств.

Последний стог сена, ближайший к ним, загорается.

<< Триумвиратов >>

Еще беда! Сгорят... Мутится разум!

Авось снесу их разом!

Двух разом...

Уносит.

Занавес опускается.

ЭПИЛОГ

Через год. >>

<< Театр представляет улицу села Пьянова.- Жаркий летний день. >>

<< Григорий стоит у своих ворот, мимо едет телега парой; подле >>

<< телеги идет г. Кадыков.

<< Кадыков >>

А, старый друг, Григорий! Бог привел

увидеться еще. А я плетуся

домой в побывку. Я тебя нашел

На этот раз постарей, признаюсь.

О чем грустишь?

<< Григорий >>

Да сын меня крушит.

Уж целый год с помещиком-соседом

За зайцами гоняется, кутит -

Ну сделался формальным дармоедом!

Как прошлый год не приняли его -

Пошел, пошел... и нет конца мученью!

А - видит бог - сначала у него

была большая страсть к ученью!

Да вишь, порядки новые у вас...

Они и хороши, не смею сомневаться.

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Да только с ними вы как раз

Без слушателей можете остаться...

<< Кадыков >>

Аудитория далеко не полна,
То правда, брат Григорий;
Зато взглянул бы ты – какая тишина
И никаких историй!

Садится в телегу и уезжает.

(1859)

124. ФИНАНСОВЫЕ СООБРАЖЕНИЯ
<< Голос из провинции >>

Денег нет – перед деньгами.

Народная пословица

Между тем как в глуши
В преферанс на гроши
Мы палим, беззаботно ремизясь,

Из столиц каждый час
Весть доходит до нас
Про какой-то финансовый кризис.

Эх! вольно ж, господа,
Вам туда и сюда
Необдуманно деньги транжирить.

Надо жить поскромней,
Коли нет ни рублей,
Ни уменья доходы расширить.

А то роскошь у вас,
Говорят, завелась,
Непонятная даже рассудку.

Не играйте, молю,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
В ералаш по рублю,

Это первое: вредно желудку.

Во-вторых, но – увы!..

Рассердились уж вы:

"Ты советовать нам начинаешь?"

Что ж? я буду молчать.

Но ведь так продолжать –

Так, пожалуй, своих не узнаешь!

Каждый графом живет:

Дай квартиру в пятьсот,

Дай камин и от Тура кушетку.

Одевает жену

Так, что только – ну, ну!

И публично содержит лоретку!

Сам же чуть не банкрот...

Что ж мудреного тут,

Если вы и совсем разоритесь?

Вам Прутков говорит:

"Мудрый в корень глядит",

Так смотрите на нас – и учитесь!

Ведь у нас в городах,

Ведь у нас в деревнях

Деньги были всегда не обильны.

А о кризисе дум

Не впадало на ум –

Сохранял, сохраняет всесильный!

Целый год наш уезд

Всё готовое ест:

Наташат, навезут мужичонки.

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
На наряды жене

Да на выпивку мне
Только вот бы и нужны деньжонки.

Что ж? добуду кой-как...
А что беден бедняк,
Так ведь был не богаче и прежде.

Что поднимет мужик
Среди улицы крик,
Непростительный даже в невежде:

"Я-де сено привез
Да и отдал весь воз
За размен трехрублевой бумажки!

Лишь бы соли достать,
А то стал я хворать
И цинга появилась у Глашки", -

Так за эту бы речь
Мужичонку посечь
Да с такой бы еще прибауткой:

"Было что разменять,
А ты смел рассуждать -
Важный барин, с своею Глашуткой!"

Ну и дело с концом...
Больше, меньше рублем -
Велика ли потеря на лаже?

А для тех, у кого
Вовсе нет ничего,
Так совсем нечувствительно даже...

<1860>

125.
О гласность русская! ты быстро зашагала,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Как бы в восторженном каком-то забытье:

Живого Чацкина ты прежде защищала,
А ныне добралась до мертвого Кювье.

(1860)

126. ЧТО ПОДЕЛЫВАЕТ НАША ВНУТРЕННЯЯ ГЛАСНОСТЬ
Вместо предисловия

Друзья мои! Мы много жили,
Но мало думали о том:
В какое время мы живем,
Чему свидетелями были?

Припомним, что не без искусства
На грамотность ударил Даль -
И обнаружил много чувства,
И остроумье, и мораль;
Но отразил его Карнович,
И против грамоты один
Теперь остался Беллюстин!

Припомним: Михаил Петрович
Звал Костомарова на бой;
Но диспут вышел неудачен, -
И, огорчен, уныл и мрачен,
Молчит Погодин как немой!

Припомним, что один Громека
Заметно двинул нас вперед,
что "Русский вестник", к чести века,
Уж издается пятый год..
что в нем писали Булкин, Ржевский,
Матиль, Григорий Данилевский..
За публицистом публицист
В Москве являлся вдохновенный,
А мы пускали легкий свист,
Порой, быть может, дерзновенный..

и мнил: "Настала мне беда!"
Кривдой нажившийся мздоимец,
и спал спокойно не всегда,
Схвативши взятку, лихоимец.
и русский пить переставал
От Арзамаса до Украйны,
и Кокорев публиковал,
что есть дела, где нужны тайны.
Ну что ж? Решить нам не дано,
Насколько двинулись мы точно..
Ах! верно знаем мы одно,
что в мире всё непрочно,
Где нам толкаться суждено,
Где нам твердит memento mori
Своею смертью "Атений"
и ужасает нас Ристори
Грозой разнузданных страстей!

(1860)

127. МЫСЛИ ЖУРНАЛИСТА
при чтении программы,
обещающей не щадить
литературных авторитетов

Что ты задумал, несчастный?
Что ты дерзнул обещать?..
Помысел самый опасный -
Авторитеты карать!

В доброе старое время,
Время эклог и баллад,
Пишущей братии племя
Было скромнее стократ.

С неостывающим жаром
С детства до старости лет

Пишет, бывало, поэт;

Скромна как майская роза,

Он не гнался за грошом.

Самая лучшая проза

Тоже была нипочем.

Руки дыханием грея,

Труженик пел соловьем,

А журналист, богатея,

Строил – то дачу, то дом.

Нынче – ужасное время,

Нет и в поэтах души!

Пишущей братии племя

Стало собирать барыши.

Всякий живет сибаритом...

Майков, Полонский и Фет –

Подступу к этим пиитам,

Что называется, нет!

Дорог ужасно Тургенев –

Публики первый герой –

Эта Елена, Берсенев,

Этот Инсаров... ой-ой!

Выгрузишь разом карманы

И поправляйся потом!

На Гончарова романы

Можно бы выстроить дом.

Даже ученый историк

Деньги лопатой гребет:

Корень учения горек,

Так подавай ему плод!

"Братъ – так уж братъ" говорит...

Вот Молилари дешевле,
Но чересчур плодовит!

Мало что денег: почету
Требовать стали теперь;
Если поправишь работу,
Рассвирепеет, как зверь!

"Я журналисту полезен –
Так сознаваться не смей!"
Будь осторожен, любезен,
Льсти, унижайся, немей.

я ли, – о боже мой, боже! –
Им угождать не устал?
А как повел себя строже,
Так совершенно пропал:

Гордость их так нестерпима,
Что ни строки не дают
И, как татары из Крыма,
Вон из журнала бегут...

(1860)

128. РАЗГОВОР В ЖУРНАЛЬНОЙ КОНТОРЕ
"Одна-то книжка – за две книжки?"

(Кричит подписчик сгоряча)

<< Приказчик >>

То были плоские коврижки,
А эта – толще кирпича!
В ней есть "Гармония в природе"
И битва с Утиным в "Смеси"
Читайте, сударь, на свободе!

<< Подписчик >>

Merсі, почтеннейший, merсі!

Уходит.

Так древле тощий "Москвитянин"
По полугоду пропадал,
И вдруг, огромен, пухл и странен,
Как бомба, с неба упал.
Подписчик в радости великой
Бросался с жадностью на том
Плохих стихов и прозы дикой,
И сердце ликовало в нем,
Он говорил: "Так ты не умер?
Как долго был ты нездоров!"
И принимал нежданный номер
Охотно за пять номеров.

Примеч. конторщика.

(Между 6 и 21 января 1861)

129. ГИМН "ВРЕМЕНИ"
Новому журналу, издаваемому М. Достоевским

Меж тем как Гарибальди дремлет,
Колеблется пекинский трон,
Газета реву пушек внемлет,
Дает права Наполеон,-
В стране затронутых вопросов,
Не перешедших в сферу дел,
Короче: там, где Ломоносов
Когда-то лирою гремел,
Явленье нового журнала
Внезапно потрясло умы:
В ней слышны громы Ювенала,
В нем не заметно духа тьмы.
Отважен тон его суровый,

Привет тебе, товарищ новый!
Явил ты мудрость старика.
Неси своей задачи бремя
Не уставая и любя!
Чтобы ни "Век", ни "Наше время"
Не покраснели за тебя;
Чтобы не сел тебе на плечи
Редактор-дама "Русской речи",
Чтоб фельетон "Ведомостей"
Не похвалил твоих статей!
Как пароксизмы лихорадки,
Терпи журнальные нападки
И Воскобойникова лай
Без раздражения внимай!

Блюда разумно дух журнала,
Бумагу строго береги:
Страшись "Суэцкого канала"
И "Зундской пошрины" беги!
С девонской, с силурийской почвы
Ученой дани не бери;
Кричи таким твореньям: "Прочь вы!"
Творцам их: "Черт вас побери!"
А то как "О сухих туманах"
Статьку тиснешь невзначай,
Внезапно засвистит в карманах..
Беда! Ложись – и умирай!
Будь резким, но не будь бранчливым,
За личной мезтью не гонись.
Не называй "Свистка" трусливым
И сам безмерно не гордись!
Припомни ямбы Хомякова,
Что гордость – грешная черта,

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Припомни афоризм Пруткова,

Что всё на свете – суета!
Мы здесь живем не вечны годы,
Здесь каждый шаг неверен наш,
Погибнут царства и народы,
Падет Штенбоковский пассаж,
Со срамом Пинто удалится
И лекций больше не прочтет,
Со треском небо развалится
И "Время" на косу падет!

(Между 8 и 21 января 1861)

130.
Приятно встретиться в столице шумной с другом
Зимой,
Но друга увидеть, идущего за плугом
В деревне в летний зной, –
Стократ приятнее.

(1861)

131. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО "СВИСТКА" К ЧИТАТЕЛЯМ
В те дни, когда в литературе

Порядки новые пошли,
Когда с вопросом о цензуре
Начальство село на мели,
Когда намеком да украдкой
Касаться дела мудрено;
Когда серьезно загадкой
Всё занято, поглощено,
Испугано, – а в журналистах
Последний помрачает ум
Какой-то спор о нигилистах,
Глупейший и бесплодный шум;
Когда при помощи Пановских
Догадливый антрепренер
И вождь "Ведомостей московских",

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Почуяв время и простор,

Катков, прославленный вития,
Один с Москвою речь ведет,
Что предпринять должна Россия,
И гимн безмолвию поет;
Когда в затмении рассудка
Юркевич лист бумаги мял
И о намереньях желудка
Публично лекции читал;
Когда наклонностей военных
Дух прививается ко всем,
Когда мы видим избиенных
Посредников; когда совсем
Нейдут Краевского издания
И над Громекиной главой
Летает бомба отрицанья,
Как повествует сей герой;
Когда сыны обширной Руси
Вкусили волю наяву
И всплакал Фет, что топчут гуси
В его владениях траву;
Когда ругнул Иван Аксаков
Всех, кто в Европу укатил,
И, негодуя против фраков
Самих попов не пощадил;
Когда, покончив подвиг трудный,
Внезапно Павлов замолчал,
А Амплий Очкин кунштик чудный
С газетой "Очерки" удрал;
Когда, подкошена как колос,
Она исчезла навсегда;
В те дни, когда явился "Голос"
И прекратилась "Ерунда", -
Тогда в невинности сердечной

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Любимый некогда поэт,

Своей походкою беспечной
"Свисток" опять вступает в свет..
Как изменилось всё, создатель!
Как редок лиц любимых ряд!
Скажи: доволен ты, читатель?
Знакомцу старому ты рад?
Или изгладила "Заноза"
Всё, чем "Свисток" тебя пленял,
И как увянувшая роза
Он для тебя ненужен стал?
Меняет время человека:
Быть может, пасмурный Катков,
Быть может, пламенный Громека
Теперь милей тебе свистков?
Возненавидев нигилистов,
Конечно, полюбить ты мог
Сих благородных публицистов
Возвышенный и смелый слог, -
Когда такое вероломство
Ты учинил - я не ропщу,
Но ради старого знакомства
Всё ж говорить с тобой хочу.
"Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало милые тебе,
И думай, что во дни разлуки
В моей изменчивой судьбе"
Ты был моей мечтой любимой,
И если слышал ты порой
Хоть легкий свист, то знай: незримый
Тогда витал я над тобой!...

- - -

"Свисток" пред публику выходит.

Он робко взор кругом обводит
И никого вокруг себя
Себя смиренней не находит!
Да, изменились времена!
Друг человечества бледнеет,
Вражда повсюду семена
Неистовства и злобы сеет.
Газеты чуждые шумят...
(О вы, исчадь вольной прессы!..)
Черт их поймет, чего хотят,
Чего волнуются, как бесы!
Средь напряженной тишины
Катков гремит с азартом, с чувством,
Он жаждет славы и войны
И вовсе пренебрег искусством.
Оно унижено враждой,
В пренебрежении науки,
На брата брат подымлет руки,
И лезет мост на мост горой, -
Ужасный вид!.. В сей час тяжелый
Являясь в публику, "Свисток"
желает мирной и веселой
Развязки бедствий и тревог;
Чтобы в сумятице великой
Напрасно не томился ум...
И сбудется... Умолкнет шум
Вражды отчаянной и дикой.
Недружелюбный разговор
Покончит публицист московский,
И вновь начнут свой прежний спор
Гиероглифов и Стелловский;
Мир принесет искусствам дань,
Престанут радоваться бесы,

Уймется внутренняя брань,
И смолкнет шум заморской прессы,
Да, да! Скорее умолкай, –
Не достигай пределов невских
И гимны братьев Достоевских
Самим себе не заглашай!

(1863)

132. ЖУРНАЛИСТ–РУКОВОДИТЕЛЬ
Ну... небесам благодаренье!
Свершен великий, трудный шаг!
Теперь общественное мнение
Сожму я крепко в мой кулак,
За мной пойдут, со мной сольются..
Ни слова о врагах моих!
Ни слова! Сами попадутся!
Ретивость их – погубит их!

(Ноябрь–декабрь 1865)

133. ЖУРНАЛИСТ–РУТИНЕР
Созрела мысль, проект составлен,
И вот он вышел, – я погиб!
Я разорен, я обесславлен!
Дух века и меня подшиб!

Условья прессы подцензурной
Поняв практическим умом,
Плохой товар литературный
Умел я продавать лицом;
Провидя смелые затеи,
Читатель упивался всласть,
И дерзновенные идеи
Во мне подозревала власть.
Как я умел казаться новым,
Являясь тот же каждый день,
Твердя с унынием суровым

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Одну и ту же дребедень!

Как я почтенных либералов,
Моих подписчиков пленял,
Каких высоких идеалов
я перспективы им казал!
я, впрочем, говорил не много,
я только говорил: "Друзья!
Всегда останусь верен строго..."
Чему? Тут точки ставил я..
О точки! тонкие намеки!
О недомолвки и тире!
Умней казались с вами строки!
Как не жалеть о той поре?..

Прилично сдержан, строго важен,
Как бы невольно молчалив,
я был бездействуя отважен,
Безмолвствуя – красноречив!
являлся я живой картиной –
Гляди, любуйся, изучай!
Реке, запруженной плотиной,
Готовой хлынуть через край,
Готовой бешеным потоком
Сорвать мосты, разбить суда,
в моем бездействии жестоком
я был подобен, господа!

Теперь – как быть?.. "толковой строчки
в твоём издании, – скажут, – нет!"
в ответ бы им поставить точки,
но точки – будут ли ответ?
заговорят: "давай идею!"
но что ж могу ответить им?
одну идею я имею,
что все идеи эти – дым!

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Что в свете деньги только важны,

Что надо их копить, копить...

Что те лишь люди не продажны,

Которых некому купить!

Созрела мысль, проект составлен,

И вот он вышел, - я погиб!

Я разорен, я обесславлен...

Дух века и меня подшиб!

Еще не может быть исчислен

Убыток, но грозит беда,

Я больше не глубокомыслен,

Не радикал я, господа!

Не корифей литературы,

Теперь я жалкий паразит,

С уничтожением цензуры

Мгновенно рухнет мой кредит.

(Ноябрь-декабрь 1865)

134.

Предмет любопытный для взора:

Огромный кусок лабрадора,

На нем богатырь - великан

В славянской кольчуге и в шлеме,

Потомок могучих славян, -

Но дело не в шлеме, а в теме:

Назначен сей муж представлять

Отчизны судьбы вековые

И знамя во длани держать

С девизом "единство России!".

Под ним дорогой пьедестал,

На нем: земледельца родного

Орудья, и тут же газета, журнал -

Изданья Михайлы Каткова.

На книгах - идей океан -

Чернильница; надпись: "Каткову

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Подарок московских дворян",

И точка! Мудрейшему слову
Блистать на пере суждено, -
Так имя Каткову дано:
"Макающий в разум перо"- имя это
У древнего взято поэта...

(1865)

135. ЛЕГЕНДА О НЕКОЕМ ПОКАЯВШЕМСЯ СТАРЦЕ, или седина в бороду, а бес в ребро
Посвящается редакции "Куриного эха"

Жил да был себе издатель
И журналов и газет.
Помогал ему создатель
Много, много лет.

Дарованьем и трудами
(не своими, а других)
Слыл он меж откупщиками
Из передовых.

Сам с осанкой благородной,
В собственном большом доме
Собирал он ежегодно
С нищих денег тьму.

Злу он просто был грозой,
Прославлял одно добро...
Вдруг толкнулся с сединою
Бес ему в ребро.

И, как Лермонтова Демон,
Старцу шепчет день и ночь...
(Кто-то видел, вкрался чем он,
Ну, его не гонят прочь!)

<< Бес >>

Ты мудрец, и сед твой волос, -

Не к лицу тебе мечты, –
Ты запой на новый голос...

<< Старец >>

Но скажи, кто ты?

<< Бес >>

Я журналов покровитель.
Без меня вы – прожились,
Вы без денег убедите ль?

<< Старец >>

в сторону

Дух гордыни, провались!

Громко

Гм! Не Лермонтова Демон,
Вижу, ты! Покойник был
(Хоть помянут будь не тем он)
Юношеский пыл.
Он-то мне Ледрю-Ролена
Некогда всучил...

<< Бес >>

в сторону

То-то не было полена –
я бы проучил!

<< Старец >>

продолжая

Но теперь с Ледрю-Роленом
Баста! вышел весь!
Твой я, Демон, новым пленом
я горжуся днесь!

Рек – и заключил издатель:

"Се настал прогресс:

И отступится создатель,

Так поможет бес!"

(1865)

136. В. И. АСТАШЕВУ

Посылаю поклон Веньямину.

На письмо твое должен сказать:

Не за картами гну теперь спину,

Как изволите вы полагать.

Отказавшись от милой цензуры,

Погубил я досуги свои, –

Сам читаю теперь корректуры

И мараю чужие статьи!

Побежал бы, как школьник из класса,

я к тебе, позабывши журнал,

Но не знаю свободного часа

С той поры, как свободу узнал!..

Пусть цензуру мы сильно ругали,

Но при ней мы спокойно так спали,

На охоте бывать успевали

И немало в картишки играли!..

А теперь не такая пора:

Одолела пииту забота,

Позабыл я, что значит игра,

Позабыл я, что значит охота! –

Потому что Валуев сердит;

Потому что закон о печати

Запрещеньем журналу грозит,

Если слово обронишь некстати!

Впрочем, в пятницу буду я рад

До Любани с тобой прокатиться:

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Глухари уж поют, говорят,

Да и вальдшнепу поволочиться,

Полагаю, приходит черед...

Сговоримся, – и завтра в поход!

Так и чудится: вальдшнеп уж тянет,

Величаво крылом шевеля,

А известно – как вальдшнеп потянет,

Так потянет и нас в лес, в поля!..

(7 апреля 1866)

137. ОСИПУ ИВАНОВИЧУ КОМИССАРОВУ
Не громка моя лира, в ней нет

Величавых, торжественных песен,

Но придет, народится поэт,

Вдохновеньем могуч и чудесен,

Он великую песню споет,

И героями песни той чудной

Будут: царь, что стезей многотрудной

Царство русское к счастью ведет;

Царь, покончивший рабские стоны,

вековую неправность людей

И свободных сынов миллионы

Даровавший отчизне своей;

И крестьянин, кого возрастил

В недрах Руси народ православный,

чтоб в себе – весь народ он явил

Охранителем жизни державной!

Сын народа! тебя я пою!

Будешь славен ты много и много...

Ты велик – как орудие бога,

Направлявшего руку твою!

(9 апреля 1866)

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
138.

Чего же вы хотели б от меня,
Венчающие славой и позором
Меня. Я слабый человек,
Сын времени, скупого на героя.
Я сам себя героем не считаю.
По-моему, геройство – шутовство.

(1866)

139.
Весь пыткой нравственной измятый,
Уже опять с своим пером,
Как землекоп с своей лопатой
Перед мучительным трудом, –
Он снова Музу призывает.

(1866(?))

140.
Белый день был недолог,
Вечера длинней.
Крики перепелок
Реже и грустней.
Осень невидимкой
На землю сошла,
Сизо-серой дымкой
Небо облекла.
Солнце с утра канет
В тучи, как в нору.
Если и проглянет,
Смотришь: не к добру!
Словно как стыдливым
Золотым лучом
Пробежит по нивам,
Глядь: перед дождем!
Побежал проворно
Оживленный ключ
И ворчит задорно:

"Как-де я могуч!"

Весь день ветер дует,
По ночам дожди;
Пес работу чует:
Дупельшнепов жди.

(Между 1856 и 1866(?))

141. ЭПИТАФИЯ
Зимой играл в картишки

В уездном городишке,
А летом жил на воле,
Травил зайчишек груды
И умер пьяный в поле
От водки и простуды.

(1867(?))

142. ПРИТЧА
Прислушайте, братцы! Жил царь в старину,

Он царствовал бодро и смело.
Любя бескорыстно народ и страну,
Задумал он славное дело:

Он вместе с престолом наследовал храм,
Где царства святыни хранились;
Но храм был и тесен и ветх; по углам
Летучие мыши гнездились;

Сквозь треснувший пол прорастала полынь,
В нем многое сгнило, упало,
И места для многих народных святынь
Давно уже в нем не хватало...

И новый создать ему хочется храм,
Достойный народа и века,
Где б честь воздавалась и мудрым богам
И славным делам человека.

И сделался царь молчалив, нелюдим,

Надолго отрекся от света
И начал над планом великим своим
Работать в тиши кабинета.

И бог помогал ему – план поражал
Изяществом, стройной красою,
И царь приближенным его показал
И был возвеличен хвалою.

То правда, ввернули в хвалебную речь
Сидевшие тут староверы,
Что можно бы старого часть уберечь,
Что слишком широки размеры,

Но царь изменить не хотел ничего:
"За всё я один отвечаю!.."
И только что слухи о плане его
Прошли по обширному краю,

На каждую отрасль обширных работ
Нашлись способные люди
И двинулись дружной семьёю в поход
С запасом рабочих орудий.

Давно они были согласны вполне
С царем, устройтелем края,
Что новый палладиум нужен стране,
Что старый – руина гнилая.

И шли они с гордо поднятым челом,
Исполнены честного жара;
Их мускулы были развиты трудом
И лица черны от загара.

И вера сияла в очах их; горя
Ко славе отчизны любовью,
Они вдохновенному плану царя

Рабочие люди в столицу пришли,
Котомки свои развязали,
Иные у старого храма легли,
Иные присели – и ждали...

Но вот уже полдень – а их не зовут!
Безропотно ждут они снова,
Царь мимо проехал, вельможи идут –
А всё им ни слова, ни слова!

И вот уже скучно им праздно сидеть,
Привыкшим трудиться до поту,
И день уже начал приметно темнеть, –
Их всё не зовут на работу!

Увы! не дождутся они ничего!
Пришельцы царю полюбились,
Но их испугались вельможи его
И в ноги царю повалились:

"О царь! ты прославишься в поздних веках!
За что же ты нас обижаешь?
Давно уже преданность в наших сердцах
К особе своей ты читаешь.

А это пришельцы... Суровость их лиц
Пророчит недоброе что-то,
Их надо подальше держать от столиц,
У них на уме не работа!

Когда ты на площади ехал вчера
И мы за тобой поспешали,
Тебе они громко кричали: ура!
На нас же сурово взирали.

На площади Мира сегодня в ночи

Строение храма ты нам поручи,
А им доверять – неразумно!.."

Волнуют царя и боязнь и печаль,
Он слушает с видом суровым:
И старых, испытанных слуг ему жаль,
И вера колеблется к новым...

И вышел указ... И за дело тогда
Взялись празднолюбцы и воры..
А люди, сгоравшие жаждой труда
И рвением, сдвигающим горы,

Связали пожитки свои – и пошли
Стыдом неудачи палимы,
И скорбь вавилонскую в сердце несли,
Ни с чем уходя, пилигримы,

И целая треть не вернулась домой:
Иные – в пути умирали,
Иные бродили по царству с сумой
И смуты в умах поселяли,

Иные скитались по чуждым странам,
Иные в столице остались
И зорко следили, как строился храм, –
И втайне царю удивлялись.

Строители храма не плану царя,
А собственным целям служили,
Они пожалели того алтаря,
Где жертвы богам приносили,
И многое, втайне ликуя, спасли,
Задавшись задачей трудной,
Они благотворную мысль низвели
До уровня ветоши скудной.

В основе труда подневольного их
лежала рутина – не гений..
Зато было много эффектов пустых
и бьющих в глаза украшений..

Сплотившись в надменный и дружный кружок
Лишь тех отличая вниманьем,
Кто их заслонить перед тронем не мог
Энергией, разумом, знаньем,

Они не внимали советам благим
Людей, понимающих дело,
Советы обидой казались им.
Царю говорят они смело:

О царь, воспрети ты пустым крикунам
Язвить нас насмешливым словом!
Зане невозможно судить по частям
О целом, еще не готовом!.."

Указ роковой написали, прочли,
И царь утвердил его тут же,
Забыв поговорку своей же земли,
что "ум хорошо, а два лучше!".

Но смело нарушил жестокий Закон
Один гражданин именитый.
Служил бескорыстно отечеству он
и был уже старец маститый.

Измлада он жизни умел не жалеть,
Не знал за собой укорины
И детям внушал, что честней умереть,
чем видеть бесславье отчизны;

По мужеству воин, по жизни монах
и сеятель правды суровой,

О "новом вине и о старых мехах"

Напомнив библейское слово,

Он истину резко раскрыл пред царем,

Но слуги царя не дремали,

Успев овладеть уже царским умом,

Улик они много собрали:

Отчизны врагом оказался старик -

Чужда ему преданность, вера!

И царь, пораженный избытком улик,

Казнил старика для примера!

И паника страха прошла по стране,

Всё головы долу склонило,

И строилось зданье в немой тишине,

Как будто копалась могила...

Леса убирают - убрали... и вот

"Готово!" - царю возвещают,

И царь по обширному храму идет,

Вельможи его провожают...

Но то ли пред ним, что когда-то в мечте

Очам его царским являлось

В такой поражающей ум красоте?

Что неба достойным казалось?

Над чем, напрягая взыскательный ум,

Он плакал, ликуя душою?

Нет! Это не плод его царственных дум!..

Царь грустно поник головою.

Ни в целом, ни в малой отдельной черте,

Увы! он не встретил отрады!

Но всё ж в несказанной своей доброте

Строителям роздал награды.

И тотчас им разойтись приказал,
А сам, перед капищем сидя,
О плане великом своем тосковал,
Его воплощенья не видя...

(20 июля 1869)

143.
Сыны "народного бича",
С тех пор как мы себя узнали,
Жизнь как изгнанники влеча,
По свету долго мы блуждали;
Не раз горючею слезой
И потом оросив дорогу,
На рубеже земли родной
Мы робко становили ногу;
Уж виден был домашний кров,
Мы сладкий отдых предвкушали,
Но снова нас грехи отцов
От милых мест нещадно гнали,
И зарыдав, мы дале шли
В пыли, в крови; скитались годы
И дань посильную несли
С надеждой на алтарь свободы.
И вот настал желанный час,
Свободу громко возвестивший,
И показалось нам, что с нас
Проклятье снял народ оживший;
И мы на родину пришли,
Где был весь род наш ненавидим,
Но там всё то же мы нашли -
Как прежде, мрак и голод видим.
Смутясь, потупили мы взор -
"Нет! час не пробил примиренья!"
И снова бродим мы с тех пор
Без родины и без прощенья!..

(1870)

144. КУЗНЕЦ
Памяти Н. А. Милютина

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спал.
Лишь не остыло б железо горячее,
Ты без оглядки ковал.

В чем погрешу и чего не доделаю,
Думал, - исправят потом.
Грубо ковал ты, но руку умелую
Видно доныне во всем.

С кем ты делился душевною повестью,
Тот тебя знает один.
Спи безмятежно, с покойною совестью,
Честный кузнец-гражданин!

Вел ты не даром борьбу многолетнюю
За угнетенный народ:
Слышал ты рабскою песню последнюю,
Видал свободы восход.

(Февраль 1872)

145.
Внизу серебряник Чекалин

Свои изделия продает,
А наверху Земфира Пален,
Как милый розанчик, цветет.

(Апрель 1872)

146. Н. П. АЛЕКСАНДРОВОЙ
В твоём сердце, в минуты свободные,
Что в нём скрыто, хотел я прочесть.
Несомненно черты благородные
Русских женщин в душе твоей есть.

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Юной прелестью ты так богата,

Чувства долга так много в тебе,
что спокойно любимого брата
я его представляю судьбе.

(Сентябрь 1872)

147. Е. О. ЛИХАЧЕВОЙ
Уезжая в страну равноправную,
Где живут без чиновной амбиции
и почти без надзора полиции, -
Там найдете природу вы славную.

Там подругу вы по сердцу встретите
и, как время пройдет, не заметите.

А поживши там время недолгое,
Вы вернетесь в отчизну прекрасную,
где имеют правительство строгое
и природу несчастную.

Там Швейцарию, верно, вспомните
и, как солнышко ярко засветится,
Собираться опять туда станете.
дай бог всем нам там весело встретиться.

Пусть не кажется в этих стихах
слабоумие вам удивительно,
так как при здешних водах
напряженье ума непользительно.

(Середина июня 1873)

148.
Хотите знать, что я читал? Есть ода
у Пушкина, названье ей: Свобода.
я рылся раз в заброшенном шкафу...

<1874>

149. П. А. ЕФРЕМОВУ
Взглянув чрез много, много лет

Полное собрание стихотворений. Том 2. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
На неудачный сей портрет,

Скажи: изрядный был поэт,
Не хуже Фета и Щербины,
И вспомни времена "Складчины".

(18 марта 1874)

150. НА ПОКОСЕ
Из "Записной книжки"

Сын с отцом косили поле,
Дед траву сушил.
"Десять лет, как вы на воле,
что же, братцы, хорошо ли?" -
я у них спросил.

"Заживили поясницы", -

Отвечал отец.

"Кабы больше нам землицы, -

Молвил молодец, -

За царя бы я прилежно

Господа молил".

- "Неужно, да улежно", -

Дедушка решил...

(5 августа 1874)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nekrasovnikolai.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!